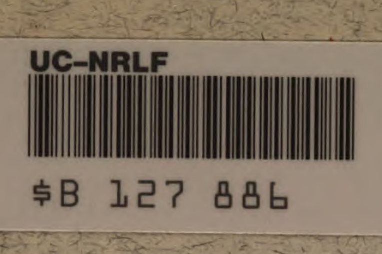

Николай Олигеръ.

Праздникъ Весны

РОМАНЪ.

КНИГОИЗД-СТВО
„ОСВОБОЖДЕНІЕ"
С П Б

Типографія «Сѣверъ» Спб., Загородный, 17.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ, мои высокоуважаемыя современницы, посвѣщаю я, какъ даръ почтительнаго поэта, эту скромную книгу. По вполнѣ понятнымъ причинамъ не входя въ оцѣнку ея достоинствъ и недостатковъ, я все—же осмѣливаюсь утверждать, что моя книга имѣетъ въ самой своей сущности нѣчто женственное: она трактуетъ о томъ, чего никогда не было и, быть можетъ, никогда не будетъ. Вы, милостивыя государыни, легче и быстрѣе, чѣмъ грубыя мужскія души, можете отрѣшиться отъ черствыхъ линій и сѣрыхъ основъ дѣйствительности; и Вы справедливо требуете, чтобы Ваши почтительные поклонники выражались высокимъ слогомъ, когда они говорятъ о высокихъ вопросахъ и священныхъ тайнахъ.

Будьте такъ любезны, взгляните.

Огненная звѣзда, одѣтая пламенемъ, это—жизнь И она мчится—не всегда одинаково быстро—мчится въ будущее, несетъ свое пламенное знамя среди сѣраго тумана, который молчитъ.

Отблескъ ея сіянія, постепенно угасая, остается

позади, — и снопъ краснаго свѣта брызжетъ впередъ, къ тому, чего еще не было.

Сѣрый туманъ—безъ жизни. Это—невѣдомое.

Онъ тяжелъ, какъ ледяное дыханіе осени и борется со свѣтомъ. Но свѣтъ сильнѣе.

Длинная полоса остается позади. Тамъ, вдали, въ ветхой древности она гаснетъ. Пусть старый пергаментъ грызутъ мыши. Глаза человѣка смотрятъ впередъ.

Смотрятъ впередъ и хотятъ видѣть, и видятъ далеко за предѣлами краснаго луча, который остръ, какъ оружіе. Тамъ мракъ, сѣрѣй мрака тумана, но человѣкъ видитъ.

Развѣ тамъ нѣтъ ничего?

Тамъ—мечта. Тамъ—то, чего еще не было.

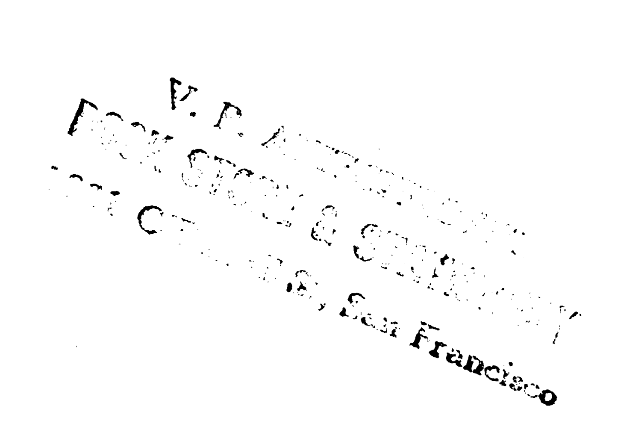
И къ своей мечтѣ стремится жизнь.

Итакъ, милостивыя государыни, я предлагаю Вамъ только мечту. И въ заключеніе я могу еще сообщить, что моя книга имѣетъ довольно короткія главы. Поэтому ее очень удобно читать даже послѣ обѣда, на достаточно мягкой кушеткѣ, —и если Васъ отвлекутъ какія нибудь посторонніе вещи,—какъ напримѣръ, семейныя обязанности—Вы все-же успѣете просмотрѣть двѣ—три главы, а это больше, чѣмъ ничего.

Позвольте же засвидѣтельствовать Вамъ мое совершенное почтеніе и преклонить колѣно въ знакъ моихъ рыцарскихъ чувствъ.

Авторъ.

Праздникъ Весны.

1.

— Ты уже проснулась, Лія? Вѣдь у васъ, на западѣ еще темно...

— Я боялась за свои цвѣты. Ночь была слишкомъ прохладна для тѣхъ, бѣлыхъ...

— Бѣлыхъ, съ прозрачными лепестками? Неужели они могли погибнуть?

— Нѣтъ, они невредимы. Нашъ праздникъ удастся. Цвѣты еще лучше, чѣмъ въ минувшемъ году.

— Подойди ближе, Лія, я плохо тебя вижу. Ты не зажгла свѣтъ?

— Зачѣмъ? Уже заря. Я была сейчасъ въ саду и волосы у меня мокрые отъ росы. И знаешь,—роса пахнетъ цвѣтами... А ты все уже сдѣлалъ, Коро? Ты успѣлъ?

— Сегодня я кончу послѣднее. Мнѣ кажется, это удалось. Я слишкомъ много думалъ о тебѣ, когда работалъ, но все таки удалось.

— Я вижу... До завтра, Коро.

— До завтра! А кому ты отдашь свой лучшій цвѣтокъ? Ты не скажешь?

Смѣхъ замеръ гдѣ-то вдали. Обликъ женщины, съ которой говорилъ Коро, растаялъ.

2.

Песокъ хрустѣлъ подъ ногами Коро. Художникъ шелъ быстро, почти бѣжалъ, въ своей легкой весенней одеждѣ.

Дорога поднималась кверху, по склону холма. На вершинѣ стояло огромное зданіе—храмъ Весны. Оно казалось легкимъ, какъ облако, и величественнымъ, какъ жилище Бога.

Коро смотрѣлъ на него опытнымъ взглядомъ художника и улыбался. Да это удалось.

— Мнѣ кажется, что это удалось! — сказалъ онъ громко.

Темная тѣнь пронеслась надъ его головой. Описала полукругъ и остановилась. Женскій голосъ, веселый и слегка насмѣшливый, позвалъ его сверху:

— Ты торопишься, Коро? Если хочешь, я тебя довезу.

Художникъ поднялъ глаза...

— Это ты, Формика... Нѣтъ я хочу пройтись... Это моя привычка. Послѣ прогулки прямо по песку, когда слышишь запахъ земли, голова работаетъ лучше.

Онъ продолжалъ идти пѣшкомъ, бодро врѣзаясь въ песокъ подошвами своей обуви, а Формика медленно подвигалась слѣдомъ за нимъ.

— Ты издалека?

— Я была въ горахъ, у стараго Павла. Ты знаешь, онъ рѣшилъ передать мнѣ свою работу, послѣ смерти. Да, да, самъ старый Павелъ... Но мнѣ неудобно такъ разговаривать съ тобой... Садись ко мнѣ, не упрямься.

— Уже близко... Еще двѣ сотни шаговъ...

— Много людей перебываетъ здѣсь завтра... Ты не боишься за успѣхъ?

— Не очень. Мнѣ кажется, что всѣ поймутъ нашу идею. Она такъ проста.

Коро положилъ руку на массивныя украшенія боковой двери храма. Она медленно распахнулась и нѣсколько голосовъ разомъ позвали художника съ легкихъ металлическихъ лѣсовъ, которые кое-гдѣ еще окутывали внутреннія стѣны своимъ тонкимъ кружевомъ:

— Скорѣй, скорѣе! Мы кончаемъ. Дѣло только за тобой,—и потомъ послѣднія мелочи для всѣхъ сообща... Скорѣе!

3.

Казалось, что внутри храма было еще свѣтлѣе, чѣмъ на склонѣ освѣщеннаго солнцемъ холма.

Горѣлъ свѣтомъ, — ослѣпительнымъ и, въ то же время, ласкающимъ и нѣжнымъ, какъ краски весенней зари. Ни одна, нужная для общей гармоніи, линія, ни одно красочное пятно не скрывались въ случайной тѣни. И божественныя лица зеленоватыхъ каріатидъ, поддерживавшихъ легкіе своды, тоже лили ровныя полосы тысячекратнаго луннаго свѣта.

Посрединѣ, на простомъ, лишенномъ всякихъ украшеній, пьедесталѣ, похожемъ на глыбу необдѣланнаго камня, стояла Весна. И вся остальная отдѣлка храма, вся скульптура и живопись были только огромной рамой, оттѣнявшей это изваяніе. Все было—для Весны. Свѣтъ, краски, золото. Творческая мысль человѣка, воплощенная въ безконечной вереницѣ образовъ.

Весна стояла на своемъ камнѣ, нагая и прекрасная, дышала жизнью, которая вѣчно творитъ и жаждетъ творенія, и, бодрая, почти изнемогаетъ отъ избытка своей силы. Мраморъ казался теплымъ. И дѣвственная грудь, какъ будто, поднималась и опускалась подъ бременемъ любви глубокими, волнующими вздохами.

Коро стоялъ у подножія лѣсовъ, на которые долженъ былъ подняться, чтобы закончить свою фреску, и смотрѣлъ на статую.

Душа Весны принадлежала только ему.

Не его руки высѣкли изъ камня эти прекрасныя формы. Но небольшой слѣпокъ, послужившій первоначальнымъ этюдомъ для статуи, сдѣлалъ онъ самъ. Сдѣлалъ съ Ліи, передавая природу, воспроизводя дѣвушку почти такою, какой она и была,—но существовавшую уже красоту одухотворилъ своей вѣрой.

Остальное сдѣлали товарищи — строители. Поняли мысль Коро и слились въ одно стремленіе.

Теперь среди храма поднималась изъ каменной глыбы Весна съ тѣломъ Ліи, но не Лія.

А Коро, стоя у лѣсовъ, видѣлъ въ статуѣ и Весну, и Лію. Одно сквозило сквозь другое, сплелось такъ тѣсно, что нельзя было раздѣлить. И художникъ жалѣлъ, что утренній разговоръ былъ такъ коротокъ, слишкомъ коротокъ.

До завтра.

Тогда въ его рукахъ будетъ большой бѣлый цвѣтокъ съ нѣжными лепестками. Лучшій цвѣтокъ изъ сада Ліи.

4.

Написанная на стѣнѣ картина—толпа встрѣчающихъ весенній праздникъ мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и счастливыхъ—была почти кончена. Только кое-гдѣ еще краски были слишкомъ тусклы, лежали ненужныя, лишнія тѣни и линіи.

На картинѣ тоже была Лія,—но уже не богиня, слишкомъ великая для человѣческой любви, а только веселая садовница.

Бросала груду цвѣтовъ на своего спутника, а спутникъ былъ—Коро.

Въ голубоватомъ туманѣ свивались гирляндой цвѣты и люди, красивые, свѣжіе отъ утренней росы. И передъ лицомъ богини—застыли въ моментѣ экстаза.

На однихъ подмосткахъ съ Коро, но ниже ярусомъ, работалъ Виланъ. Коро творилъ своихъ людей, такихъ прекрасныхъ, что они походили на боговъ, и боговъ, близкихъ людямъ—а Виланъ освѣщалъ ихъ.

Теперь онъ наполнялъ багровымъ, слегка матовымъ свѣтомъ остывающаго желѣза одежду маленькаго гнома съ морщинистымъ личикомъ, который выглядывалъ изъ лѣпныхъ украшеній надъ боковымъ входомъ. Гномъ—безобразенъ, но такъ было нужно.

— Виланъ! Ты хочешь тоже получить отъ меня праздничный подарокъ?

Виланъ старательно работалъ надъ каждой складкой багряной одежны, и на лицѣ у него, отъ усиленнаго напряженія мысли, выступили мелкія капли пота.

— Да, да,—разсѣянно отозвался онъ на вопросъ художника.—Я надѣюсь, что ты не забудешь и меня, другъ.

— Только ты получишь его немного раньше, чѣмъ слѣдуетъ!—смѣялся Коро.—Не поднимай глазъ кверху въ теченіе пяти минутъ. Всего пять минутъ... Ты слышишь?

— Да, да... Когда я кончу гнома.

Коро выбралъ изъ бѣгущей толпы одно изъ женскихъ лицъ, на переднемъ планѣ, и въ нѣсколько пріемовъ придалъ сходство съ Формикой: лицо не совсѣмъ красивое, но съ волной золотыхъ, искрящихся волосъ, разсыпавшихся по плечамъ и груди во время быстраго бѣга.

— Взгляни, Виланъ! Ты видишь?

Виланъ посмотрѣлъ, придерживаясь одной рукой за желѣзную перекладину лѣсовъ, почти повисъ въ воздухѣ, съ ловкостью опытнаго гимнаста.

— Это Формика? Хорошо. Но для нея самой это былъ бы лучшій подарокъ, чѣмъ для меня.

— Ты думаешь?

— Конечно. Тебя она любитъ больше, чѣмъ меня, хотя мы такъ много работали вмѣстѣ съ нею. Но въ концѣ концовъ лучше было бы, если-бы она пришла ко мнѣ, а не къ тебѣ. Для тебя она недостаточно красива и—не совсѣмъ художникъ. У нея недостаетъ вкуса. Можетъ быть, на нее повліялъ Павелъ. У глубокихъ стариковъ почему-то притупляется иногда чувство изящнаго.

— Я никогда не сойдусь съ Формикой!—серьезно отвѣтилъ Коро.—Я люблю ее, какъ всѣхъ, не больше. Но я хочу, Виланъ, чтобы ребенокъ, которому я дамъ жизнь, былъ красивѣе, умнѣе и лучше меня, а такія дѣти рождаются только въ моментъ восторга. Ты понимаешь? Съ Формикой это невозможно... какъ кажется... Она подходитъ къ тебѣ много больше... много больше... Увѣряю тебя.

— Ты правъ. Я хочу надѣяться на завтрашній праздникъ. Въ пылу веселья любовь крѣпнетъ. Но если Формика не захочетъ придти ко мнѣ, то, видишь-ли, я не буду очень огорченъ. Для меня жизнь пока еще достаточно весела и разнообразна,—и безъ женщины. У меня не такая глубокая натура, какъ у тебя. Всего этого свѣта, этого пестраго пламени дла меня достаточно. Я вношу его всюду, куда прихожу. Оно слушается каждаго изгиба моей мысли, а когда вздумаетъ упрямиться—я принимаюсь за работу снова... Послѣ праздника я отправлюсь далеко, за океанъ, на сѣверъ. Меня давно уже звали туда. Тамъ я буду устраивать воздушный

маякъ. Ты понимаешь, какъ это прекрасно? Цѣлые потоки, цѣлое море свѣта... И я буду купаться въ немъ столько дней.

— Свѣтъ, свѣтъ... всегда свѣтъ!—покачалъ головой художникъ.—Мнѣ было-бы скучно.

— Я говорю, что для тебя этого недостаточно. И, поэтому, тебѣ трудно будетъ найти женщину, которая вполнѣ подходила-бы къ тебѣ.

— Я нашелъ уже!—вскричалъ Коро.—Я нашелъ!

И, взявшись снова за свои инструменты, онъ бросилъ на грудь Формики одинъ изъ тѣхъ цвѣтковъ, которые разсыпала Лія.

5.

Кончали. Послѣдніе мазки. Послѣдніе удары.

Одни за другими исчезали послѣдніе лѣса и подмостки, вносившіе своими угловатыми металлическими переплетами пятна безобразія въ общую гармонію.

Акро, художникъ, одинъ изъ тѣхъ, которые высѣкали изъ камня изображеніе Весны, освобождалъ мозаичный полъ храма отъ временнаго покрова, предохранявшаго мозаику отъ пятенъ и царапинъ. Ему помогалъ Виланъ, который чувствовалъ себя немного утомленнымъ и поэтому хотѣлъ теперь взять на себя болѣе легкую работу.

Механики провѣряли дѣйствіе приборовъ.

Коро дѣлалъ послѣдній осмотръ всей скульптуры и живописи, взявъ себѣ въ помощники Абелу.

Тонкая и подвижная, она поспѣвала всюду прежде него самаго. Въ темномъ костюмѣ, усѣянномъ золотыми блестящими пчелками, то мелькала на узкой баллюстрадѣ, подъ самымъ куполомъ, то свѣшивалась надъ

головой каріатиды. И гордилась, что Коро, проходя послѣ нея, не замѣчалъ уже никакихъ недостатковъ.

Въ живописи онъ былъ ея первымъ учителемъ. Теперь она сама сдѣлалась хорошимъ мастеромъ и—женой Акро, который любилъ ее за смѣлые пріемы работы и за быстроту ея гибкихъ движеній, за глубокое знаніе искусства и за взглядъ большихъ синихъ глазъ, свѣтившихся подъ темными бровями.

У Акро былъ большой лобъ и выпуклый черепъ, спрятанный въ свѣтлыхъ, почти льняныхъ, кудряхъ. И глаза его походили на стальные, а когда онъ имѣлъ дѣло съ твердымъ гранитомъ, то изъ нихъ, какъ будто, сыпались искры. Онъ былъ силенъ такъ-же, какъ Коро, и его мысль была настойчивѣе, но, чтобы она начала работать, ей слѣдовало дать исходную точку. Вмѣстѣ съ Коро они творили боговъ.

— Коро, здѣсь сдѣлано дурно!—звала Абела изъ глубины портика.—Слишкомъ мало свѣта, а изгибъ карниза неправиленъ. Этого никто не увидитъ на праздникѣ, но все равно... Мы не должны такъ оставить, не правда ли?

— Конечно. Это безобразно.

— О, Коро, какъ я испугалась сегодня рано утромъ, когда тебя еще не было!—говорила Абела за работой.— Мнѣ показалось, что въ каменной глыбѣ, на которой стоитъ Весна, есть трещина. Маленькая, почти незамѣтная, но все-таки трещина. Я позвала Акро. Онъ тоже поблѣднѣлъ и глаза у него сдѣлались совсѣмъ зеленые. Такъ всегда бываетъ, когда онъ волнуется... Но оказалось, что настоящей трещины нѣтъ,—просто царапина. Все очень прочно. А какъ это было бы ужасно! Вѣдь мы не успѣли бы до завтра поставить новую глыбу... Подожди, я поднимусь наверхъ вмѣсто тебя. Ты тяжелъ, какъ статуи Акро. Подмостки гнутся.

За работой было жарко.

Она сбросила вышитую пчелами куртку. Подъ тонкой кожей играли крѣпкіе мускулы. Черныя пряди волосъ разметались по спинѣ и груди, и свивались кольцами, какъ маленькія змѣи.

— Я давно не видалъ тебя такъ, съ открытыми плечами!—сказалъ Коро. — А ты, кажется, похорошѣла. Я долженъ вылѣпить и тебя. Хорошо?

— Конечно... Акро лѣпилъ, но у него вышло не такъ, какъ нужно. Только я не гожусь для какой-нибудь новой Весны, милый Коро. Я слишкомъ тонка, а потомъ вотъ эти мускулы, около шеи, немного безобразны. Они слишкомъ выдаются, не правда-ли?

6.

Всѣ обѣдали вмѣстѣ, — художники, механики и каменщики. И, такъ какъ всѣ работы были кончены, а храмъ готовъ для праздника,—не спѣшили.

Абела грызла яблоко и смѣялась надъ Марой, каменщицей.

Мара увлекалась раскопками.

Нѣсколько недѣль тому назадъ она видѣла изъѣденный временемъ барельефъ, добытый изъ сырой и грязной ямы, гдѣ онъ пролежалъ много вѣковъ.

Безобразные люди. Хилые, съ отвислыми животами, въ нелѣпыхъ одеждахъ. Съ гримасами страданія на тупыхъ лицахъ.

— И все-таки въ этомъ есть что-то красивое. Они тогда уже знали кое-что. Можетъ быть, угадывали... Одинъ, въ серединѣ, несетъ знамя. Голова у него отбита, но руки превосходно сдѣланы. Огромныя, грубыя руки, впившіяся ногтями въ древко. Кто держитъ свое знамя такъ крѣпко,—тотъ знаетъ, куда онъ идетъ.

Абела смѣялась.

— Пожалуй, они шли уже прямо къ намъ, не такъ-ли?

— Да, я думаю. И тотъ, кто работалъ надъ берельефомъ, уже чувствовалъ красоту, новую жизнь, если не видѣлъ ее самъ.

— На сѣверѣ, надъ моремъ, мы поставили памятникъ! — задумчиво сказалъ Коро. — Тамъ изображенъ человѣкъ... некрасивый. Мы постарались воплотить въ немъ одномъ всѣ типичныя черты того времени. И развѣ онъ не прекрасенъ по своему, этотъ безобразный человѣкъ?

— Люди съ барельефа совсѣмъ не похожи на этого! — настаивала Абела. — Попробуй воскресить ихъ, Коро. Тогда, пожалуй, получится что-нибудь хорошее... Ты знаешь, грязь насквозь пропитала ихъ. Скверная, липкая грязь старой жизни. Мара говорила:

— Вы, художники, слишкомъ мало имѣете дѣла съ камнями,—большими, жесткими камнями, которые нужно обтесывать прямыми, скучными кубами для стѣнъ зданій. Когда я вспоминаю, что они ломали этотъ камень почти голыми руками, — мнѣ думается, что они были еще слишкомъ чисты. Они были рабами камней.

— Кто знаетъ исторію Гала?—спросилъ Виланъ.

Отвѣтила Абела.

— Я! Мы родились съ нимъ въ одинъ и тотъ же часъ. Его отецъ былъ не совсѣмъ здоровый человѣкъ. Можетъ быть, ему не слѣдовало имѣть дѣтей. Но онъ этого не зналъ — и Галъ родился. Ребенокъ росъ медленно и былъ слабѣе всѣхъ насъ. И, наконецъ, его отправили на острова, туда, гдѣ можно питаться почти однимъ солнечнымъ свѣтомъ. Онъ вернулся съ острововъ прошлой зимой и показался мнѣ совсѣмъ здоровымъ. Однако же ему не совѣтовали браться за слишкомъ трудную работу, — за такую, для которой тре-

буется не только знаніе, но также ловкость и проворство. А онъ не согласился. Онъ хотѣлъ быть равнымъ со всѣми—или совсѣмъ не быть.

— И во время работы онъ былъ равенъ...

— Да. Должно быть, у него закружилась голова. Онъ упалъ и рычагъ машины ударилъ его въ грудь. Тогда я въ первый разъ увидѣла живую, теплую кровь человѣка. Столько крови... Конечно, его можно было бы вылечить, если бы онъ согласился остаться калѣкой, не работать... Онъ не захотѣлъ этого, нашъ бѣдный Галъ. Сегодня онъ умретъ.

7.

Долго говорили о Галѣ, о смерти, которая иногда подкрадывается къ человѣку, когда онъ не ждетъ ее и еще хочетъ жить.

— Развѣ Галъ не хочетъ дожить до праздника?— спросилъ Коро. — Вѣдь мы засыпали бы его цвѣтами, спѣли бы ему хорошую пѣсню.

— Онъ боится потревожить наше веселье!—объяснила Абела. — Вѣдь такъ рѣдко умираютъ молодые. За всю мою жизнь только еще въ первый разъ я увижу молодого мертвеца.

— Я тоже!—сказали механики и другой каменщикъ.

— А я видѣлъ! — и Виланъ вздохнулъ. — Человѣкъ летѣлъ надъ моремъ—упалъ и утонулъ. Никто не зналъ и до сихъ поръ не знаетъ причины этого. Страшная загадка, темная и нѣмая. Потомъ мы нашли его трупъ. Онъ былъ безобразенъ.

— Можетъ быть, онъ не хотѣлъ умереть, а Галъ— хочетъ!—возразилъ Коро.—Пойдемъ къ нему всѣ и убѣдимъ его, чтобы онъ умеръ завтра. Зачѣмъ онъ будетъ

лишать себя послѣдней радости? Онъ такъ любитъ живопись, цвѣты и музыку, — больше, чѣмъ всѣ мы вмѣстѣ.

— Если бы была съ нами Лія! — жалѣла Абела. — Никто не умѣетъ такъ приласкать и упросить, какъ она.

— Мы возьмемъ съ собою стараго Лекса!—предложили механики.—Онъ былъ его учителемъ. Онъ хорошо знаетъ душу Гала.

8.

Они летѣли.

Старый Лексъ сидѣлъ на рулѣ и несъ молодыхъ строителей надъ широкимъ озеромъ, за которымъ жилъ Галъ.

Солнце было близко къ закату.

Горы покраснѣли и яркое сіяніе горѣло на ихъ вершинахъ. Озеро темнѣло. У береговъ оно приняло слегка фіолетовый оттѣнокъ, а въ глубинѣ таилось черное,— темнота. И откуда-то издалека, какъ будто изъ этой черной глубины, доносились неясные, связные аккорды музыки,—тихой и торжественной музыки вечера.

Коро стоялъ впереди, кутался въ свой теплый плащъ, который игралъ подъ вѣтромъ мягкими складками. Прислушивался, и въ головѣ складывался новый образъ, новая картина, болѣе прекрасные, чѣмъ прежніе.

Абела угадала это по неподвижному взгляду художника. И, взявъ за руку Акро, тихо отвела его назадъ, къ другимъ товарищамъ, которые сидѣли вокругъ стараго Лекса.

Лексъ разсказывалъ имъ о тайнѣ жизни, которая уже почти познана. Потомъ, въ короткихъ словахъ освѣ-

жилъ въ ихъ памяти ту длинную дорогу, по которой шли люди, чтобы постичь эту тайну.

Какъ они стремились впередъ и, безсильные, падали передъ препятствіями. Какъ живые брали мысли умершихъ—и опять шли. Какъ сбивались съ дороги и видѣли, что все погибло, въ ту самую минуту, когда разгадка, казалось, была совсѣмъ близка.

И привыкли страдать.

— Зачѣмъ же они жили?—спрашивалъ Виланъ.—И если бы они страдали только духомъ. Но у нихъ были хилыя, больныя тѣла, пропитанныя ядомъ заразы. Зачѣмъ?

Старый Лексъ отвѣчалъ:

Они не были хозяевами самихъ себя, — рабы жизни. И кто можетъ разгадать теперь, что было написано въ ихъ душахъ?

Мы знаемъ многое.

Границы міра необъятно расширились.

Они были рабами, мы—властелины.

Сама смерть смирилась передъ нами и обрываетъ нить сознанія только тогда, когда все содержаніе личной жизни изжито уже до конца.

Случайныя смерти, какъ грядущая смерть Гала, такъ рѣдки, что не вносятъ никакого разстройства въ общую гармонію.

Мы знаемъ многое.

Но знаемъ-ли мы, что такое страданіе?

Они, прежніе, иногда, какъ будто, обожали страданіе. Шли ему навстрѣчу, какъ навстрѣчу любви.

— Кто знаетъ это?—говорилъ Лексъ.—Можетъ быть, нужно спросить тѣхъ, кто роется въ пыли старыхъ книгъ, гдѣ записана ихъ философія.

— Я изучалъ это!—сказалъ одинъ механикъ.—Тамъ есть вещи, смыслъ которыхъ теперь утраченъ. Но они сами считали свою мудрость божественной.

Никто не замѣтилъ, какъ подошелъ Коро. Онъ улыбнулся и отвѣтилъ механику;

— Ты ошибаешься, другъ. Понять можно все. Но не все можно перечувствовать. Когда-то половина міра поклонялась страдающему Богу. Символъ страданія они сдѣлали своимъ божествомъ. Скажи мнѣ, что чувствовали эти вѣрующіе? Войди въ ихъ душу.

— Говорятъ, что это сдѣлалъ Кредо, писатель!— сказалъ Виланъ.—Онъ просилъ меня, чтобы я привелъ къ нему своихъ друзей,—выслушать и обсудить. Онъ не рѣшается еще выступить передъ всѣми.

— Тотъ Кредо, который живетъ теперь съ Галомъ?

— Да.

9.

За озеромъ, на покрытой хвойнымъ лѣсомъ равнинѣ, стояло жилище Гала. Мохнатыя вѣтви елей заглядывали въ его комнату. И кругомъ не было больше ни одного человѣка, кромѣ молодого Кредо, потому что больному нужна была тишина.

Ели молча покачивали вѣтвями. Неслышно ступалъ въ своей мягкой обуви Кредо.

Галъ лежалъ въ тѣни, у подножія огромнаго стараго дерева. Въ тѣни, гдѣ было влажно и тихо.

Кредо смотрѣлъ на него большими, темными глазами. Смотрѣлъ и думалъ.

— Читай мнѣ!—просилъ иногда Галъ.—Читай то, что ты надумалъ здѣсь, въ тишинѣ.

Кредо читалъ. Онъ ловилъ мысли больного и возсоздавалъ давно забытые образы. Галъ спорилъ.

— Это не совсѣмъ такъ. Не совсѣмъ такъ, какъ нужно. Я хотѣлъ-бы, чтобы врачи заставили страдать

и мое тѣло. Тогда ты могъ-бы создать еще лучшее. Вѣдь я не чувствую боли. Мнѣ только грустно.

— Да, да... Я понялъ теперь, что такое грусть. Видишь эти деревья? Они тоже печальны. И они плачутъ. Съ ихъ вѣтвей падаютъ прозрачныя смолистыя слезы. Они плачутъ.

И, вдвоемъ, они медленно уходили въ глубь лѣса. Если вдали звонко чирикала птица—они вздрагивали. Имъ нужна была тишина, глубокая и загадочная, какъ сама вѣчность.

— Спѣши, Кредо! — сказалъ Галъ. — Скоро я прощусь съ тобой. Тишина проникла мнѣ въ сердцѣ. Я усталъ.

Но Кредо не торопился.

10.

Строители пришли къ Галу, когда заря еще не успѣла погаснуть.

Разсѣяли тишину, но Галъ увидалъ ихъ молодыя лица и бѣлую бороду Лекса,—обрадовался.

— Вы хорошо сдѣлали, что пришли ко мнѣ, друзья. Сказалъ-ли вамъ кто-нибудь, что сегодня мой послѣднiй вечеръ?

— Тишины больше нѣтъ!—сказалъ Кредо.—Но мнѣ кажется, что я проникъ въ ея тайну. И эту тайну я назову твоимъ именемъ, Галъ. Ты—ея настоящiй творецъ.

— Долой тишину!—отвѣтила ему Абела и положила свои руки на исхудавшiя плечи Гала.—Кредо околдовалъ тебя своими древними призраками, бѣдный Галъ. Ты далъ ему уже слишкомъ много. Вернись теперь къ намъ,—на свой послѣднiй день.

Галъ отрицательно покачалъ головой.

— Мой послѣднiй день уже прошелъ. Сегодня утромъ я долго смотрѣлъ на восходъ, когда просыпалась жизнь и свѣтлое солнце поднималось надъ моремъ. Это было такъ прекрасно, мои любимые. И съ этой красотой я уже простился. Не уводите же меня изъ тишины. Она— въ моемъ сердцѣ.

— А простился ли ты съ цвѣтами и пѣснями? Простился ли ты съ нашимъ весеннимъ праздникомъ?— спрашивала Абела.

Просилъ Лексъ:

— Не огорчай насъ въ день торжества любви.

И просили всѣ остальные.

Только Коро остался въ сторонѣ.

— Можетъ быть,—говорилъ онъ,—можетъ быть, такъ, какъ рѣшилъ самъ Галъ, было-бы лучше.

— Вспомни, Галъ, что завтра—день радости!—говорила Абела.—Завтра все будетъ служить для нашего торжества и все будетъ торжествовать вмѣстѣ съ нами. Камни будутъ говорить, Галъ, и озера смѣяться, и луга вздохнутъ полной грудью,—а ты хочешь уходить. Мы не просимъ тебя еще надолго остаться съ нами. Нѣтъ, мы не хотимъ жертвы и ты сдѣлаешь такъ, какъ хочешь... Но завтра, завтра ты будешь вмѣстѣ съ нами.

Вершины, освѣщенныя зарей, гасли. Осталась одна, самая высокая, и она была похожа на пылающiй факелъ.

Галъ смотрѣлъ на эту вершину, и было замѣтно, что гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ его темныхъ зрачковъ, что-то боролось: искушенiе жизни съ искушенiемъ смерти.

— Я хотѣлъ умереть здѣсь, въ тишинѣ!—сказалъ онъ затѣмъ.—И закатъ этого дня я хотѣлъ сдѣлать своимъ закатомъ. Вы зовете меня на праздникъ. Я не знаю. Я не думалъ объ этомъ.

И онъ поднялъ глаза на Кредо, съ которымъ сроднился за время ихъ одиночества. У нихъ часто бывали общія мысли.

— Тебѣ тоже слѣдуетъ быть на праздникѣ!—сказала Абела писателю.—Ты живешь здѣсь уже слишкомъ долго, и на твоемъ лбу слишкомъ много новыхъ морщинъ.

— Да, да... Можетъ быть... Но я еще не кончилъ. Я не нашелъ еще того, что искалъ такъ долго.

Вершина, похожая на факелъ, погасла. Пришла ночь.

— Пусть будетъ такъ, какъ вы хотите!—рѣшилъ тогда Галъ.—Закатъ ушелъ уже безъ меня. Теперь я хочу ждать до завтра.

11.

Было еще слишкомъ рано, чтобы возвращаться туда, къ храму Весны, къ мѣсту праздника.

Всѣ сидѣли на лѣсной полянѣ, вокругъ больного Гала, и Кредо былъ тутъ же.

— Разскажи намъ о старыхъ вѣкахъ!—сказала ему Мара.—Недавно я видѣла старыхъ людей, сдѣланныхъ изъ ветхаго камня. Я хочу знать, что они думали,—и мнѣ кажется, ты можешь это угадать.

У Кредо была одна сказка, о которой не зналъ еще и Галъ. Но прежде, чѣмъ прочесть ее, онъ всталъ и ушелъ въ лѣсъ.

Вернулся оттуда съ большой связкой сухого, смолистаго хвороста и бросилъ его посреди поляны.

— Я разскажу вамъ старое, очень старое. И пусть намъ свѣтитъ огонь такой-же старый,—тотъ самый, на который смотрѣли глаза нашихъ древнихъ отцовъ.

Виланъ помогъ ему зажечь костеръ и всѣ сидѣли

при его свѣтѣ, багровомъ и дымномъ, отблески котораго едва долетали до высокихъ деревьевъ, окружавшихъ поляну.

— Какъ онъ слабъ!—покачалъ головой Виланъ.—Должно быть, у нашихъ отцовъ глаза были большіе, широко открытые, какъ у ночныхъ животныхъ. Они жили вотьмѣ. И поэтому, должно-быть, казались испуганными.

Смолистыя вѣтви трещали—и сыпались отъ нихъ искры. Искры поднимались вверхъ вмѣстѣ съ клубами дыма, кружились и безсильно гасли.

Кредо слѣдилъ за умиравшими искрами и говорилъ. Ему не нужна была книга. Вся сказка жила въ его головѣ,— и, можетъ быть, она родилась только теперь, въ свѣтѣ костра.

И въ памяти тѣхъ, кто его слушалъ, не осталось всѣхъ словъ Кредо. Что слова? Они улетали и гасли, какъ искры костра. Но оставалось отъ искръ багровое сіяніе, и остались отъ словъ воскрешенные образы.

12.

Земля была плоская и большая. Сонно текли молчаливыя рѣки и въ озерахъ, заросшихъ камышемъ, вода была мертвая. Кое-гдѣ поднимали свои пустынныя груди высокія горы. Но что было дѣлать человѣку тамъ, въ высотѣ? Летали тамъ орлы и коршуны, и хищнымъ окомъ смотрѣли внизъ.

А люди жили внизу.

Медленно ползали по равнинамъ. Осторожно прокрадывались въ лѣсной чащѣ, насторожившіеся и злые, какъ звѣри. Рылись въ самой землѣ, какъ кроты. Пробирались глубоко подъ покровъ равнины и ползали тамъ въ тѣсныхъ проходахъ, вмѣстѣ съ чудовищными

и отвратительными созданіями, — слѣпыми жителями пещеръ.

Шли черезъ пустыню, по знойному песку, который обжигалъ босыя ноги, по острымъ осколкамъ кремней.

Людей было много. Повсюду виднѣлись ихъ согнутыя спины и бѣлѣли кости мертвыхъ,—потому что они умирали такъ часто, что многихъ некогда было хоронить.

Ходили всѣ согнувшись, какъ будто на плечахъ всегда носили тяжесть. По согнутымъ спинамъ удобно били бичи.

Потому что всегда надъ людьми тяготѣлъ бичъ.

Въ тѣсныя подземелья, къ слѣпымъ гадамъ, загонялъ ихъ бичъ.

По кременистой пустынѣ, гдѣ вся дорога была вымощена истлѣвшими трупами, гнали ихъ удары бича.

И когда шли по невоздѣланной нивѣ, налегая грудью на плугъ—ихъ гналъ бичъ.

Говорили люди на разныхъ языкахъ и бичъ называли разно.

Въ одномъ мѣстѣ бичъ называли: голодъ.

Въ другомъ: рабство.

Въ третьемъ: насиліе.

А часто бичъ просто былъ сдѣланъ изъ жесткаго сыромятнаго ремня съ желѣзными колючками на концѣ. Этотъ бичъ держалъ въ рукѣ человѣкъ такой-же, какъ тотъ, котораго били.

Земля была плоская и большая. Если кто-нибудь вопилъ и плакалъ, то крикъ его безслѣдно терялся въ пустынѣ.

Такъ жили люди и не разгибали спинъ. Ходили согнувшись. Были уродливы и дряблое мясо было плохо прилажено на кривыхъ костяхъ. Были уродливы.

Когда одни умирали, другіе рождались—такіе же.

Продолжалась жизнь, какъ цѣпь съ одинаковыми звеньями, которымъ нѣтъ конца.

Безконечное тяготѣло надъ людьми и, такъ какъ они были грубы и слабы умомъ, то сдѣлали себѣ это безконечное изъ мѣди и камня, чтобы видѣть его.

Сдѣлавшіе говорили другимъ:

„Смотрите, вотъ онъ, всесовершенный Властитель вашъ. Онъ милуетъ и караетъ. Ему поклоняйтесь и бойтесь гнѣва его, потому-что онъ страшенъ".

Смотрѣли другіе, а также многіе изъ тѣхъ, которые помогали дѣлать его и видѣли, что взглядъ мѣднаго Властителя страшенъ и грозны протянутыя руки. Поклонялись и падали въ прахъ.

Великъ былъ сдѣланный Властитель и его чело, увѣнчанное короной, поднималось высоко надъ равниной. Протянутыя руки можно было раскалять огнемъ — и тогда металлъ дѣлался бѣлымъ и сіялъ, какъ серебро.

И, чтобы миловалъ всесовершенный Властитель, люди приносили ему своихъ дѣтей,—юношей и дѣвъ. Выбирали самыхъ прекрасныхъ и сильныхъ, въ жилахъ которыхъ билась жажда любви и жизни. Клали ихъ, связанныхъ, на протянутыя руки, и юноши, и дѣвы корчились въ мукахъ и сгорали. Въ уголь и въ пепелъ обращались ихъ бѣлыя, живыя тѣла—и сладокъ былъ сдѣланному Властителю зловонный дымъ этой жертвы.

Люди радовались, пѣли и плясали вокругъ всесовершеннаго. Но плакали матери кровавыми слезами и никто не удивлялся имъ, потому что всеблагой былъ безконеченъ и былъ—страданіе.

Сидѣлъ онъ высоко и смотрѣлъ своими мѣдными глазами, сидѣлъ вѣчно и смотрѣлъ. Видѣли безконечность его глаза, и земля у ногъ его утучнялась кровью. Цвѣли цвѣты и зрѣли плоды на утучненной землѣ, и вотъ цвѣты дѣлались все благоуханнѣе и плоды сочнѣе.

Вмѣсто увядшихъ цвѣтовъ выростали лучшіе и вмѣсто сорванныхъ плодовъ—болѣе сладкіе.

Люди рождались и умирали и опять рождались. Были они, какъ сорванные цвѣты и какъ созрѣвшіе плоды. Росла ихъ мудрость и шелъ ученикъ дальше своего учителя. Были они грязны и сгорблены попрежнему, кора грязи покрывала ихъ, потому что они жили скудно и мрачно, какъ черви, но свѣтлѣли ихъ души.

Пришло время, и вотъ, неподвиженъ и глупъ сдѣлался для нихъ мѣдный Властитель и стали они искать другого.

А когда иной изъ людей говорилъ:

„Не нуженъ намъ совсѣмъ господинъ, который казнитъ и караетъ и въ зловоніи жертвъ находитъ наслажденіе!"

Ему отвѣчали:

„Безумный рабъ! Развѣ жизнь — не страданіе? Какъ же намъ безъ господина?"

И многихъ такихъ сожгли и побили камнями до смерти. Прахъ и пепелъ ихъ развѣяли по вѣтру, какъ прахъ нечестивый.

Искали люди и говорили:

„Гдѣ же милостивый Властитель нашъ, который выведетъ насъ изъ плѣна?"

Искали и нашли и создали новое возвышенное сѣдалище, которое возвышалось надъ равниной, и посадили на него новаго Властителя.

А стараго, мѣднаго, съ протянутыми руками, низвергли.

Украсили новое сѣдалище и одежду новаго Властителя убрали золотомъ, чистымъ, тяжелымъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Каждый изъ этихъ камней,—а было ихъ многія тысячи — стоилъ тысячу и пятьсотъ жизней.

Стояли передъ Властителемъ согнувшись и не смѣли

взглянуть на лицо его. Читали надписи, которыя глубокими буквами были вырѣзаны по сторонамъ сѣдалища.

На сѣверъ была надпись:

„Покайтесь! Такъ какъ приближается часъ, когда я приду судить васъ".

На югъ была надпись:

„Смирите души ваши и преклоните головы, ибо для смиренныхъ мое царство и прокляты мною гордые".

На востокъ была надпись:

„Презрѣнъ и проклятъ этотъ міръ вашъ. Отверните отъ него лица ваши и прославляйте смерть, ибо я даю вамъ воскресеніе. Горе счастливымъ и любящимъ жизнь: они во власти дьявола".

На западъ была надпись:

„Ранящему васъ бичу покоряйтесь и смерти радуйтесь!"

У подножія сѣдалища корчились безумные и бѣсноватые, въ нищенскихъ рубищахъ. Были и такіе—и даже довольно многіе—которые оскопляли себя во имя Властителя.

Служившіе же ему въ пышныхъ одеждахъ, украшенныхъ золотомъ, изрыгали брань на міръ и жизнь. Другіе, тощіе, какъ истлѣвшіе трупы, и въ темныхъ одеждахъ, отвѣчали:

„Истинно такъ! Будемъ плакать и каяться".

Но такъ какъ время проходило и поколѣніе нарождалось за поколѣніемъ, то совершенствовались люди и глаза ихъ прозрѣвали. Тѣ, которые прозрѣвали—видѣли, что этотъ Властитель—грозенъ и свирѣпъ, какъ прежній, и пожираетъ юношей и дѣвъ. Такъ какъ много было погибавшихъ именемъ его, и не отворачивалъ Властитель своего лица отъ дыма этихъ жертвъ.

А служители его говорили:

„Страдайте. Или не видите, что глубоко написано

на камняхъ сѣдалища? Не для радости этотъ міръ, но для скорби. Кайтесь и готовьтесь къ новой жизни, за гробомъ. И благословляйте бичъ, падающій на спины ваши. Покайтесь!“

Люди слушали и каялись, пресмыкаясь въ прахѣ и цѣлуя стопы ногъ служителей. Покаявшись, умирали и черви ѣли тѣла ихъ, и обращались они въ грязь и плѣсень.

И были мертвые — мертвы, а новые рождались и ждали воскресенія.

Была земля велика и плоска, какъ прежде. Но вырастали на ней цвѣты все пышнѣе и плоды — слаще. Жажда познанія грызла сердца людей и свѣтлѣлъ ихъ духъ въ то время, какъ тѣла были грубы и безобразны.

Иные поднимали уже лица вверхъ, отъ грязной земли, и искали,—но такихъ предавали смерти, во славу Властителя.

Говорили служители его:

„Согнитесь“.

Жили также люди называющіе себя мудрецами, обласканные сильными и тоже говорили:

„Согнитесь“.

Потому что пуста была мудрость ихъ — мудрость смиренія.

Но смѣнялись цвѣты цвѣтами и поколѣніе проходило за поколѣніемъ.

Обветшало драгоцѣнное сѣдалище, и лицо Властителя источилъ дождь и вѣтеръ, — и многіе начали думать, что онъ не вѣченъ. А когда посмотрѣли на глубокія надписи, то увидѣли, что законъ изглаживается, потому что время съѣдаетъ и камень.

Такъ узнали, что не вѣченъ ихъ Властитель.

Видѣли служители и всѣ, украшенные золотомъ, что будетъ имъ худо, потому что кормились они у сѣдалища, и сказали:

„Нуженъ новый господинъ, а то низвергнется этотъ, какъ и первый".

Призвали со всего свѣта называющихъ себя мудрецами и сказали имъ:

„Вотъ, видите, что случилось? Сдѣлайте же новаго господина по всей мудрости вашей".

Тогда мудрецы сошлись тѣсно, кивали лысыми головами и сыто улыбались, и дѣлали господина. Вложили въ работу всю свою хитрость и все свое знаніе,—а хитрость и знаніе ихъ были велики.

Но не увидѣли мудрецы, какъ пришелъ Нѣкто.

Былъ онъ огроменъ и трепетали жизнью всѣ его члены, потому что не былъ онъ сдѣланъ изъ мѣди или золота.

Стоялъ на высокой горѣ, видѣлъ съ нея всю землю, на которой жили люди. И держалъ въ рукѣ молотъ, которымъ разбивалъ.

Голосъ его превосходилъ собою раскаты грома, и слышали его всѣ.

Говорилъ онъ такъ:

„Подымите головы. Разогните спины, чтобы увидѣть меня всего, могучаго съ молотомъ, въ свѣтѣ солнца. Вотъ города, которые я строилъ, и дороги, которыя я проводилъ, и нѣтъ ничего, чего бы не коснулась рука моя. Итакъ, разогнитесь, потому что я—это духъ вашъ и ваша сила. Поглядите вокругъ и увидите, что міръ прекрасенъ, и нѣтъ радости лучше, какъ радость жизни. Смѣйтесь и радуйтесь и въ радости побѣждайте".

Смутились мудрецы въ тѣсномъ кругу своемъ и шептали:

„Что онъ говоритъ? Не бунтъ ли проповѣдуетъ"?

Смутились служители, одѣтые въ золото, и кричали:

„Согнитесь и закройте уши ваши, потому что это ложь. Кайтесь и молитесь!"

Но всѣмъ были слышны слова великаго съ молотомъ и падали, какъ роса жизни, на души всѣхъ тѣхъ, кто строилъ города и проводилъ дороги. И даже тѣ, которые рылись, какъ кроты, подъ землею, вышли и слушали.

Разносился голосъ великаго до отдаленныхъ краевъ земли, и тѣ, кто слышалъ его, разгибались и смотрѣли прямо—и видѣли, что миръ будетъ прекрасенъ, если они возьмутъ его.

Нельзя было ужъ ихъ всѣхъ сжечъ или побить камнями, во славу Властителя, потому что они создали все и опустѣлъ-бы міръ безъ нихъ, и долженъ былъ погибнуть. Но одѣтые въ золото неистовствовали, спрашивали совѣта у мудрыхъ и набросали гору труповъ у подножія дряхлѣющаго Властителя. И кивали лысыми головами мудрецы, говоря:

„Такъ слѣдуетъ по закону".

Но кривы были ихъ улыбки, какъ улыбки приговоренныхъ.

Когда же проникъ голосъ великаго до самаго отдаленнаго края земли и всѣ, слышавшіе его, выпрямились и смотрѣли прямо,—упалъ съ великимъ грохотомъ погибшій Властитель и разсыпалось въ дребезги его высокое сѣдалище. Погребены были подъ нимъ всѣ украшенные золотомъ и называвшіе себя мудрецами — и кровь ихъ смѣшалась съ кровью ихъ убійствъ.

Расцвѣла земля новой жизнью и не было на землѣ Властителя, кромѣ радости существованія,—и не строили украшеннаго сѣдалища великому, потому что онъ жилъ въ сердцахъ всѣхъ, кто разогнулъ спину свою и прозрѣлъ.

Ходили новые люди по землѣ и жили хорошо, приближаясь къ счастью.

Но что было до того тѣмъ, которые уже умерли и истлѣли, и кости которыхъ обратились въ прахъ.

Напоена вся земля страданіемъ ихъ.

Что имъ до того, что люди познали начало счастья и все ближе подходятъ къ нему?

Истлѣли ихъ дряхлыя кости.

Въ страданіи они родились, въ страданіи умерли. Что имъ до радости?

13.

Костеръ догоралъ. Кто-то изъ каменщиковъ взялъ обѣими руками большую охапку хвороста и бросилъ ее на груду тлѣющихъ угольевъ. На нѣсколько мгновеній еще сохранявшееся пламя совсѣмъ погасло. Потомъ вырвался наружу первый огненный языкъ, длинный и острый, за нимъ другой и третій.

— Да, мы должны помнить о жертвахъ!—задумчиво проговорилъ Лексъ.—Еще въ дни моей молодости люди чаще вспоминали о тѣхъ, кто выковалъ ихъ счастье. Тогда еще въ душахъ многихъ таилось что-то... что-то родственное тѣмъ, которые погибли. А теперь они намъ чужды, слишкомъ чужды... И мы ихъ забываемъ.

— Я думаю, что они не были такъ ужъ очень несчастны!—сказалъ Виланъ.—Вѣдь они не видѣли ничего лучшаго.

Коро сѣлъ ближе къ писателю и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ:

— Твоя сказка хороша, Кредо. Ты воскресилъ во мнѣ старое, старое. Я думалъ, что это навѣкъ похоронено, но оно еще живо.

— Да,—отвѣтилъ Кредо,—я чувствую это, но сказка не удалась. Почему мнѣ никогда не удается, Коро, разсказать то, что назрѣло въ моей головѣ?

— Никогда?

— Никогда. И вотъ, я думаю: уничтожимъ ли мы когда-нибудь это страданіе,—страданіе творчества? Передо мною—лѣстница изъ мечей, и я долженъ по ней восходить наверхъ. И когда я уже весь израненъ—я оглядываюсь и вижу, что поднялся совсѣмъ не такъ высоко, какъ думалъ. Ахъ, я никогда не бываю доволенъ тѣмъ, что я создалъ. А мнѣ хотѣлось-бы пережить одну только минуту,—одну краткую минуту полнаго удовлетворенія. Сказать: вотъ, я достигъ вершины, и сдѣланное мною—хорошо.

— Мнѣ тоже приходило это въ голову. Но я думаю что такое страданіе нельзя и не нужно уничтожать. Вѣдь это—наша душа.

— Нѣтъ, Коро, нѣтъ! Придетъ время,—можетъ быть, оно еще очень далеко,—и мы будемъ создавать лучшее. Каждое созданіе сдѣлается нашей истинной гордостью, потому что оно будетъ высочайшимъ плодомъ нашей творческой силы.

Галъ утомился. Онъ полулежалъ, закрывъ глаза, и тѣни огней неровно скользили по его лицу.

Абела приложила палецъ къ губамъ.

— Тише! Онъ спитъ... Не пора ли намъ домой? Вѣдь нашъ день начнется съ разсвѣтомъ.

Лексъ всталъ и за нимъ другіе.

Простились съ Кредо. Онъ долго провожалъ ихъ взглядомъ, стоя у изголовья своего друга, пока они не изчезли въ темнотѣ ночи.

Костеръ во второй разъ догорѣлъ, и угли распадались. Тлѣли, какъ груда золота, и пробѣгали уже по нимъ черныя струйки пепла.

Потомъ Кредо повернулся лицомъ къ лѣсу и внимательно прислушивался къ тишинѣ. И тишина оживала въ его ушахъ, и слышалъ онъ связный шопотъ и вздохи,

выходившіе изъ самой глубины земли,—вздохи, полные загадочной и еще не познанной тайны.

Онъ вслушивался и познавалъ ее,—въ такомъ тихомъ уединеніи.

14.

Торопились. Лѣсъ и два друга, которые жили въ немъ, уходили назадъ быстро, какъ прерванный сонъ.

Абела положила голову на колѣни Акро и дремала. Виланъ стоялъ, кутаясь въ свою теплую одежду, невысокій и крѣпкій и ловилъ глазами отраженіе огней, вспыхивавшихъ въ безконечной дали.

Мара со смѣхомъ закрыла ему глаза своей ладонью.

— Не смотри и не думай... Ты долженъ отдыхать. Должно быть, ты скучаешь по ночамъ тамъ, гдѣ мало свѣта?

— Да, мы побѣдили темноту. Это большая наша заслуга, Мара. Тамъ, гдѣ темно, рождаются мысли такія древнія и страшныя, какъ мысли Кредо. Я не люблю ихъ. И не люблю плакать. Зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Не знаю. Но послѣ того, какъ я услышала сказку о страданіи, мнѣ еще лучше жить. Ты понимаешь?

— Робкія тѣни, блѣдные призраки минувшаго... Нѣтъ, это не по мнѣ. Я люблю блескъ ясный и спокойный, который не оставляетъ загадокъ. Я люблю твердыя линіи и прочныя основы, потому что я—только рабочій, и во мнѣ живетъ простая рабочая душа.

Прибыли домой,—къ подножію холма, на которомъ стоялъ храмъ Весны. И разошлись немного утомленные, съ задумчивыми взглядами смыкающихся глазъ, сохраняя еще въ своихъ одеждахъ нѣжный и мягкій запахъ хвойнаго лѣса Кредо.

А ночь шла своимъ чередомъ и приближался разсвѣтъ. Опытный взглядъ Вилана уловилъ уже на востокѣ неясное мерцаніе—первый предвѣстникъ грядущаго дня праздника.

15.

Коро стоялъ на берегу, на прохлалныхъ камняхъ, еще не согрѣтыхъ дневными лучами. Онъ только что сбѣжалъ сюда сверху, изъ своего дома,—прямо съ постели.

У ногъ его просыпалась рѣка,—широкая и чистая,—и еще таяла въ глубинѣ ея свѣтлая заря, какъ сброшенная одежда восходящаго солнца.

Съ рѣки дулъ легкій вѣтеръ и охлаждалъ разгоряченное сномъ тѣло Коро. Онъ раскинулъ руки и подставилъ свою грудь подъ это бодрое дуновеніе, любуясь свѣтлымъ утромъ, и красотой рѣки, и свой молодой силой.

Въ водѣ уже мелькала большая, круглая голова Вилана и его вплавь догонялъ Акро, разсѣкая волны размѣренными и сильными движеніями.

Но Виланъ не хотѣлъ уступать. Онъ разбрасывалъ фонтаны прозрачныхъ брызгъ и мчался впередъ, неутомимый, какъ дельфинъ. И со смѣхомъ оборачивалъ къ Акро свое счастливое лицо.

— О, подожди! Я не хочу уступать. Развѣ я не побѣждалъ на гонкахъ?

И разстояніе между ними не уменьшалось, а голова Вилана скоро сдѣлалась похожей на простую черную точку среди блестящей водной глади.

Кто-то бѣжалъ внизъ, по крутому берегу, съ веселымъ шумомъ и безпорядочными криками, среди которыхъ нельзя было разобрать отдѣльныхъ словъ.

Цѣлая толпа художниковъ, каменщиковъ и кузне-

цовъ, — мужщины и женщины,—какъ пестрое стадо прекрасныхъ и сильныхъ звѣрей.

Вода забурлила вокругъ и завертѣлась водоворотомъ, поглощая тѣла. Кто-то схватилъ Коро за руку:

— Прыгай-же!

Онъ сдѣлалъ огромный прыжокъ, погрузился до дна, коснувшись ногами слоя плотно слежавшагося песку, и, когда поднялся опять на поверхность, увидѣлъ рядомъ съ собой Мару и Формику.

Онѣ плыли впередъ и у Формики Коро увидѣлъ только ея затылокъ, отягощенный большимъ, тяжелымъ узломъ золотистыхъ волосъ,—но сейчасъ же узналъ ее. И догналъ въ нѣсколько сильныхъ взмаховъ своихъ мускулистыхъ рукъ.

— Ты уже здѣсь? Привѣтъ тебѣ въ день праздника... Пожалуй, ты прибыла первая...

— О да, была еще ночь. Мнѣ сдѣлалось скучно тамъ, въ горахъ, и я поторопилась. Какъ хорошо, Коро, какъ хорошо...

Она играла съ обнимавшей ее зеленоватой глубиной. И брызги воды, какъ брилліанты, росились въ золотѣ ея волосъ.

— Какъ хорошо!

Мара плыла серьезно и прямо, вспѣнивая воду высокой грудью, и, со своимъ вытянувшимся тѣломъ и приподнятой головой, была похожа на задумчиваго сфинкса.

— Вы обѣ сошли со старыхъ картинъ!—смѣялся художникъ.—Мудрая вѣчность и радостное мгновеніе. Сфинксъ и сирена.

— Здѣсь онъ не въ своей сферѣ, нашъ сфинксъ.

Формика обняла Мару и, шутя, повлекла ее за собой въ глубину. Нѣсколько секундъ ихъ матово блестящія тѣла мерцали подъ волнами, какъ тѣла сказочныхъ серебряныхъ рыбъ.

— Мои волосы!—жаловалась Формика, поднявшись на поверхность.

— Они не высохнутъ до полудня.

Что-то шумѣло, бурлило и брызгало фонтанами по близости. Это возвращался изъ своего плаванія Виланъ, утомленный, но счастливый.

— Вотъ и я! Акро отсталъ. У него хорошая выдержка, но на близкихъ разстояніяхъ онъ плохъ. Онъ слишкомъ бережетъ свои силы...

— Мара, Виланъ! Слушайте же вы всѣ!.. Сегодня удивительно хорошо жить.

— А гдѣ Абела?

— Она уже хлопочетъ у Весны. Ты знаешь. Лія только что привезла свои цвѣты. Ну и сейчасъ онѣ работаютъ вмѣстѣ.

— Лія уже здѣсь?

Это сказалъ Коро. И посмотрѣлъ на Формику счастливымъ взглядомъ влюбленнаго, но она быстро отвернулась и поплыла вдаль, увлекая за собой кого-то изъ каменщицъ. Виланъ зашумѣлъ слѣдомъ и кричалъ громко, разбрасывая по волнамъ свой глубокій голосъ:

— Слушай, Формика! Свѣтъ, золотой свѣтъ на твоихъ волосахъ! Ты понимаешь это?

Коро лежалъ на спинѣ и не двигался, слегка покачиваяся на волнахъ. Надъ водой выдавалось только его лицо, до половины щекъ, и широко открытые гляза смотрѣли прямо въ небо, гдѣ таяло маленькое, розовато-бѣлое облачко.

16.

На берегу, когда онъ весь бѣлѣлся тѣлами выходившихъ изъ воды купальщиковъ, Виланъ крѣпко сжалъ обѣ руки Формики.

— Какъ ты хороша, Формика! Даже все некрасивое въ тебѣ—хорошо. Ты создана для свѣта. Я одѣвалъ-бы тебя только его лучами,—переливчатыми и нѣжными, какъ ты сама. И такъ хорошо, что ты весела. Свѣтъ и веселье всегда должны быть вмѣстѣ.

И онъ не уловилъ легкой тѣни, пробѣжавшей по ея лицу.

— Да, да... Хорошо жить. И въ жизни много веселья. Но я могла-бы быть еще веселѣе.

Она искала глазами Коро, но онъ ушелъ уже, не подаривъ ее больше ни однимъ взглядомъ.

— Почему я не Лія, Виланъ?

Онъ сдѣлался серьезенъ и въ глазахъ у него проглянула легкая жалоба.

— Потому что ты не для Коро. Я хотѣлъ-бы, чтобы онъ полюбилъ тебя больше, чѣмъ я. Но это невозможно.

Она повторила, какъ эхо:

— Невозможно!

И оба замѣшались въ толпѣ, возбужденной купаніемъ и радостнымъ утромъ. Солнце поднималось и роса высыхала. Нужно спѣшить.

17.

Въ храмѣ, за главными дверями, плотно закрывшимися послѣ того, какъ они пропустили Коро, было еще почти темно. И послѣ разгорающагося сіянія утра художникъ почувствовалъ себя здѣсь почти слѣпымъ.

Онъ остановился и прижалъ руку къ сердцу, потому что слишкомъ быстро бѣжалъ.

Издали доносились женскіе голоса, замиравшіе подъ

сводами, и громко вторилъ имъ чей-то мужской, прерываемый смѣхомъ.

Когда глаза Коро привыкли къ сумраку, онъ различилъ смутныя очертанія знакомыхъ ему до послѣднихъ мелочей колоннъ, баллюстрадъ, пилястровъ и украшеній.

Впереди, проникая сюда изъ главнаго нефа, мерцало пятно свѣта, но художникъ не сразу пошелъ туда, увлеченный новой картиной, которой онъ еще не видѣлъ, такъ какъ вѣдь всегда работали при свѣтѣ.

Полумракъ, загадочный и немного суровый, вносилъ что-то особое и знакомая красота жила въ немъ новой жизнью. Было похоже, что это—храмъ Вечера, спокойно и величественно уходящаго въ тайну невѣдомаго.

Все утратило свою матеріальность. Камни и металлы, холодные и твердые, казались сотканными изъ невѣсомаго и слегка влажнаго мрака.

Потомъ въ пятнѣ свѣта онъ увидѣлъ женщину, которая шла навстрѣчу и, должно быть, еще не замѣтила его. Беззвучно скользила въ своей мягкой обуви, опутанная длинными, прямыми складками бѣлой одежды и несла въ рукахъ тяжелый снопъ цвѣтовъ, запахъ которыхъ донесся до Коро.

Онъ тихо позвалъ:

— Лія!

Она остановилась. Нѣсколько цвѣтовъ упало на полъ. Слегка нагнувъ голову, она пристально вглядывалась въ темноту, хотя по звуку голоса поняла, кто зоветъ ее.

— Стой такъ еще мгновеніе, Лія! Я хочу запомнить...

Загорѣвшимся глазами онъ скользилъ по всѣмъ контурамъ ея фигуры, воспринималъ пятна свѣтотѣней и отблески красокъ, чтобы надолго запечатлѣть ихъ въ своей памяти. И когда это было сдѣлано онъ торопливо подбѣжалъ къ ней, протягивая руки.

— Какъ давно я не видѣлъ тебя... Какъ давно! Этотъ

храмъ тогда еще не былъ начатъ, а теперь онъ уже старѣется. Сегодня я въ первый разъ увидѣлъ его въ полумракѣ и онъ показался мнѣ древнимъ... такимъ же древнимъ, какъ человѣчество. И ты, ты въ немъ—какъ моя свѣтлая мечта.

Она положила цвѣты и, такая же радостная, какъ онъ самъ, отвѣтила на его поцѣлуй. Но онъ цѣловалъ слишкомъ долго.

— Нѣтъ, нѣтъ, подожди... Еще не все кончено. Ты немного поможешь, да?

18.

Они стояли у подножія статуи и Коро видѣлъ цвѣты, горы цвѣтовъ, которыя десятки искуссныхъ рукъ разбросали повсюду. Опьяняюще роскошные, расточительно красивые, они принесли въ жертву Матери свою жизнь.

— Все это твое, Лія?

— Да.

— Что наше ис кусство въ сравненіи съ твоимъ? Ты творишь изъ живого. А наши камни и краски,—вѣдь они, всетаки, мертвы. И какъ много нужно отдать своей собственной души, что-бы оживить камень. Онъ такъ твердъ, такъ непослушенъ. Наши работы блѣдны. И когда мы хотимъ создать божественное—получается только человѣческое, слабое человѣческое.

Онъ нагнулся, поднялъ съ пола одинъ цвѣтокъ и заботливо положилъ его на подножіе, вмѣстѣ съ другими. Вѣдь его могли растоптать.

— Ты бережливъ.

— Они умираютъ для нашего торжества,—и мы должны сдѣлать ихъ смерть красивой.

Гдѣ-то наверху смѣялся звонкій голосъ и спрашивалъ:

— Кто говоритъ здѣсь о смерти? Право, я могла бы подумать, что печальный Кредо уже пришелъ изъ своихъ лѣсовъ.

— Нѣтъ это я—Коро.

Наверху была Абела, въ своемъ темномъ платьѣ, вышитомъ золотыми пчелами.

— Слушай, Коро, цвѣты Ліи—лучше твоихъ. Она создала новыя формы, до которыхъ ты не додумался. Ты слишкомъ долго жилъ подъ этими сводами. Я говорила тебѣ, что это повредитъ.

Но Коро не завидовалъ. Онъ держалъ руки Ліи въ своихъ и мѣшалъ ей работать.

Вокругъ было еще такъ много другихъ искуссныхъ рукъ. Цвѣты, какъ будто, сами собою нагромождались пестрыми грудами, свивались въ безконечныя гирлянды, сыпались сверху прохладнымъ дождемъ.

— Ты должна мнѣ сказать, Лія...

Тогда она увлекла его отъ подножія въ глубину храма, гдѣ было совсѣмъ пусто и сумрачно. Фрески и украшенія притаились тамъ въ темнотѣ, неживыя и незрячія. Но Коро видѣлъ ея лицо, лицо своей Ліи, и ея глаза, которые, какъ будто, проникали въ самую глубину его души. А тамъ, въ этой глубинѣ, была только любовь.

— Лія, я ждалъ тебя такъ долго. И мои мысли ни на минуту не оставляли тебя. Я думалъ о тебѣ, когда работалъ,—и ты хорошо знаешь, что эта Весна—ты сама.

Она слегка улыбнулась.

— Развѣ я такъ красива?

— Я не знаю. Твое тѣло, быть можетъ, хуже. Но, вѣдь, это только камень, а твоя душа—цвѣты. Твое тѣло, которое стоитъ здѣсь теперь и на которое будутъ смотрѣть тысячи, принадлежитъ всѣмъ. Но твоя любовь принадлежитъ только мнѣ. И, Лія... Я не могу больше

ждать. Весна пришла. Она туманитъ мнѣ голову. Я не могу больше.

Она обняла его, просто и спокойно, и прижалась къ нему всѣмъ своимъ стройнымъ, юнымъ тѣломъ въ мягкой бѣлой одеждѣ. Сказала негромко, но ея голосъ побѣжалъ далеко въ сумракъ:

— Да, Коро. Сегодня.

Въ сумракѣ была Формика. Когда до ея слуха донеслись эти слова, она поблѣднѣла и остановилась. Потомъ повернула обратно къ выходу изъ храма и беззвучно шептала, чувствуя, что ея щеки бѣлы, совсѣмъ бѣлы:

— Ее одну... Неужели только ее одну можетъ любить?

На открытомъ воздухѣ она подняла глаза къ небу, какъ будто тамъ искала отвѣта. Небо было синее и безоблачное и ничего не отвѣтило.

19.

На берегу рѣки, на склонахъ холма, вокругъ храма— вездѣ люди. Они все прибывали, и широкіе потоки вливались со всѣхъ сторонъ въ это шумное море.

Море росло и веселилось, потому что были веселы люди, изъ которыхъ, какъ изъ капель, оно сложилось. Было оно нарядно и красиво, какъ цвѣты Ліи, и носилось надъ нимъ дыханіе жизни.

Люди жили и хотѣли жить,—и хотѣли дарить жизнь другимъ. Поэтому они собрались такъ дружно на этотъ праздникъ. Были здѣсь люди изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ земли, потому что вѣсть о новомъ храмѣ распространилась повсюду. Знали, что храмъ прекрасенъ, и хотѣли встрѣтить въ немъ день весны.

Ждали, когда откроются двери, чтобы впустить ихъ, жаждущихъ увидѣть новую красоту. И радовались, что солнце свѣтитъ такъ ярко и ничто не омрачаетъ праздника.

Одинъ человѣкъ, высокій, сильный и темный,—онъ прибылъ съ далекаго юга,—смѣялся и показывалъ свои бѣлые зубы.

— Когда земля была бѣдна счастьемъ, она была богата вѣрованіями. Теперь у всѣхъ насъ одна вѣра— и мы сильнѣе всего чувствуемъ это въ день праздника. Не правда-ли?

Человѣкъ, съ которымъ онъ говорилъ, былъ низенькій и бѣлый, съ сѣвера. Онъ долго пробылъ въ снѣгахъ и теперь даже простая зеленая трава возбуждала въ немъ радость.

— Да, да... Мало счастья—много боговъ. Но современемъ мы устроимся еще лучше. Неужели и это тогда исчезнетъ?—и онъ указалъ рукою на храмъ.—Мнѣ будетъ очень жаль. Что тогда останется отъ искусства? Копаться въ могилахъ? Но онѣ почти всѣ уже разрыты.

— Это останется—до конца жизни. Мы всегда будемъ любить, сѣверянинъ, и чѣмъ больше будетъ счастья, тѣмъ выше поднимутся эти новые храмы. Тамъ воплощаются наши послѣдніе и вѣчные боги—мы сами.

И сѣверянинъ опять соглашался.

— Да, да!—и онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но толпа повлекла ихъ впередъ. Они разстались, смѣясь, и бѣлые зубы южанина еще разъ сверкнули на солнцѣ, крѣпкіе и ровные, какъ рѣзьба изъ слоновой кости.

Мальчикъ держалъ за руку свою мать и смотрѣлъ на храмъ широко открытыми, удивляющимися глазами.

— Все это сдѣлали люди? Эти стѣны, эти купола, эти статуи?

— Конечно.

Мальчикъ задумчиво покачалъ головой.

— Мнѣ кажется, что это очень трудно. Но когда я выросту, я сдѣлаю что-нибудь еще лучше. Ты говорила мнѣ, что этотъ храмъ долженъ особенно нравиться дѣтямъ?

— Да, потому что онъ посвященъ любви, вѣчному возрожденію прекрасной жизни. Любовь создаетъ все,— и ея лучшій плодъ—дѣти. Поэтому вы должны любить этотъ храмъ. Тамъ внутри, говорятъ, есть много чудеснаго, волшебнаго. Это для васъ. Строители знали, что вы будете посѣщать его такъ-же часто, какъ ваши матери. А посерединѣ стоитъ, говорятъ, самая прекрасная женщина... Но я не знаю навѣрное. Ты увидишь самъ.

— Скоро ли это будетъ?—и мальчикъ капризно надулъ губы.—Я хочу уже видѣть.

— Кажется, сейчасъ откроются двери. Тогда мы всѣ побываемъ тамъ, одни за другими.

— Мы первые, да?

— Такъ было бы слишкомъ много первыхъ. Мы можемъ еще подождать.

Чужой старикъ ласково положилъ руку на плечо мальчика.

— Ты увидишь еще много храмовъ молодой гражданинъ! А намъ, старымъ, нужно спѣшить. Но если ты дѣйствительно хочешь попасть первымъ — никто не будетъ съ тобою спорить.

Рядомъ съ этимъ старикомъ стоялъ другой. Оба были совсѣмъ сѣды, и серебряные волосы падали на ихъ плечи. Другой наклонилъ голову.

— Еще двѣ или три весны—и довольно. Ты правъ, старый другъ. Меня все чаще начинаетъ клонить къ вѣчному сну. Я уже усталъ,—хотя моя мысль еще бодра. И если она притупится...

— Тогда мы пойдемъ въ другой храмъ. Мы сдѣлаемъ это вмѣстѣ, не правда-ли?

— А твоя работа, Павелъ?

— Я передаю ее въ надежныя руки. Я нашелъ себѣ сотрудника, который своимъ весельемъ и своей молодостью прогоняетъ мою усталость. Если бы ты зналъ, какъ она смѣется, эта Формика, когда мы оба вмѣстѣ сдѣлаемъ какую-нибудь ошибку... Потомъ она водитъ меня въ горы и я ползаю съ нею по скаламъ, какъ мальчикъ. Да, она прибавила мнѣ года два-три лишнихъ.

На вершинѣ холма, у самаго храма, толпа пришла въ движеніе.

— Я пойду со стариками!—сказалъ мальчикъ.—Они мнѣ нравятся.

Мать утвердительно кивнула головой, и они начали медленно подниматься—двое сѣдыхъ и одинъ маленькій.

20.

Виланъ стоялъ у рычага, одно движеніе котораго должно было залить свѣтомъ весь храмъ. Строитель всѣми силами старался совладать со своимъ волненіемъ, но все же его охватывала нервная дрожь. Великая минута приблизилась,—и тревога за свое произведеніе сжимала сердце художника.

Вилану казалось, что онъ забылъ о чемъ-то важномъ. За послѣдніе дни всѣмъ приходилось спѣшить. Что, если они сдѣлали какой-нибудь промахъ, внесли въ общую гармонію рѣзкій, кричащій диссонансъ?

— Нужно посмотрѣть еще разъ!—бормоталъ художникъ.—Я не могу.

Онъ торопливо пошелъ въ главный залъ и по пути встрѣтилъ Коро. Тотъ былъ блѣденъ, и глаза у него блестѣли, какъ у больного. Съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Вилана.

— Развѣ еще не время? Все въ порядкѣ.

— Ты ручаешься?

— Конечно.., Мы опять осматривали все вмѣстѣ съ Абелой. У нея вѣрный взглядъ.

— А гдѣ Акро?

— Онъ тамъ, на хорахъ. Онъ не хочетъ быть внизу, когда придутъ люди. Но торопись же... Ты слышишь?

Сквозь запертыя двери до нихъ доносился ропотъ,— тихій и почти ласковый, похожій на очень далекій, смягченный шумъ моря.

— Они ждутъ... Спѣши!—еще разъ повторилъ Коро.—Сейчасъ такъ свѣжи еще тѣ цвѣты, которыми украшена статуя. И я боюсь, что скоро они начнутъ увядать.

Оба вмѣстѣ художники подошли къ Веснѣ. Она смотрѣла на нихъ своимъ свѣтлымъ лицомъ, призрачно мерцающимъ въ вышинѣ. И на губахъ у нея играла улыбка, въ одно и то же время задумчивая и торжествующая.

Стояла бодрая и сильная, готовая къ жизни и къ могучимъ объятіямъ. И ждала.

Виланъ торопливо вернулся къ своему рычагу, занялъ тамъ мѣсто, откуда могъ видѣть почти весь храмъ. Сдѣлалъ рукою быстрое движеніе,—и все ожило. Широкія двери медленно распахнулись и тамъ, у порога, встрѣтились два свѣта: свѣтъ человѣка и свѣтъ солнца.

Но они не боролись. Они встрѣтились другъ съ другомъ одинаково могучіе и слились вмѣстѣ,—и свѣтъ человѣка занялъ все пространство отъ мозаичнаго пола до вершины купола, проникъ во всѣ глубины, во всѣ тонкія извилины орнаментовъ и архитектурныхъ украшеній. Мѣстами онъ былъ мягокъ, какъ нѣжная полутѣнь, мѣстами сверкалъ ослѣпительно и вызывающе.

И въ его волнахъ купалась Весна, и обнаженное тѣло статуи, пронизанное этимъ сіяніемъ, казалось совсѣмъ живымъ, съ матовою полупрозрачностью атласистой дѣвической кожи.

Шумъ толпы—шумъ моря—на мгновеніе совсѣмъ смолкъ, потомъ выросъ. Передовыя волны вкатились по ступенямъ, и толпа полилась внутрь храма ровной нескончаемой вереницей.

Первыя волны выбросили впередъ двухъ стариковъ и мальчика. Мальчикъ шелъ въ серединѣ и держалъ за руки своихъ сѣдыхъ спутниковъ. И когда они встрѣтились съ божественнымъ лицомъ, смотрѣвшимъ на нихъ съ торжествующей лаской, они всѣ трое склонили головы, полные уваженія къ ликующему празднику любви и искусства.

Толпа вливалась, задерживалась на долгія минуты въ открывшемся ей волшебномъ царствѣ красоты и свѣта. Когда ея душа насыщалась увидѣннымъ, толпа незамѣтно передвигалась все дальше и дальше, и другія двери выводили ее опять на свѣтъ солнца и на зелень полей.

Входили старики и дѣти, мужчины и женщины, въ веселыхъ одеждахъ и съ веселыми лицами. И надъ ними возвышалась, стоя на гранитной скалѣ, ихъ прекрасная богиня, радость ихъ жизни, ихъ любовь и могущество.

21.

Въ одномъ изъ портиковъ окружили Коро. Его хвалили и это былъ часъ его награды. Но художникъ все еще былъ блѣденъ и глаза у него горѣли какъ у больного. Онъ улыбался, но отрицательно покачивалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, это еще не вѣчно. То, что сейчасъ васъ такъ волнуетъ, что заставляетъ васъ переживать радость и красоту,—все это поблекнетъ когда-нибудь въ вашемъ сознаніи. Придетъ новое, болѣе прекрасное, и вытѣснитъ то, что создано нами. Но мнѣ хотѣлось бы только, чтобы вашимъ богомъ навсегда осталась радость. Вы видѣли уже много прекраснаго. Ваши души чутки и вдумчивы, и здѣсь, въ этомъ храмѣ, для васъ нѣтъ загадокъ. Онъ простъ, какъ истина. И если мы, художники, побѣдили въ чемъ-нибудь нашихъ предшественниковъ, то не въ этой игрѣ красокъ, не въ красотѣ рожденныхъ нами формъ. Я думаю, что наша побѣда—въ сліяніи нашего творческаго духа съ истиннымъ духомъ человѣчества... или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, кто пришелъ посмотрѣть нашу работу. Это—только благодарная жертва нашей общей матери. Не такъ ли, мои братья?

— Я думаю, что это просто прекрасно,—и не хочу догадываться, почему!—сказалъ кто-то молодой.—Раздумье только портитъ наслажденіе.

— Прекрасное рождается съ болью, и эта боль—некрасива!—возражалъ Коро.—Здѣсь, среди всѣхъ украшеній, вы найдете много неправильнаго и уродливаго. Но такъ было нужно, и эта уродливость не оскорбляетъ васъ, потому что она необходима для общей красоты. Мы поклоняемся самой жизни, мы сдѣлали самихъ себя своимъ богомъ. А сколько уродливаго хранимъ мы еще въ своихъ душахъ... Развѣ наше божество становится отъ этого безобразнѣе?.. Когда-нибудь люди забудутъ объ этомъ храмѣ. Имена его строителей забудутся еще раньше—да они и не нужны. Но на его развалинахъ создадутъ храмъ лучшій, прекраснѣйшій. Вотъ—счастье художника. Ваши похвалы насъ радуютъ. Онѣ показываютъ намъ, что мы работали не-

напрасно. Но наша лучшая похвала—въ насъ самихъ, и я не чувствую еще, чтобы я могъ сказать себѣ: да, ничего лучшаго я не могу сдѣлать.

Золотые волосы Формики выдѣлились изъ толпы. Она тихо шепнула художнику:

— Ты взволнованъ, милый Коро. Но ты слишкомъ строгъ къ самому себѣ. Взгляни на ихъ лица. Они любятъ и будутъ любить еще больше.

— Да я вѣрю. Впереди у меня еще длинная жизнь. И, вѣдь, я умру, только когда исчерпаю себя до конца. Мнѣ поможетъ Лія.

— Она поможетъ тебѣ!—прошептала Формика еще тише.—И, можетъ быть... Впрочемъ, вѣдь это только мечта.

Толпа разступилась, чтобы пропустить Вилана, Акро, Мару, цѣлую вереницу другихъ строителей. Они всѣ искали Коро, чтобы вмѣстѣ съ нимъ порадоваться своему успѣху. И бѣлое платье Ліи свѣтилось рядомъ съ золотомъ Формики, когда всѣ они проходили, изъ глубины портика, къ статуѣ Весны.

22.

— Ты избѣгаешь меня, Формика!

— Я, Виланъ? О, нѣтъ! Ты знаешь, какъ я люблю бывать съ тобою вмѣстѣ.

— Хочу вѣрить,—хотя, кажется, ты не всегда говоришь мнѣ правду. Но, однако-же, отъ тебя самой я не слышалъ еще ничего,—ни похвалы, ни порицанія.

— А тебѣ такъ нужны похвалы? Учись у Коро. Онъ сегодня говорилъ совсѣмъ иначе.

— Да, Коро... Это для тебя образецъ на всѣ слу-

чаи жизни. Только, вѣдь, ты хорошо знаешь, что я скроенъ изъ другого матеріала. И, я думаю, даже для гордаго Коро кое-что значитъ похвалы Ліи. Если одобреніе всѣхъ остальныхъ я вижу просто на ихъ лицахъ, то отъ тебя... отъ тебя мнѣ нужны и слова.

— Ты думаешь, что любишь меня?

— Да, Формика. Ты видѣла себя тамъ, на плафонѣ?

Онъ подвелъ ее къ картинѣ, на которой, рукой Коро, были изображены веселящіяся женщины. Въ одной изъ нихъ Формика узнала себя.

— Это сдѣлалъ Коро? Онъ самъ? Или ты просилъ его объ этомъ?

— Онъ самъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ праздничный подарокъ. Тутъ было сначала чье-то чужое лицо, но онъ передѣлалъ его въ нѣсколько пріемовъ. И подарилъ мнѣ. Сегодня для него самого—двойной праздникъ. Вѣдь Лія...

Форминка отвернулась.

— Я знаю.

— А ты сама, Формика... Не хочешь ли ты дать и мнѣ тотъ же восторгъ, ту-же радость?

— Нѣтъ, Виланъ, я не могу. Если ты надѣялся и ждалъ, то, значитъ, я безсознательно обманывала тебя и, поэтому, прости меня. И сегодня, и еще много дней въ будущемъ я не буду обнимать никого... И тебя также, мой хорошій Виланъ. Не грусти. Вѣдь здѣсь такъ много красивыхъ женщинъ. Сегодня онѣ смотрятъ на тебя, какъ на великаго. Для каждой изъ нихъ будетъ счастьемъ—отдаться тебѣ.

— Мнѣ не нужны другія. Я никогда не смотрѣлъ на нихъ. Я хочу только тебя.

— Это невозможно, Виланъ. Даже если-бы я любила тебя еще больше, чѣмъ люблю теперь,—все равно, это было-бы невозможно. Есть одинъ человѣкъ, который

для меня—дороже всѣхъ въ мірѣ. И только его я могла бы обнять.

— Кто это? Я его знаю?

— Да, конечно. Это—Коро. Развѣ ты ничего не видишь, кромѣ того свѣта, который ты создаешь?

— Коро? Я вижу его и сейчасъ. Онъ тамъ наверху, вмѣстѣ съ Ліей. А ты должна остаться со мною.

— Нѣтъ, Виланъ. Пойдемъ, я покажу тебѣ женщинъ съ сѣвера. Онѣ красивы, и у нихъ такія-же свѣтлыя, чистыя души, какъ тотъ снѣгъ, среди котораго онѣ живутъ. Не спорь. Ты увидишь, что такъ будетъ лучше.

23.

Павелъ чувствовалъ себя утомленнымъ. Кто-то подалъ ему стаканъ освѣжающаго напитка. Онъ жадно выпилъ и пошелъ дальше, стараясь выбраться туда, гдѣ не такъ людно. Съ другимъ старикомъ и съ мальчикомъ онъ разстался уже давно.

Въ самой глубинѣ храма онъ попалъ во что-то вродѣ тѣснаго коридора, сжатаго огромными каменными колоннами, гдѣ было не такъ свѣтло и совсѣмъ пустынно. Тамъ онъ прислонился спиною къ одной изъ колоннъ и отдыхалъ. И простоялъ уже такъ очень долго, когда, наконецъ, замѣтилъ, что въ коридорѣ есть еще одинъ человѣкъ.

Это былъ Кредо, писатель. Онъ сидѣлъ совсѣмъ неподвижно и смотрѣлъ внимательно въ одну точку, какъ будто читалъ что-то въ невидимой книгѣ.

Павелъ подошелъ къ нему поближе и сказалъ:

— Ты принесъ съ собою свое лѣсное безмолвіе. Тамъ, въ толпѣ, шопотъ сотенъ голосовъ слился въ одинъ

сплошной шумъ, отъ котораго я немножко отвыкъ за послѣднее время. А здѣсь такъ тихо, такъ тихо... Я думалъ, что здѣсь никого нѣтъ.

Кредо поднялъ кверху свое лицо, чтобы видѣть Павла, но задумчивость все еще пряталась въ его глазахъ. И онъ сказалъ не Павлу, а кому-то другому, съ кѣмъ вмѣстѣ былъ въ своихъ мысляхъ:

— Да, тамъ сотни голосовъ. Люди входятъ туда, и ихъ души наполняются вѣрой и любовью. Тамъ они вступаютъ подъ покровъ тайны,—потому что тайна—все, что прекрасно. И вотъ, я прислушиваюсь къ отголоскамъ ихъ говора и думаю о старыхъ временахъ. Прежде люди не умѣли вѣрить. Они только молились. Теперь они не молятся, но они вѣрятъ. Богъ въ мірѣ много разъ умиралъ и съ каждымъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ становился все лучше. Его воплощенія—какъ ступени лѣстницы къ совершенству.

— Мы не видимъ еще вершины этой лѣстницы,—сказалъ Павелъ.

— Да, конечно. И мы никогда не увидимъ ее. Какъ никогда не увидятъ нашей жизни прежніе люди. Ты старъ, Павелъ. Сегодня я видѣлъ тебя вмѣстѣ съ другими стариками, и тамъ, подъ солнцемъ, вы были, какъ бѣлое пятно дряхлости. Ты старъ. Скажи мнѣ, ты не боишься смерти?

— Нѣтъ,—какъ и всякій изъ насъ. Мы уже достаточно пожили и устали. Наше дѣло сдѣлано. Мы не боимся.

— Я еще молодъ, Павелъ, но я боюсь. Этотъ страхъ стережетъ меня всюду. Тамъ, въ лѣсу, у постели Гала, и здѣсь, гдѣ все говоритъ только о жизни. Я знаю, что ты найдешь причину. Ты скажешь, что я долго рылся въ старыхъ книгахъ и моя душа сжилась съ тѣмъ, что умерло. Правда. Отъ всѣхъ моихъ мыслей, какъ будто,

тянутся нити въ далекое прошлое. И, когда я пытаюсь оборвать ихъ, мнѣ больно. Вотъ теперь, когда я стоялъ передъ Весной, мое сердце наполнилось тревогой. Я видѣлъ вокругъ себя много людей и они казались мнѣ слишкомъ беззаботными и слишкомъ веселыми. Да, да, жизнь сдѣлалась почти игрой. И теперь люди забываютъ о томъ, что ихъ личное существованіе—ничто, призракъ. Они слились въ одномъ общемъ. Они вошли въ своего Бога. Можетъ быть, это хорошо. Но развѣ мы, дѣйствительно побѣдили смерть? Я вижу, она витаетъ даже и здѣсь, невидимая, но грозная и терпѣливо ждетъ своего праздника. И ея праздникъ—въ каждомъ сердцѣ, которое перестаетъ биться... Не потому-ли человѣкъ пересталъ бояться смерти, что сдѣлался слишкомъ ничтожнымъ во всей своей радости?

— Ты думаешь, что душа прежнихъ людей была сложнѣе?

— Да, они были жестоки, какъ звѣри, грубы и не чутки. Ихъ глаза всегда смотрѣли жадно и зубы скрипѣли отъ злобы. Но въ ихъ душахъ хранились тайныя, неизвѣданныя глубины. Ихъ души были многообразны и перемѣнчивы, какъ игра солнечнаго свѣта. И я люблю ихъ. Я тоскую объ нихъ. Ваши цѣльныя, прозрачныя души меня не удовлетворяютъ.

Павелъ опустился на гладко отполированный камень, рядомъ съ Кредо. Провелъ своей сухощавой рукой по серебру бороды, отъ лица до пояса.

— Я помню, что когда то, въ дни моего дѣтства, такіе люди, какъ ты, встрѣчались еще чаще, чѣмъ теперь. Тогда они соединились даже въ цѣлую толпу и вмѣстѣ кричали: назадъ! Но ихъ желаніе было только, какъ легкое облачко дыма, которое сейчасъ же разсѣялось. Ни въ чьемъ сердце больше не нашли они отклика. И когда я опять встрѣтилъ ихъ, много лѣтъ спустя, я не

могъ отличить ихъ отъ обыкновенныхъ людей, съ обычными мыслями и чувствами. Они познавали нашу жизнь и такъ же, какъ мы, слились съ богомъ. Гдѣ твой богъ, Кредо?

— Я потерялъ его. Я потерялъ его въ пыли вѣковъ.

— Ты вернешься къ нему. Своей тоской ты не омрачаешь нашего праздника. И въ этой тоскѣ ты сотворишь многое, что будетъ нужно всѣмъ намъ и что будетъ красиво.

— Ахъ, только это...

И Кредо вздохнулъ.

24.

Люди съ сѣвера. Они были веселы, какъ и всѣ другіе, но эта веселость горѣла въ нихъ словно подъ ледяной оболочкой, которая долго не могла растаять. Но когда она растаяла, люди съ сѣвера сдѣлались очень похожими на своихъ дѣтей, которыхъ они привезли вмѣстѣ съ собою.

Стояли у подножія Весны, взявшись за руки, и ихъ глаза сдѣлались большими, какъ глаза молящихся. Потомъ осмотрѣли весь храмъ, и когда находили что-нибудь, взятое отъ холодной красоты сѣвера, ихъ веселье росло.

Они разсказывали всѣмъ, кто давно уже не былъ на сѣверѣ и для кого изобиліе юга оттѣснило въ даль воспоминаній темноту холодныхъ ночей. Разсказывали о красотѣ своей родины, которую можно любить, только когда поймешь всю глубину этой красоты.

— Видѣли вы какъ половина неба вспыхиваетъ пожаромъ? Тамъ играютъ и перекрещиваются радужные лучи, то замираютъ, то вспыхиваютъ снова и въ ихъ игрѣ вы чувствуете живое дыханіе. Посмотрите тогда на ледники, на маленькія льдинки, которыя разсыпаны

по снѣгу. Каждая изъ нихъ отражаетъ въ себѣ все это величіе. Конечно, въ нихъ вспыхиваютъ только маленькія искорки, но эти искорки также хороши, какъ пылающее небо.

— Въ черную глубину моря погружается прозрачность ледяныхъ горъ. Временами бываютъ только двѣ краски: черная и бѣлая, и это — божественно, потому что даже у васъ нѣтъ ни такого чернаго, ни такой бѣлизны. Медленныя, сонныя волны лѣниво поднимаются и опускаются, но въ ихъ лѣни—необъяснимое могущество. Онѣ совсѣмъ не шумятъ, онѣ молчаливы, онѣ беззвучны,—и, вѣдь, цѣловать ледъ можно только беззвучно. Иногда въ самой глубинѣ вспыхиваетъ блестящее, какъ звѣзда. Сверкаетъ и меркнетъ, и вы не знаете, что это было. Тамъ, гдѣ только черное и бѣлое, нельзя смѣяться, потому что тамъ нѣтъ ни радости, ни унынія, тамъ—спокойствіе.

— Жизнь иногда останавливается. Вы не можете уловить ея движенія. И только сверху, съ бѣлаго неба на бѣлую землю, падаютъ хлопья снѣга,—тоже медленно и беззвучно, потому что нашъ сѣверъ молчаливъ. Движенія хлопьевъ ритмичны, какъ танецъ. Музыка этого танца—безмолвіе. И тихія мысли, такія же ритмичныя...

— Это ты—Виланъ, не правда ли? Это ты дѣлаешь свѣтъ?

Спрашивала женщина съ сѣвера и взяла за руку Вилана, чтобы остановить его.

Онъ ходилъ въ толпѣ, смотрѣлъ и слушалъ. Такъ какъ Формикѣ слишкомъ сильно хотѣлось сдѣлать его счастливымъ на сегоднящній день, онъ покинулъ свою подругу, но и одинъ пришелъ туда же, куда звала его Формика.

— Это я! — отвѣтилъ Виланъ сѣверной женщинѣ.— Тебѣ нравится наша работа?

— Я не все еще видѣла. Мы проходили слишкомъ скоро мимо всѣхъ этихъ картинъ и статуй, терялись, какъ въ лѣсу, среди вашихъ колоннъ.

Подумалъ.

— Если ты хочешь, пойдемъ вмѣстѣ. Я покажу тебѣ Виланъ немного самое лучшее.

Женщина задержала его руку въ своей. Такъ они и пошли впередъ. И хотя женщина была одного роста съ Виланомъ, издали они были похожи чѣмъ то на двухъ дѣтей.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ Виланъ.

— Астрея. Это—некрасивое имя. Оно—не сѣверное, но мнѣ не хочется его передѣлывать.

— У тебя темные волосы. Тоже не сѣверные. И большіе, темные глаза. Ты любишь свѣтъ?

— Да... Но гдѣ-же самое лучшее?

— Лучшее, конечно, Весна, потому что все остальное—для нея. Ее дѣлали Кредо и Акро. Запомни ихъ имена, такъ какъ они—большіе художники.

— А ты?

— Я не могу одинъ создать что-нибудь большое, кромѣ свѣта. Я —только сотрудникъ.

— Неправда. Мнѣ кажется, что ты все оживляешь.

— Остановись.

Онъ остановилъ ее передъ плафономъ Коро и самъ очень долго смотрѣлъ на картину.

— Ты сдѣлался такъ грустенъ, какъ будто простился съ кѣмъ-то близкимъ!—сказала женщина.

— Ты права. Я простился. И, можетъ быть, такъ будетъ лучше. Ты любишь кого-нибудь Астрея?

— Сѣверный снѣгъ... Пожары неба.

— А я люблю свѣтъ. Мы можемъ пока ходить вмѣстѣ. Мы не помѣшаемъ другъ другу.

Онъ долго водилъ ее по храму, показывалъ и объ-

яснялъ то, что казалось ей неяснымъ. И ему было пріятно, что Астрея воспріимчива ко всѣмъ его словамъ, что во многомъ она понимаетъ красоту такъ же, какъ и онъ самъ.

Иногда она проходила равнодушно мимо того, что другіе считали лучшимъ проявленіемъ творчества. Но тутъ же, рядомъ, ея вниманіе привлекала какая-нибудь незначительная мелочь, — удачное пятно, красивая линія,—и приносила ей наслажденіе.

— У насъ на сѣверѣ скоро будутъ строить маякъ!— задумчиво сказала Астрея, когда они поднимались къ самому куполу по простой металлической лѣстницѣ.— И говорятъ, что среди рабочихъ будешь и ты.

— Это правда. Я давно уже мечтаю объ этой работѣ.

Она ничего не отвѣтила. Потомъ сказала:

— То, что вы сдѣлали здѣсь—хорошо. Но, можетъ быть, ты покажешь мнѣ также и то, на что избѣгаютъ смотрѣть другіе.

Тогда онъ показалъ ей машины и приборы, спрятанные въ подземельяхъ и въ толщахъ стѣнъ, но такіе же необходимые для красоты общаго, какъ картины, статуи и свѣтъ. Подвелъ ее къ рычагу, одного поворота котораго было достаточно, чтобы погрузить храмъ въ прежній сумракъ.

— Этотъ некрасивый кусокъ металла—душа всего!— сказала Астрея. — Ты самъ похожъ на этотъ рычагъ. Ты такъ же нескладенъ и такъ же необходимъ для цѣлаго.

Полнота впечатлѣній утомила ихъ. Они вышли изъ храма черезъ маленькія двери, предназначенныя для строителей. И на зеленыхъ склонахъ холма увидѣли толпу, которая не убывала,. шумѣла у вершины и у подножія, тѣснилась у рѣки.

Солнце стояло высоко,—надъ самымъ храмомъ.

25.

— Дыши полной грудью, Лія! Мнѣ кажется, что весь воздухъ, весь міръ полонъ счастьемъ.

На груди у Ліи, Коро замѣтилъ большой бѣлый цвѣтокъ. Лепестки его были тонки, почти прозрачны,— и отъ одного грубаго прикосновенія онъ погибъ бы навсегда. И такъ же тонокъ, нѣженъ и едва ощутимъ былъ его запахъ.

Лія встрѣтила взглядъ художника.

— Вотъ это—мой лучшій цвѣтокъ. Взгляни: каждый лепестокъ въ немъ—совершенство.

Теперь Коро зналъ уже, кому будетъ отданъ этотъ цвѣтокъ. Не спрашивалъ и, какъ будто, не торопился получить его.

Довольно было близости Ліи, воздуха, полнаго счастьемъ, волны возбужденія, которую распространяла во кругъ праздничная толпа. Довольно. Голова кружилась.

Вдали мелькнули на мгновеніе широкія плечи и большая голова Вилана, который шелъ съ высокой женщиной.

— Посмотри! — сказала Лія. — Ты не замѣтилъ новыхъ думъ, новой мечты на его лицѣ?

— Сегодня у всѣхъ, одна мечта, одна дума. Можетъ быть, только Кредо... и еще Формика.., и Галъ, который умретъ черезъ нѣсколько часовъ... Но они — отдѣльно отъ толпы.

— Скажи мнѣ, — спросила Лія, — если бы всѣ дни твоей жизни были такіе же, какъ этотъ, ты чувствовалъ бы себя счастливымъ? Сегодня и завтра, и цѣлый рядъ дней, если бы воздухъ все такъ же опьянялъ тебя?

— Да. Сегодня живетъ каждый мой атомъ, вся глубина моей души. Это—жизнь.

— Но ты блѣденъ. Глаза у тебя такъ нездорово

блестятъ. Со стороны можно подумать, что ты страдаешь, какъ Галъ.

— Страданіе... счастье... Развѣ это не различныя воплощенія одной и той-же сущности? Большое счастье похоже на страданіе. И я никогда не испытывалъ большого страданія, но, можетъ быть, оно приближается къ счастью. Не здѣсь ли разгадка сказки Кредо, которую я слышалъ недавно? Пусть оно всегда горитъ ярко, это пламя жизни. Я не устану жить. Я всегда буду таковъ же, какъ сегодня.

Они шли отъ храма къ берегу. Лія видѣла твердую поступь художника и чувствовала, что онъ бодръ. Онъ шелъ, закинувъ назадъ голову и расширивъ тонкія ноздри.

— Но, Коро... А покой? А тишина? Въ моемъ саду лунными ночами бываетъ совсѣмъ тихо. И я сижу тамъ и прислушиваюсь. Прислушиваюсь къ тишинѣ и мнѣ нравится, что мое сердце совсѣмъ холодно. Холодно и спокойно, какъ мои цвѣты. Развѣ можно горѣть вѣчно?

Художнику показалось, что маленькое облачко закрыло отъ него солнечный свѣтъ, но онъ сейчасъ же отогналъ его всей силою своего торжества. Смотрѣлъ на Лію попрежнему, съ нескрытымъ огнемъ въ блестящихъ глазахъ.

— Я знаю, что ты холодна. Но я знаю также, что съумѣю зажечь и въ тебѣ свой огонь, точно такъ же, какъ ты, холодная и чистая, вдохновляешь мое творчество. Сегодня — день любви, день зарожденій. И я чувствую, что ты уже не чужда всѣмъ этимъ людямъ, какъ Кредо. Ты любишь и хочешь любить, — и наша любовь дастъ тебѣ сегодня наслажденіе, котораго ты еще не испытывала никогда. Можетъ быть, сегодня мы дадимъ жизнь новому существу.

— Я буду любить его. Его и тебя...

— Если тебѣ, всетаки, нужна будетъ тишина, ты

пойдешь къ своимъ цвѣтамъ. Но ты вернешься ко мнѣ съ новой жаждой любви,—и тогда ты будешь совсѣмъ какъ наша Весна, рожденная изъ камня, но живая.

26.

— Вотъ эти колонны — отъ начала до конца моя работа. Я видѣла ихъ еще въ глубинѣ ущелья, когда онѣ были простыми глыбами камня, огромной скалой, выросшей изъ самыхъ нѣдръ земли. Ее хорошо было побѣдить, эту скалу, такую мощную и такую безсильную передъ нашимъ могуществомъ.

Мара обняла одну изъ колоннъ, какъ будто это былъ человѣкъ, котораго она любила. Кредо сидѣлъ и смотрѣлъ на каменщицу почти безучастно, но ласково.

— Я побѣдила эту скалу. Она бросила въ меня цѣлыми снопами искръ, она грохотала, какъ громъ, потомъ жалобно стонала и просила пощады, но я побѣдила ее. И я вырубила изъ ея сраженнаго тѣла огромные монолиты, красивые, крѣпкіе, безъ свищей и трещинъ. Я увезла ихъ изъ глубокаго ущелья. Имъ такъ не хотѣлось уходить отъ своей матери, но съ ними-то я справилась совсѣмъ легко. Здѣсь, на холмѣ, я сдѣлала ихъ гладкими и блестящими. Теперь они стоятъ и покорно поддерживаютъ кровлю. Скажи мнѣ, Кредо, вспоминаютъ ли они о своемъ ущельи? Можетъ быть, они ненавидятъ меня. Но я ихъ люблю. Они взяли у меня эту любовь, какъ расплату за побѣду. Они твердые, они крѣпкіе. И когда въ нихъ врѣзается остріе инструмента, они сердятся и сыплютъ искрами. Я люблю ихъ.

— Побѣда досталась тебѣ легко!—сказалъ Кредо.—

Въ песчаной пустынѣ были когда-то сложены руками людей—руками рабовъ, потому что тогда всѣ люди были рабами—цѣлыя горы изъ старательно обтесанныхъ камней. Еще и теперь сохранились развалины, какъ призраки былого. Такъ вотъ, каждый обтесанный камень этихъ горъ стоилъ нѣсколькихъ человѣческихъ жизней. Какъ эти рабы ненавидѣли свою работу. И какъ они презирали свое твореніе...

— Они были—рабы, Кредо. Я—свободна.

Кредо молчалъ. Каменщица отошла отъ колонны, сѣла рядомъ съ писателемъ, обвила своей сильной рукой его шею. Ему сдѣлалось пріятно отъ этой ласки, какъ ребенку отъ ласки матери. Но онъ не разгладилъ морщинъ на своемъ лбу и смотрѣлъ въ сторону.

— Я тоже люблю вспомнить о прошломъ, мой мечтатель! Вечеромъ, въ сосновомъ лѣсу, я очень внимательно слушала твою сказку. И все-таки мы совсѣмъ непохожи другъ на друга. Ты черпаешь въ прошломъ тоску, а я—радость.

Кредо упорно молчалъ. Однако же, онъ не снималъ со своихъ плечъ рукъ Мары и замѣтно было, что ему не хочется больше оставаться наединѣ въ полутемномъ коридорѣ.

— Когда Галъ умретъ, ты не будешь больше жить въ лѣсу?

— Я останусь тамъ.

— Совсѣмъ одинъ? Или кто-нибудь будетъ жить съ тобою вмѣстѣ, замѣнивъ Гала?

— Никто не можетъ замѣнить Гала. Развѣ только, если онъ будетъ умирать, какъ Галъ.

— Такъ вотъ что... Я думала, что съ Галомъ тебя связываетъ только дружба. Но тебѣ, значитъ, нужно увидѣть поближе, что такое ранняя смерть? И по этому поводу ты напишешь новую сказку?

— Ты зла. Не огорчай меня. Для меня Галъ—не обыденный человѣкъ. И потому мнѣ вдвойнѣ тяжела его смерть.

— Больше мужества! Посмотри: твои мускулы слабы, какъ у дряхлаго старика. Ты не любишь веселиться, бѣгать и плавать. Ты даже передвигаешься съ мѣста на мѣсто только въ томъ случаѣ, если это совсѣмъ необходимо. Берегись... Вмѣстѣ съ тоской въ твое тѣло закрадывается болѣзнь, и ты сдѣлаешься такимъ же хилымъ, какъ твои предки, о которыхъ ты тоскуешь.

— Нѣсколькими годами раньше или позже—не все ли равно? Жизнь уже не даетъ мнѣ ничего новаго, Мара.

— Влей ее въ новыя формы, свою жизнь. Сегодня, въ праздникъ Возрожденія, соединяется много новыхъ паръ, чтобы любить и рождать,—или только для того, чтобы любить. Я не знаю, можетъ быть, лучше для тебя—остаться одинокимъ... еще на нѣкоторое время... ненадолго. Но потомъ я отниму тебя отъ твоихъ лѣсовъ. Ты вернешься къ намъ, и я думаю, что ты перемѣнишься.

— Можетъ быть. Но ты слишкомъ сильна для меня. Твои руки—изъ стали.

— Онѣ имѣютъ дѣло только съ камнемъ. А твоя душа, Кредо, слишкомъ мягка, чтобы онѣ могли причинить ей боль... Но довольно тебѣ сидѣть въ этомъ подземельѣ. Пойдемъ на солнце.

Она заставила его стать, и онъ повиновался, не сопротивляясь. За дверями храма она быстрымъ движеніемъ откинула съ его лба спутанные волосы. Потомъ указала ему туда, гдѣ видѣлись, на самомъ берегу, домики строителей.

— Тамъ живу сейчасъ и я. Пойдемъ туда, я покажу тебѣ свое жилище. Тамъ никого не будетъ, кромѣ насъ двоихъ, но тамъ свѣтло и уютно. Ты такъ давно не видѣлъ женщинъ. Я буду ласкать тебя, какъ моего бѣд-

наго, маленькаго ребенка. И ты отдохнешь отъ своихъ думъ. Пойдемъ же...

И они пошли.

27.

Къ зеленому лугу спускались мраморныя ступени,— бѣлыя и почти прозрачныя подъ лучами солнца. Камень былъ тепелъ и пріятенъ на ощупь своей матовой шероховатостью. На этихъ ступеняхъ сидѣлъ Галъ.

Женщинѣ нужно было покормить грудью своего ребенка, и она тоже ушла сюда, чтобы никому не мѣшать. И, пока ребенокъ насыщался, положивъ свою маленькую розовую руку на ея грудь, полную молока, она сама разговаривала съ Галомъ.

Они говорили, конечно, о храмѣ и о Веснѣ. Женщина хвалила все, и ей казалось, что нѣтъ ни въ чемъ никакого недостатка.

Она пришла сюда со своими свѣтлыми грезами любви и материнства. И весь міръ былъ для нея только любовью, и двойная любовь къ мужу и ребенку, къ творцу и творенью, сливалась въ ея душѣ въ большое и единое. Ея радость была спокойна и поэтому она не смѣялась громко, какъ пробѣгавшіе мимо юноши и дѣвушки, а только улыбалась беззвучно и привѣтливо. Но улыбалась вся цѣликомъ, и все тѣло ея принимало участіе въ улыбкѣ.

Ребенокъ оторвался отъ груди и задремалъ, но женщина не уходила, потому что ей было хорошо и удобно на теплыхъ ступеняхъ, вмѣстѣ съ блѣднымъ и молчаливымъ человѣкомъ.

Всѣ шумы праздника приходили сюда смягченными и нѣжными. Убаюканный ими, ребенокъ уснулъ крѣпко.

Женщина, глядя вдаль, видѣла тамъ волнующіяся пятна и линіи—веселящуюся толпу—и толпа сливалась въ ея сознаніи въ одно цѣлое, такое же спокойное и ласковое, какъ она сама—мать.

Но затѣмъ она внимательно посмотрѣла на Гала и открыла въ его лицѣ что-то, незамѣченное ею до этой поры. Она сказала:

— У тебя странный видъ и ты чѣмъ-то непохожъ на другихъ. Можетъ быть, ты боленъ?

— Немного!—отвѣтилъ Галъ.—Но не обращай на это вниманія. Я прибылъ на праздникъ затѣмъ же, зачѣмъ и всѣ другіе. Теперь я слегка утомленъ, но это ничего не значитъ. Моя болѣзнь не опасна.

Онъ не хотѣлъ своей правдой нарушать спокойствіе женщины, присутствіе которой было ему пріятно; и онъ солгалъ. Женщина посмотрѣла на него еще внимательнѣе.

— Странно видѣть такихъ, какъ ты. Ты молодъ—и нездоровъ. Это все равно, какъ если бы у моего ребенка появились сѣдые волосы.

— Не думай объ этомъ. Мое личное существованіе—только случайность, которая ничего не нарушаетъ въ великомъ общемъ. Не задумывайся, если ты хочешь еще надолго остаться такою, какова ты сейчасъ... Это твой первый ребенокъ?

— Ну да, конечно!—и она сдѣлала большіе глаза, какъ будто удивляясь его недогадливости.—И у меня будутъ другіе. Я чувствую, что всегда должна быть матерью. Только съ его рожденіемъ жизнь сдѣлалась для меня полной. Раньше я лишь стремилась къ чему-то. Теперь я достигла.

— А тебѣ не кажется, что этого слишкомъ мало для жизни?

— О, нѣтъ. Вѣдь это такое большое и сложное дѣло. Оно захватило меня цѣликомъ.

— И не оставило больше мѣста для чего-нибудь другого? Для другой любви?

— Я люблю мужа.

— А если онъ разлюбитъ тебя?

— Этого не можетъ быть.

— Ты—счастливый человѣкъ!—сказалъ Галъ. И повторилъ еще разъ:—Ты очень счастливый человѣкъ.

И ему сдѣлалось скучно сидѣть рядомъ съ этой женщиной, потому что онъ привыкъ кь пытливости Кредо. Онъ равнодушно отвернулся отъ нея и, такъ же, какъ женщина, началъ смотрѣть вдаль.

Скоро донеслись до его слуха, выдѣляясь изъ общаго смутнаго шума, какіе-то новые звуки, мелодичные и стройные. Они выростали, приближаясь.

— Это музыка!—сказала женщина.—Какъ ты думаешь, она не разбудитъ моего ребенка? Ему нужно поспать еще немного.

— Я не знаю. Но если онъ будетъ плакать, то испортитъ музыку.

Женщина осторожно подняла спящаго ребенка и ушла,—и, едва затихли ея шаги, смолкли и мелодичные звуки, какъ будто она унесла ихъ вмѣстѣ со своимъ ребенкомъ. Тогда Галъ пожалѣлъ, что остался въ одиночествѣ. Онъ закрылъ свое лицо отъ солнечныхъ лучей и сидѣлъ такъ нѣсколько минутъ, пока не поблѣднѣла его тоска. И, когда онъ открылъ свое лицо, трава зеленѣла и солнце свѣтило, и бѣлыя мраморныя ступени были теплы и пріятны на ощупь.

А совсѣмъ близко отъ себя Галъ увидѣлъ музыкантовъ и тѣхъ людей, которые пришли за ними слѣдомъ, чтобы слышать ихъ музыку.

Выдѣлилась тонкая и гибкая, какъ тростинка, фигура Абелы. Возвышался надъ толпой высокій Акро, со своимъ крутымъ лбомъ упрямца.

Потекли звуки, наполнили воздухъ, поднялись къ солнцу. И съ голубого неба опять падали на зеленую землю, кристальные и звонкіе, то пѣвучіе, какъ голосъ женщины, то отрывистые и сильные, какъ гнѣвный крикъ мужчины.

Текли и переплетались, какъ будто, безъ всякой послѣдовательности, въ капризныхъ изломахъ, въ цѣпи превращеній,—и изъ ихъ богатства слагалось что-то, глубоко проникавшее въ душу Гала и заставившее его замереть въ тихомъ экстазѣ.

Толпа слушала, напряженная и внимательная,—и звуки окружали ее со всѣхъ сторонъ, отрывали отъ существованія, измѣряемаго минутами, уносили вмѣстѣ съ собою въ своихъ прихотливыхъ и простыхъ сочетаніяхъ.

Прямо передъ собой Галъ видѣлъ обращенные къ нему глаза Абелы,—и эти глаза дѣлались все больше, загорались ярче и вспыхивало въ нихъ какое-то желаніе.

Вотъ Абела сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ,—туда, гдѣ осталось свободное отъ людей пространство на мраморныхъ плитахъ,—подняла руки.

Все ея тѣло слѣдило за звуками и ритмически колебалось.

И въ толпѣ слушателей зашептали одобрительно:

— Танецъ!..

Звуки сдѣлались напряженѣе, быстрѣе. Но теперь они направили всю свою силу на одну только Абелу, вызывали ее и, какъ будто, хотѣли воплотиться въ ея стройныхъ очертаніяхъ.

Абела сдѣлала еще нѣсколько движеній, ожидающихъ и зовущихъ, и почувствовала, что одежда стѣсняетъ ее.

Слѣдя за музыкой, воплощая уже въ себѣ ея гармоничное разнообразіе и не прерывая ритма, Абела нужными и быстрыми движеніями сбросила тѣ части одежды,

которыя мѣшали ей,—и на бѣлыхъ плитахъ ярче выдѣлилось ея тѣло, смуглое, съ послушно напряженными мускулами.

Тогда она отдалась вся цѣликомъ всѣмъ переливамъ мелодіи, всей глубинѣ музыкальныхъ настроеній. Двигалась вмѣстѣ со звуками, замирала и почти падала быстро выпрямлялась и стремилась всѣмъ тѣломъ вверхъ, къ солнцу. Казалось зрителямъ, что звучитъ она сама, ея тѣло, ея свободныя движенія, и что нѣтъ Абелы, а есть только музыка, принявшая осязаемыя формы и не утратившая отъ этого ничтожной доли своей плѣняющей нѣжности.

Галъ смотрѣлъ, неподвижный, какъ изваяніе, потому что боялся какимъ-нибудь грубымъ движеніемъ разрушить эту картину. Вѣчно измѣнчивое, какъ эта музыка новое познаніе красоты приближалась къ нему, какъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто видѣлъ танецъ Абелы.

28.

— Скажи мнѣ, что сегодняшній день далъ тебѣ, дѣйствительно, что-нибудь новое—и я буду довольна. Скажи, что этотъ домикъ, эта комната, останутся въ твоей памяти.

— Нѣтъ, Мара, еще не нужно уходить. Мнѣ было такъ хорошо, когда я положилъ голову къ тебѣ на колѣни и ты гладила мои волосы. Сколько времени мы провели здѣсь?

— Два часа.

— Два часа? Это слишкомъ мало. Можетъ быть, ты думаешь, что я захочу отъ тебя чего-нибудь большаго и уничтожу этимъ весь восторгъ нашей связи?

Нѣтъ, Мара, я хотѣлъ-бы, чтобы ты ласкала меня всегда только такъ, какъ сегодня. Ты слишкомъ сильна, чтобы быть для меня женой.

— Не говори о будущемъ, маленькій Кредо. Будутъ минуты, когда я окажусь слабѣе тебя. А теперь пойдемъ. Мы давно уже не видѣли Гала.

Писатель съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на комнату, изъ которой они уходили. Она не была слишкомъ уютна и не походила на комнаты другихъ женщинъ, потому что здѣсь жила Мара, которая наложила на все свой каменный отпечатокъ. И потому она особенно привлекала Кредо.

По дорогѣ къ храму онъ сказалъ:

— Когда я возвращусь въ свои лѣса, воспоминанія перестанутъ волновать меня и останутся только воспоминаніями. Этотъ лѣсъ цѣлыя столѣтія остается однимъ и тѣмъ же. Тамъ всегда растутъ все такія же деревья, и одно лѣсное поколѣніе слѣдуетъ за другимъ, какъ лѣто за лѣтомъ. Мы бѣжимъ впередъ такъ стремительно, что природа кажется намъ неизмѣнной. И когда я увижу свои сосны, я буду думать, что въ ихъ шероховатыхъ стволахъ заключены цѣлыя столѣтія, пережитыя столѣтія. Ночныя тѣни ихъ вѣтвей воскресятъ во мнѣ череду прежнихъ призраковъ.

— И ты, всетаки, хочешь жить совсѣмъ одинъ?

— Не настаивай. Галъ сегодня умретъ и никто не можетъ замѣнить его.

— А когда и онъ сдѣлается только воспоминаніемъ?

Кредо остановился, какъ будто пораженный внезапной мыслью, которая пришла ему въ голову.

— Большая часть моей души осталась тамъ, въ лѣсу. Я не могу уйти оттуда, хотя-бы ты употребила для этого всю свою силу. Но если-бы ты Мара... не теперь, не сегодня, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя...

если-бы ты, не требуя, чтобы я ушелъ, сама раздѣлила мое одиночество? Хотя-бы на нѣсколько дней... да?

— Теперь я работаю. Но скоро мнѣ понадобится отдыхъ. Тогда—не раньше—я приду къ тебѣ. Но помни, что я не могу жить среди призраковъ. Я прогоню ихъ однимъ своимъ появленіемъ.

Они нашли Гала среди друзей. Абела, еще усталая и возбужденная послѣ бурнаго танца, сидѣла рядомъ съ нимъ и держала его руку, которая была холодна, холодна, какъ ледъ сѣверныхъ людей. Другую, свободную, руку Галъ протянулъ писателю.

— Я не видѣлъ тебя почти съ самаго утра. И старый Павелъ, говорилъ мнѣ, что ты очень скучалъ. Правда-ли это?

Въ его голосѣ слышался упрекъ. Кредо опустилъ глаза.

— Я скучалъ, это правда. Но сейчасъ я пришелъ къ тебѣ позже всѣхъ только потому, что нашелся человѣкъ, который съумѣлъ разсѣять мою тоску. Я провелъ нѣсколько счастливыхъ минутъ.

— Тогда—хорошо!—сказалъ Галъ и его голосъ окрѣпъ.—Я боялся, что моя смерть надолго оставитъ въ твоей жизни пустое, холодное мѣсто. Это очень огорчало меня. Кто же этотъ человѣкъ? Мара? Я не могъ ожидать этого... — Онъ посмотрѣлъ на каменщицу.— Скажи мнѣ, Мара, эти чудныя, бѣлыя плиты, которыя такъ помогли танцу Абелы,—можетъ быть, это тоже твоя работа?

— Ахъ, нѣтъ! мраморъ для меня слишкомъ мягокъ. Я люблю имѣть дѣло только съ твердыми, темными породами, съ колоннами и глыбами. Мраморъ для меня слишкомъ мягокъ.

И она съ улыбкой взглянула на Кредо.

29.

Еще не пришелъ вечеръ, еще солнце свѣтило почти съ полуденной яркостью, но день праздника начиналъ уже дряхлѣть. Трава потемнѣла и длинныя тѣни легли отъ холма черезъ рѣку. Рѣзко очерченныя и острыя онѣ тянулись къ востоку, и беззакатный свѣтъ храма побѣждалъ дневного властителя.

Цвѣты Ліи увядали. Капельки воды еще блестѣли на ихъ лепесткахъ и сочно зеленѣли листья,—но отъ цвѣтовъ шелъ уже пряный и опьяняющій запахъ увяданія. И нѣкоторые изъ нихъ въ эти предсмертные часы сдѣлались еще нѣжнѣе, а неровность блекнущей окраски одѣвала ихъ въ новыя, неожиданныя и, какъ будто, слегка задумчивыя сочетанія красокъ.

Сдѣлалось прохладнѣе и, послѣ вереницы переживаній, послѣ волны праздничныхъ наслажденій, хотѣлось подкрѣпляющей бодрости.

Внизу рѣка текла холодной влагой, приманивала. Отъ окружавшей храмъ толпы внизъ постоянно спускались люди; другіе, уже побывавшіе на рѣкѣ, поднимались къ нимъ навстрѣчу. И опять какъ раннимъ утромъ въ рѣкѣ запестрѣли купающіеся, и ихъ звучные крики достигали вершины холма.

Сильныя тѣла погружались въ прозрачную воду, взмахами рукъ разсѣкали тихія струи и въ косыхъ лучахъ солнца блестѣли брызги.

На крышѣ храма стояли Коро и Лія. Художникъ пришелъ сюда, потому что нигдѣ не могъ найти достаточно простора своему счастію. Ему нуженъ былъ широкій, ничѣмъ не стѣсненный видъ, — такой, чтобы взглядъ свободно убѣгалъ въ почти призрачную даль.

А Лія пришла сюда только потому, что не хотѣла разставаться съ любимымъ.

— Взгляни, какъ прекрасно это обиліе красокъ, эта пестрота, такая разнообразная и такая нѣжная!—говорилъ художникъ.—Когда смотришь съ большой высоты, тона смягчаются, рѣзкое изчезаетъ. Что-бы познать красоту, человѣкъ долженъ былъ сначала сдѣлаться властителемъ воздуха.

— Но, всетаки, мы—не птицы. Намъ стоило большихъ усилій поднять на воздухъ наше тяжелое тѣло. И, когда мы падаемъ внизъ—мы разбиваемся.

— Я хотѣлъ-бы подняться къ самому солнцу. Нѣтъ, выше... Мы еще не заглянули въ тайны далекихъ міровъ. И я думаю, что тамъ есть какая-нибудь новая, еще большая красота,—въ этомъ безпредѣльномъ пространствѣ.

— Міръ слишкомъ великъ для насъ. Намъ, людямъ, достаточно одной земли.

— Какъ ты разсудительна, моя Лія—съ легкой горечью сказалъ Коро. — Мнѣ всегда казалось, что ты слишкомъ разсудительна. Но сегодня я не хочу спорить. Иногда нужно жить совсѣмъ просто, принимая жизнь, какъ свѣтлый и радостный даръ,—и сегодня такой день. Ты слышишь, какъ шумятъ тамъ, внизу?

Вѣчно смѣняющіяся струи змѣились на днѣ долины. Нѣкоторымъ изъ купающихся больше нравилось бороться съ теченіемъ, другіе отдавались волнамъ и плыли внизъ, исчезая вдали незамѣтными точками. Потомъ они выходили на берегъ и шли обратно съ блестящими, мокрыми тѣлами, порозовѣвшими отъ прохлады.

Солнце опускалось все ниже, ниже. День кончался.

Когда первые, блѣдно-оранжевые лучи начинающейся зари бросили въ рѣку свои отблески, Коро и Лія сошли внизъ.

30.

Тамъ, внизу, на мраморныхъ плитахъ, полулежалъ въ удобномъ креслѣ больной Галъ.

Кредо держалъ въ рукахъ небольшой бокалъ съ желтоватой, слегка пѣнистой жидкостью, похожей на старое, хорошо выдержанное вино. Абела принесла нѣсколько цвѣтковъ и Галъ перебиралъ ихъ лепестки, которые быстро блекли и свертывались подъ его холодными пальцами.

— Они уже умерли!—сказалъ больной, когда въ его рукахъ остались одни надломленные стебли.—Ихъ жизни хватило только отъ утра до заката.

И онъ посмотрѣлъ на небо, которое дѣлалось все краснѣе. Солнечный дискъ нижнимъ краемъ земли коснулся уже горизонта, и черная пасть земли медленно поглощала его.

— Я былъ на вашемъ праздникѣ, мои товарищи. И, такъ какъ счастьемъ для меня можетъ быть только смерть, то высшее счастье—умереть въ день праздника. Вы доставили мнѣ возможность сдѣлать это. Я видѣлъ Весну. И на порогѣ смерти я чувствую впереди вѣчно новую, вѣчно возрождающуюся жизнь, которая съ каждымъ днемъ будетъ становиться прекраснѣе. И это вѣчное совершенствованіе не завянетъ раньше времени, какъ хрупкій цвѣтокъ. Вмѣсто опавшаго лепестка выростаетъ новый,—свѣжій, благоухающій... И что такое моя жизнь, какъ не опавшій лепестокъ?

Ему было трудно дышать. Онъ опять посмотрѣлъ на солнце, которое почти все цѣликомъ погрузилось уже въ черную землю, и протянулъ руку за бока-

ломъ Кредо. Но писатель остановился въ нерѣшительности.

— Можетъ быть, ты еще помедлишь?

— Пора... Я усталъ ждать. Эта усталость наполняетъ все мое тѣло и въ немъ совсѣмъ не осталось мѣста для жизни. Вотъ, сейчасъ въ послѣдній разъ я вижу ваши милыя лица,—и я не испытываю сожалѣнія. Мнѣ нечего ждать больше... Когда-то и передъ моимъ личнымъ „я" развертывалась жизнь,—длинная, блистающая, безконечно заманчивая. Слѣпой случай измѣнилъ все и толкнулъ меня къ смерти... Вотъ ваша задача: побѣдите случай.

Галъ снова протянулъ руку. Кредо передалъ ему смертельный напитокъ, — такой пахучій и искристый, какъ старое вино. Но больной только слегка приложился къ нему губами и держалъ бокалъ противъ свѣта, слѣдя, какъ преломляются зоревые лучи въ поднимающихся со дна газовыхъ пузырькахъ.

— Побѣдите случай... Только тогда вы сдѣлаетесь истинными властителями жизни. У насъ не будетъ раннихъ смертей... темныхъ душъ, отуманенныхъ несчастной любовью... Безобразныхъ пятенъ грязи—кровавыхъ пятенъ на бѣлизнѣ... нестройныхъ нотъ въ гармоничныхъ аккордахъ. А теперь, когда случай встанетъ передъ вами лицомъ къ лицу—будьте мужественны...

Онъ вдругъ быстро опустилъ бокалъ, такъ что нѣсколько капель жидкости пролились на мраморъ.

— Мужество... Его такъ мало въ моемъ сердцѣ. Я усталъ,—но иногда мнѣ кажется, что въ глубинѣ души я хотѣлъ бы еще жить, радоваться. Какъ вы. Но это только слабость—и съ нею легко совладать.

Узкая золотая черточка, оставшаяся отъ солнечнаго диска, исчезла. Надъ черной землей ярко горѣло красное, прозрачное пламя. Мраморныя плиты порозовѣли

и на щекахъ больного легли пятна румянца—и жидкость въ бокалѣ казалась совсѣмъ красной, какъ теплая кровь человѣка. Галъ выпилъ ее: сначала маленькими глотками, потомъ жадно, въ одинъ пріемъ,—весь остатокъ

Тѣло его вытянулось, и Кредо долженъ былъ поддерживать его, что бы онъ не упалъ.

— Такъ хорошо... Вотъ, я опять слышу музыку. Ты хорошо танцуешь,—Абела. И танцуй всегда на закатѣ потому что звуки дѣлаются тогда мягкими и краски—' нѣжными... Мнѣ кажется, что я засыпаю. Это—смерть. Но это совсѣмъ не страшно и мнѣ не хочется просыпаться. Ужъ темнѣетъ. 'Развѣ заря погасла? Но я все еще вижу Абелу. Смерть, мои товарищи. Не бойтесь, ея. Это—ничто, только ничто.

Галъ умеръ и его трупъ завернули въ свѣтлую, мягкую одежду, которая блестѣла въ свѣтѣ вечера какъ расплавленное золото. Убрали кресло и только на бѣломъ мраморѣ осталось нѣсколько сѣроватыхъ пятенъ отъ пролитаго напитка смерти.

31.

Когда прошла ночь, повсюду замелькали огни, удаляясь отъ холма къ потемнѣвшему горизонту. Люди покидали мѣсто праздника.

Одни возвращались къ своимъ льдамъ и снѣгамъ и молчаливому вѣчному морю. Другіе уходили въ край вѣчнаго лѣта, гдѣ воздухъ былъ влаженъ, томенъ и пропитанъ отуманивающимъ голову запахомъ тропическихъ растеній.

Они уходили со свѣтлыми воспоминаніями, съ новой жаждой любви, съ новыми стремленіями къ дѣя-

тельной, великой жизни. Храмъ посылалъ ихъ теперь отъ себя во всѣ концы земли, какъ сердце посылаетъ чистую кровь по артеріямъ. Люди уходили, обновленные радостью.

Виланъ былъ задумчивъ. Онъ разсѣянно смотрѣлъ на быстрыя движенія толпы и искалъ кого-то въ вереницѣ мелькавшихъ передъ нимъ лицъ. Кого — не зналъ самъ. Но когда подошла къ нему черноволосая женщина съ сѣвера, онъ обрадовался и, взялъ ее за руку, отошелъ съ нею вмѣстѣ поближе къ стѣнѣ храма, гдѣ никого не было.

— Ты уѣзжаешь?

— Да. Завтра я принимаюсь за работу. Вотъ, уже цѣлыхъ полчаса я ищу тебя повсюду, чтобы проститься.

— Ты искала меня, это правда?

— Конечно. И я была бы очень довольна, если-бы провела съ собою весь сегодняшній день. Но ты постоянно убѣгалъ отъ меня.

— Нѣтъ, я не убѣгалъ. Мнѣ только хотѣлось временами побыть съ самимъ собой. Видишь ли сегодня выпало на мою долю нѣсколько тяжелыхъ минутъ и я все еще не успѣлъ примириться съ тѣмъ, что случилось... Хотя, можетъ быть, этого давно уже слѣдовало ожидать...

Женщина промолчала. Она не хотѣла разспрашивать, потому-что замѣтила въ глазахъ Вилана плохо скрытое страданіе.

Виланъ внезапно спросилъ:

— Ты любишь кого нибудь?

— Нѣтъ. Теперь — нѣтъ. И человѣкъ, котораго я любила, сошелся уже съ другою.

— Это причинило тебѣ горе.

— Тогда я уже не любила его.

— Это хорошо. Отказываться отъ своей любви —

очень тяжело, Астрея. Радости жизни кажутся такими блѣдными и ничтожными, руки не тянутся къ работѣ и, поэтому, скучно жить. Я потороплюсь со своимъ отъѣздомъ въ ваши края. Тамъ это пройдетъ скорѣе. Вѣдь у вас такъ холодно,—и тяжелый, мертвый снѣгъ покрываетъ землю.

— Я тоже буду работать на постройкѣ, ты знаешь?

Виланъ посмотрѣлъ на нее пристально. И когда она положила ему на плечо свою руку, онъ сказалъ ей:

— Зачѣмъ у тебя черные волосы? Они напоминаютъ мнѣ о ночной темнотѣ, которую я ненавижу. Я люблю волосы свѣтлые, золотые, пышныя пряди которыхъ похожи на огонь. Зачѣмъ у тебя черные волосы, Астрея? Вѣдь въ твоей душѣ такъ много свѣта и ты такъ хорошо понимаешь мои мысли.

Она отвѣтила ему только:

— Прощай! Если ты захочешь—мы увидимся.

Виланъ провожалъ ее взглядомъ, пока она не исчезла далеко, далеко на сѣверѣ. Тогда онъ прошелъ въ храмъ, спустился туда, гдѣ стояли машины,—такія стройныя, большія, ритмически вздрагивавшія отъ своихъ могучихъ напряженныхъ движеній. Внимательно осмотрѣлъ ихъ. Все было исправно. Послѣ осмотра поднялся въ самый храмъ, чтобы узнать, не остался ли тамъ еще кто-нибудь и не пора ли уже гасить праздничный свѣтъ.

32.

Въ храмѣ были только трое: Коро и двѣ женщины. Вилану издали бросились въ глаза волосы одной изъ нихъ,—хорошо знакомые, золотистые волосы,—и онъ остановился, а потомъ, послѣ минутнаго колебанія безшумно прошелъ въ боковой портикъ. Тамъ онъ не могъ

видѣть и слышать ничего, что дѣлалось у подножія статуи,—и такъ было лучше для его тоскующихъ думъ.

Говорила Формика. Говорила слишкомъ много и быстро, и, должно быть, волновалась, потому что глаза у нея блестѣли лихорадочно, а щеки были совсѣмъ блѣдны. Коро и Лія слушали молча.

Формика говорила, что она очень счастлива и хвалила удачное торжество. И смѣялась, но губы ея кривились, и поэтому, улыбка казалась скорбной. Не докончивъ одного, начинала говорить о другомъ,—о скульпторѣ Акро, который хочетъ сдѣлать памятникъ Галу и о работахъ стараго Павла, о платьѣ Абелы и о загадочно-красивыхъ людяхъ съ сѣвера. Потомъ вдругъ провела рукою по лбу, замолчала и сдѣлалась еще блѣднѣе.

— Я что-то сегодня слишкомъ много болтаю, мои дорогіе. Но это только потому, что у меня болитъ голова. Смерть Гала была такъ печальна... Хочется разсѣяться. Я совсѣмъ забыла, что вы оба утомлены и, конечно, хотите уже отдохнуть. Сейчасъ я прощусь съ вами,—можетъ быть, надолго. Вѣдь завтра я уѣзжаю въ горы, къ учителю.

— А развѣ ты уже знаешь,—спросилъ Коро, глядя прямо ей въ лицо своими счастливыми глазами,—развѣ ты уже знаешь, что сегодня Лія придетъ ко мнѣ и останется со мной? Что часъ нашей любви насталъ?

— Да, я должна была хорошо знать это. Я знаю. Если бы только голова не болѣла у меня такъ сильно,— я очень радовалась бы этому и смѣялась бы еще больше, чѣмъ сейчасъ... Но уже почти ночь и вамъ пора идти. Пойдемте вмѣстѣ. Я провожу васъ до твоего порога, Коро.

Они пошли, художникъ посрединѣ и двѣ женщины по сторонамъ. До того домика, гдѣ жилъ Коро во время

постройки храма, было совсѣмъ близко: только спуститься съ холма и пройти еще нѣсколько шаговъ по песчаной дорогѣ. Лія шла медленно, и поэтому, ея спутники тоже должны были замедлять шаги.

— Я хотѣла бы,—сказала Формика, когда они подходили уже почти къ самому домику,—я хотѣла бы,—чтобы вашъ союзъ продлился долго и былъ крѣпокъ, потому что для меня дорого счастье Коро. Пусть этотъ союзъ распадется, только когда ваша любовь охладѣетъ взаимно. И нехорошо, если вы разойдетесь, какъ враги, въ то время, когда одинъ изъ васъ будетъ любить и страдать, а другой уже—ненавидѣть. Я мало знаю тебя, Лія, но мнѣ кажется, что въ тебѣ есть многое чего недостаетъ мнѣ самой, не говоря уже о твоей красотѣ. Конечно, Коро сдѣлалъ хорошій выборъ.

— Не знаю!—коротко отвѣтила Лія.—Я люблю его.

— Да,—и ты не изъ тѣхъ, чьи чувства мѣняются каждый день.

Было, какъ будто, что-то недоговоренное въ этихъ словахъ, хотя и непохожее на упрекъ. Но Коро ничего не замѣтилъ. Онъ жилъ сейчасъ только своимъ счастьемъ, и былъ увѣренъ, что на ясномъ небѣ этого счастья не можетъ быть ни одного облачка.

Вотъ и дверь домика. Коро широко распахнулъ ее и, пропустивъ впередъ Лію, обратился къ Формикѣ:

— Войди же и ты. Побудь въ нами еще нѣсколько минутъ. Мнѣ будетъ немножко скучно, когда я не буду больше слышать твоего голоса.

— Нѣтъ, Коро. Если ты хочешь удѣлить и мнѣ частицу своей радости, то исполни одну маленькую просьбу.—Она заговорила такъ тихо, что художникъ только по движеніямъ губъ угадалъ ея слова: Поцѣлуй меня. И помни еще, что послѣ тебя никто другой не прикоснется къ моимъ губамъ.

— Ты шутишь, мой ребенокъ. Я не могу представить тебя безъ поцѣлуевъ и смѣха. И поцѣловать тебя... Да, конечно!

Онъ притянулъ ее къ себѣ и обнялъ,—а Лія смотрѣла на нихъ съ порога, спокойная и молчаливая. Формика возвратила художнику его поцѣлуй и поцѣловала его еще въ глаза и въ щеки,—а потомъ вырвалась и побѣжала, не оглядываясь, назадъ къ храму. Только теперь Коро почувствовалъ, какъ она страдаетъ, и впервые въ его ликующую душу закралась тоска сомнѣнія.

— Какъ ты думаешь, Лія—спросилъ онъ, когда они остались вдвоемъ въ маленькой комнаткѣ,—неужели всегда необходима также и скорбь, чтобы уравновѣсить избытокъ счастья?

— Не знаю. Я никогда не думала объ этомъ. И нужно ли думать объ этомъ... теперь?

— Ты обижена? Прости меня. Вѣдь ты знаешь, что я бываю иногда слишкомъ неостороженъ. Это было только мгновенное чувство, и вотъ—оно уже прошло. Я знаю только, что дни испытанія кончились и ты принадлежишь мнѣ,—ты, совершенная красота и совершенная любовь. А гдѣ же твой цвѣтокъ, твой лучшій цвѣтокъ? Или я все еще недостоинъ его?

— Онъ—твой. Вотъ онъ здѣсь. У меня на груди. И онъ даже совсѣмъ не завялъ: такъ красивъ, словно только что распустился.

Коро протянулъ руку за обѣщаннымъ цвѣткомъ, но женщина отстранила его мягкимъ движеніемъ.

— Еще немного... Пока не поздно, мой любимый... Пока не поздно, подумай надъ словами Формики. Не возненавидишь ли ты меня уже въ то время, когда я буду еще принадлежать тебѣ вся, безраздѣльно? Подумай, какую жестокую боль это причинитъ намъ обоимъ.

— Мнѣ не о чемъ думать больше.

Тогда она отдала ему цвѣтокъ; и онъ бережно положилъ его у изголовья постели.

— Пусть онъ будетъ свидѣтелемъ нашей радости.

И только онъ одинъ видѣлъ эту радость,—лучшій цвѣтокъ изъ сада Ліи, — потому что есть радости на землѣ, слишкомъ свѣтлыя для глазъ смертнаго.

33.

Виланъ вышелъ изъ портика и увидѣлъ, что во всемъ храмѣ не осталось больше ни одного человѣка. Только одна великая богиня населяла его, и въ одиночествѣ была такъ же велика, какъ и среди праздничной толпы.

И, глядя на Весну, Виланъ въ своемъ скорбномъ смятеніи думалъ о божественности таланта, который можетъ олицетворить идею въ дивномъ образѣ, безконечно болѣе совершенномъ, чѣмъ самъ его творецъ.

„Да, я не талантливый человѣкъ. Я только добросовѣстный работникъ. Но я не завидую имъ. Мнѣ кажется, что мое сердце не выдержало бы сознанія, что эта Весна—плодъ моего искусства. Оно слишкомъ слабо, мое сердце. Вотъ и сейчасъ оно болитъ, жестоко болитъ. А что такое случилось? Мнѣ только отказали въ любви".

Онъ подошелъ къ подножію статуи, опустился на колѣни и положилъ свою большую голову на покрытый цвѣтами камень. Ему казалось, что съ запахомъ цвѣтовъ и съ холодомъ камня въ него переходитъ какая-то бодрящая сила,—сила богини. Пробылъ такъ долго, потомъ всталъ, посмотрѣлъ въ лицо Веснѣ благодарный и почти радостный. Спустился въ подвалъ, къ машинамъ, и повернулъ рычагъ. Машины—послушныя чудовища—остановились и свѣтъ погасъ.

Теперь храмъ стоялъ на холмѣ темный и суровый,

и темно было вокругъ него, потому что нигдѣ больше не горѣли огни, а небо понемногу заволакивалось облаками.

Возвращаясь домой, Виланъ у самаго храма столкнулся съ кѣмъ то, пугливо отпрянувшимъ въ сторону. Онъ разглядѣлъ только, что это—женщина, и хотѣлъ уже пройти мимо, когда его окликнулъ знакомый голосъ.

— Это ты, Формика? Что дѣлаешь ты здѣсь въ такую пору? Вездѣ темно. Праздникъ уже кончился.

Онъ вглядывался и никакъ не могъ разглядѣть золотистыхъ волосъ, потому что Формика закутала голову краемъ плаща.

— Хорошо, что я встрѣтила тебя. Сейчасъ я уѣзжаю въ горы и мнѣ не хотѣлось бы разставаться съ тобой, не сказавъ тебѣ нѣсколько словъ.

— Развѣ не все уже сказано, Формика? Ты не любишь меня. Ты не хочешь, чтобы мы жили вмѣстѣ, какъ одно существо. Вотъ и все... Но что ты искала меня—это хорошо. Это значитъ, что ты, все-таки, думаешь обо мнѣ.

— Да, я всегда буду думать о тебѣ, потому что ты, можетъ быть, лучшій изъ всѣхъ людей. Помни, что это не одни только слова, Виланъ. Если у тебя есть еще надежда, то отбрось ее поскорѣе. И поѣзжай туда, куда ты хотѣлъ ѣхать,—на сѣверъ, потому что тамъ ты скорѣе все забудешь.

— Конечно, я забуду. Временами мнѣ бываетъ очень больно, но всякая боль имѣетъ то же свойство, какъ и счастье: когда-нибудь она кончается. Сегодня я много говорилъ съ одной сѣверной женщиной. Странные цвѣты выростаютъ иногда тамъ, въ снѣгахъ. Но волосы у нея темные, а ничего темнаго я не люблю. Я и сейчасъ, ночью, чувствую себя не совсѣмъ хорошо. Пойдемъ куда-нибудь, гдѣ хотя немного свѣтлѣе.

— Хорошо. Тебѣ придется, въ такомъ случаѣ, прово-

дить меня на станцію, потому что я уѣзжаю сейчасъ, ночью.

Они пошли рядомъ, и на крутомъ спускѣ Виланъ заботливо, какъ ребенка, поддерживалъ своего товарища за талію.

— Сейчасъ я видѣла Лію.

— Знаю. Вы были вмѣстѣ въ храмѣ.

— Да. Потомъ я проводила ихъ до домика Коро. Лія останется тамъ.

— Не разсказывай мнѣ этого. Вѣдь и ты могла бы придти ко мнѣ сегодня. И если ты никогда не полюбишь меня, то вѣдь и Коро... Онъ не найдетъ для себя никого, кромѣ Ліи. Никого, лучше Ліи.

— У тебя большіе глаза—и они такъ мало видятъ. Не минуетъ и года, говорю я тебѣ, какъ къ тебѣ придетъ Коро и будетъ разсказывать о своемъ горѣ. Сейчасъ онъ счастливъ—и Лія прекрасна,—но это еще не все. Каждый изгибъ мысли Коро знакомъ мнѣ. Поэтому я могу предвидѣть его будущее лучше, чѣмъ онъ самъ.

— Я не могу спорить. Я знаю только, что потерялъ тебя навсегда. Ты думаешь, что Коро, въ концѣ концовъ, придетъ къ тебѣ? Но вѣдь и Лія не изъ тѣхъ, которыя слишкомъ быстро уступаютъ. Она постарается привязать къ себѣ художника всей силой любви и красоты. Да, да. Она красивѣе тебя.

Впереди, за поворотомъ дороги, забрезжилъ свѣтъ. И отзвуки движенія, голоса никогда не замирающей жизни, донеслись до ушей двухъ путниковъ.

— Вотъ мы и пришли уже!—съ сожалѣніемъ сказалъ Виланъ.—Слишкомъ скоро. И весь сегодняшній день прошелъ, какъ сонъ. Если бы у меня не было еще впереди такъ много веселой работы и такихъ увлекательныхъ надеждъ,—я, пожалуй, позавидовалъ бы Галу. За хорошимъ утромъ для меня пришелъ плохой вечеръ, Формика...

34.

Среди океана, теплаго океана съ изумрудными волнами, въ которыхъ плаваютъ прозрачныя кружевныя медузы, выросъ гористый островъ. Вершины горъ, покрытыхъ снѣгомъ, совсѣмъ бѣлы, и въ полдень на нихъ лежатъ прозрачныя синія тѣни, а утромъ и вечеромъ онѣ окрашиваются теплой кровью заката. Внизу, у берега, зеленѣетъ тропическій лѣсъ, обвитый гирляндами вьющихся растеній, обремененный причудливыми плодами, пропитанный влажнымъ, одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ. Въ тѣни деревьевъ, на лѣсныхъ полянахъ, прохладно и сумрачно. Солнечный свѣтъ, пробираясь сквозь чащу листьевъ, зеленѣетъ и теряетъ свою жгучесть. А выше, между лѣсомъ и бѣло-голубыми снѣгами, поднимаютъ свои мшистыя, сѣдыя головы голыя скалы, и раскаленный воздухъ струится тамъ тонкими, прозрачными волнами. Еще выше—холодно и пустынно. Уродливыя карликовыя ели стелются по камнямъ, какъ будто ихъ придавила невидимая, свинцово-тяжелая пята. И одѣтые пушистымъ мѣхомъ маленькіе звѣрьки прячутся въ глубокихъ норахъ отъ ночного холода.

Море вдается въ островъ круглымъ заливомъ съ узкимъ проходомъ, поперекъ котораго постоянно пѣнится прибой. Этотъ заливъ похожъ на чашу, наполненную до краевъ. Высокія горы защищаютъ его отъ вѣтровъ и, когда тучи висятъ низко надъ океаномъ и среди бурныхъ волнъ открываются черныя бездны,—изумрудная гладь залива остается почти спокойной. Только мѣрное, широкое волненіе, похожее на вздохи, перекатывается отъ прохода къ противоположному лѣсному берегу.

На этомъ берегу поселились четверо,—двое мужчинъ

и двѣ женщины. Широкія волны залива разбиваются у ихъ жилищъ, оставляя на желтомъ пескѣ неповоротливыхъ обитателей морскихъ глубинъ: щетинистыхъ морскихъ ежей, темныхъ, толстобрюхихъ крабовъ и пестрыя раковины съ затѣйливыми рожками и завитками. Буровато-зеленой гирляндой ложатся вдоль всей отмели увядающія водоросли и присоединяютъ къ сладкому запаху лѣса свой особый ароматъ, соленый и терпкій.

Послѣ бури четверо выходятъ на отмель и разсматриваютъ то, что подарило имъ море. И потомъ нѣжныя руки женщинъ осторожно берутъ колючихъ ежей и злобно встопорщившихся крабовъ, и бросаютъ ихъ обратно въ зеленыя волны. Нѣсколько мгновеній ихъ видно еще сквозь прозрачную воду, и замѣтны ихъ торопливыя движенія. Потомъ они, уродливые, погружаются въ недоступную для глаза темноту, которая породила и воспитала ихъ съ первыхъ дней творенія. А водоросли лежатъ и вянутъ,—и ихъ соленый запахъ пріятенъ послѣ сладости лѣса.

Съ морского берега четверо уходятъ въ лѣсъ. Тамъ порхаютъ надъ огромными медвяными цвѣтами радужныя птички, такія маленькія, что онѣ больше похожи на пчелъ, трудолюбиво собирающихъ добычу. Въ сырой тѣни медленно шевелитъ мохнатыми лапами огромный рыжій паукъ, подстерегая добычу горящими отъ жадности глазами. Двѣ женщины не любятъ его. Онѣ рвутъ въ клочья паутину,—и радужныя птички вьются надъ самыми ихъ головами, какъ будто,—благодарныя.

Съ огромнымъ деревомъ, густо усѣяннымъ красными цвѣтами, тѣсно сплелась ліана. Она пьетъ его соки,—а ихъ объятія кажутся почти влюбленными.

Изъ подъ широкаго, плоскаго камня выбивается ключъ. Прыгаетъ съ уступа на уступъ, временами совсѣмъ теряется среди тростника и узловатыхъ корней,

которымъ, должно быть, слишкомъ тѣсно въ черно плодородной землѣ. Потомъ выбивается на поляну и свободный бѣжитъ къ заливу. Тамъ зеленая волна радостно принимаетъ его струю.

Четверо пьютъ воду изъ ключа. Она такая вкусная и холодная. И хорошо тоже по утрамъ освѣжать ею лицо.

По крутой, едва видной тропинкѣ, четверо поднимаются въ горы. Сначала очень жарко идти. Акро часто вытираетъ потъ со лба и недовольно ворчитъ. Онъ не охотникъ до далекихъ прогулокъ. Абела всегда впереди, потому-что ея легкое тѣло не знаетъ усталости. Она прыгаетъ со скалы на скалу такъ свободно и быстро, какъ тамъ, внизу, вьются надъ цвѣтами радужныя птички. У Ліи—спокойный, размѣренный шагъ. Она не забѣгаетъ впередъ и не отстаетъ, — и Коро держится рядомъ съ нею, потому-что онъ долженъ всегда видѣть ея любимое лицо.

— Довольно!—говоритъ Акро и садится на камень.— Я не иду больше. Я чувствую себя достаточно хорошо и внизу, у самаго берега.

— А ты, Лія?

— Я могу пройти еще немного. Выше будетъ прохладнѣе и подъемъ не такъ крутъ. Но я сдѣлаю, какъ захотятъ другіе.

И собравшись у камня, на которомъ сидитъ упрямый Акро, они спорятъ. Абела сначала смѣется, потомъ сердится.

— Ты—гадкое, неповоротливое существо. Тебѣ нужно оставаться дома, если ты такой плохой товарищъ. И не смѣйся, пожалуйста. Ты думаешь, что мнѣ будетъ скучно безъ тебя? Но вѣдь я могу брать съ собою Коро.

— А ты думаешь, что Коро пойдетъ съ тобою?— спрашиваетъ Акро, удобнѣе устраиваясь на твердомъ камнѣ и хитро улыбается.

И Абела внимательно взглядываетъ на художника, но Коро не замѣчаетъ этого. Онъ смотритъ только на Лію.

— Да, конечно!—Абела бросаетъ въ лицо Акро пучекъ серебристаго лишайника, — очень пыльнаго, такъ что это непріятно. — Теперь онъ не пойдеть со мною. Но всетаки ты—неповоротливое существо. И я совсѣмъ не люблю тебя.

Акро уже смахнулъ пыль лишайника со своего лица,— и онъ очень недолго помнитъ старыя обиды. Онъ протягиваетъ руку капризной женщинѣ.

— Ты не любишь меня, это правда?

— Не люблю, не люблю! И кромѣ того...

Но дальше она не можетъ говорить, потому-что ея губы заняты поцѣлуями. Ея маленькое тѣло прижимается къ широкой груди Акро. На рѣсницахъ блестятъ слезинки, но она смахиваетъ ихъ украдкой и шепчетъ тихонько, чтобы не услыхалъ никто третій.

— Мой сильный... Не сердись на меня.

Лія о чемъ-то думаетъ и смотритъ вдаль, туда, гдѣ лѣсъ граничитъ съ моремъ. Съ того самаго дня, какъ она отдалась Коро, какая-то новая дума положила легкую складку на ея лицѣ. И глаза смотрятъ всегда задумчиво и слегка печально.

— Лія, мнѣ кажется, что ты потеряла что-то дорогое,—и не можешь найти.

— Нѣтъ, Коро... Пока еще—нѣтъ. Но я боюсь, что это случится когда-нибудь.

— Ты не можешь жить только тѣмъ, что даетъ тебѣ жизнь. Тѣни прошлаго и призраки будущаго—все это безпокоитъ тебя.

— Твои мысли—мои мысли, Коро. Развѣ я виновата, что уже чувствую то, что еще не успѣло зародится въ тебѣ самомъ? Это придетъ.

Онъ слушалъ—и ему былъ пріятенъ голосъ подруги, но онъ не хотѣлъ вдуматься въ то, что значатъ эти слова. Онъ посмотрѣлъ на Абелу, которая извивалась, какъ веселая змѣйка, и разсмѣялся.

— Вѣдь ты пойдешь дальше, правда?—спрашивала Абела и гладила своей маленькой ладонью высокій лобъ скульптора.—Ты не будешь больше такимъ лѣнивымъ, ты пойдешь.

— У тебя такіе блестящія тонкія крылья—и ты такъ больно жалишь, моя пчелка! Развѣ можно спорить съ тобою? Дай мнѣ твою руку... Я поддержу тебя, когда ты устанешь.

Вотъ уже далеко внизу зеленый лѣсъ, сплошной массой темнѣютъ тамъ кроны разросшихся деревьевъ и не видно больше цвѣтовъ. Четверо идутъ дружно и весело. Мелкіе камешки вырываются изъ подъ ихъ ногъ и, подпрыгивая, катятся внизъ. Теперь весь океанъ—какъ огромная чаша безъ краевъ, и круглый заливъ — капля.

Проносится птица съ длинными острыми крыльями. Она—какъ хозяинъ на этой высотѣ. Бросаетъ въ лицо людямъ свой насмѣшливый крикъ.

— Ну, мы бываемъ и выше!—снисходительно говоритъ Акро, принимая на свой счетъ ея насмѣшку.

До снѣговъ еще далеко, — и они лежатъ тамъ, за прозрачнымъ облакомъ, такіе чистые и недостижимые. Лія смотритъ на нихъ. Вѣдь она всегда смотритъ вдаль. И на ея лицѣ, какъ будто, отражается ихъ синеватый, холодный отблескъ.

— Ты—Ледяная королева!—говоритъ Коро. Конечно, онъ шутитъ, — но легкое сожалѣніе слышится въ его голосѣ.

35.

По ту сторону острова, гдѣ нѣтъ тихаго залива, но также роскошенъ тропическій лѣсъ и такъ же гнутся вѣтви, обремененныя плодами, работаютъ люди. Мѣрно гудятъ машины и земля вздрагиваетъ, отвѣчая на ихъ ритмическія движенія. Тамъ вырабатываютъ ткани для одеждъ,—легкія и тонкія, окрашенныя нѣжными цвѣтами, похожими на солнечный закатъ въ весенній вечеръ. Эти ткани любитъ Абела. Лія всегда ходитъ въ простомъ бѣломъ платьѣ, безъ всякихъ украшеній.

Къ четверымъ привыкъ приходить одинъ изъ рабочихъ,—Висъ. Короткій, какъ его имя, онъ, какъ будто съ трудомъ носилъ свою большую голову на слабомъ туловищѣ. У него были странные, зеленоватые глаза, но эти глаза смотрѣли зорко и проницательно изъ подъ нависшихъ бровей.

Первое время онъ предпочиталъ молчать и слушать.

Художники говорили о своихъ исполненныхъ работахъ и о новыхъ замыслахъ,—и рѣдко спорили, потомучто Акро признавалъ превосходство Коро и во многомъ считалъ себя только его ученикомъ. Висъ появлялся подъ вечеръ и уходилъ еще до наступленія ночи. И скоро къ нему привыкли и начали считать его своимъ, хотя не знали, что скрывается за зеленоватымъ блескомъ его глазъ. Иногда эти глаза смотрѣли слегка насмѣшливо. И все время Висъ жилъ, какь будто, чѣмъ-то своимъ, особеннымъ, —и блуждалъ своими мыслями въ замкнутомъ кругу, недоступномъ пріѣхавшимъ на отдыхъ художникамъ.

Кромѣ Виса, раза два приходилъ другой,—но художники не знали его имени. Онъ смотрѣлъ больше на лѣсъ и на море, чѣмъ на людей, и, повидимому, былъ очень друженъ со своимъ товарищемъ по работѣ.

— Давно ли ты здѣсь?—спросила Абела Виса.

— Для меня—нѣтъ. Но, другимъ, конечно, это можетъ показаться иначе. Видишь, — здѣсь на вискахъ, у меня совсѣмъ уже сѣдые волосы. А пріѣхалъ я сюда молодымъ.

— И съ того времени ты ни разу не покидалъ острова?

— А зачѣмъ бы я дѣлалъ это? Земля кругла и одинакова. И здѣсь она выглядитъ еще лучше, чѣмъ гдѣбы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Не покидая острова, я знаю также хорошо обо всемъ, что дѣлается въ мірѣ, какъ если бы я все время переносился съ мѣста на мѣсто, не давая себѣ ни отдыха, ни покоя. Здѣсь я всегда со своими друзьями, и всегда могу дѣлать то, къ чему привыкъ за много лѣтъ. Не даромъ же я считаюсь лучшимъ мастеромъ... А путешествія, переѣзды... Ну, я не люблю тратить понапрасну свое время, а мой трудъ вполнѣ меня удовлетворяетъ. Вотъ и все.

— Ты говоришь неправду, Висъ. Развѣ я не замѣтила, какъ ты улыбаешся? Да и какъ можно повѣрить, чтобы человѣкъ былъ удовлетворенъ какой-то фабрикой, гдѣ такъ много мелочныхъ хлопотъ и такъ мало творчества?

— Не такъ уже мало, какъ ты думаешь. Вы, художники слишкомъ гордый народъ. Оставьте и намъ, ремесленникамъ, кое-что въ созданіи красоты. Вотъ, я вижу на тебѣ платье, вытканное мною. А вѣдь у тебя, конечно, не плохой вкусъ, потому что твоимъ нарядамъ подражаютъ многія женщины. Да вѣдь и не въ этомъ одномъ заключается сущность моей жизни. Если бы я умѣлъ только ткать и красить, то пожалуй, убѣгалъ бы отсюда еще чаще, чѣмъ вотъ этотъ мой товарищъ, который нигдѣ на землѣ не можетъ найти для себя подходящаго мѣста. У меня есть еще другое занятіе,

которому я посвящаю не меньше времени, чѣмъ фабрикѣ.

Вмѣсто того чтобы продолжать дальше, онъ всталъ съ мѣста и, повидимому, собирался уходить. Это совсѣмъ не понравилось Абелѣ. Она любила знать все до конца.

— Чѣмъ же ты занятъ, Висъ; можетъ быть, ты механикъ? Это такъ хорошо: создавать стройные, могучіе механизмы, которыя повинуются каждому мановенію и тысячекратно облегчаютъ трудъ. Хорошо также быть химикомъ. Въ этой области мы далеко еще не дошли до конца,—хотя такъ недавно казалось, что почти все уже исчерпано.

Рабочій опять улыбнулся, но на этотъ разъ уже не насмѣшливо.

— Тебѣ хочется считать меня очень полезнымъ человѣкомъ. Не потому ли, что я такъ тяжелъ на подъемъ?

— Совсѣмъ нѣтъ. Просто потому, что у тебя большая и такая умная голова. Подобные люди не бываютъ паразитами.

— И все таки я не химикъ и не механикъ, — и вообще, я служу обществу только своимъ ремесломъ ткача. Но я люблю изучать исторію и постепеннное развитіе отвлеченной мысли, той области мысли, которая встарину называлась философіей. Тебѣ можетъ показаться смѣшнымъ и ненужнымъ это занятіе,—но я люблю его. Съ тѣхъ поръ, какъ мы поняли, что нѣтъ никакого различія между духомъ и матеріей, и мысль наша пришла къ высшему единству—прежняя метафизика кажется дѣтскимъ лепетомъ. Но подъ этимъ лепетомъ часто скрывается великое, хотя и отжившее. Можетъ быть, ты любишь старыя картины, старыя статуи, зданія. Они тоже отжили и наши дѣти сдѣлали бы, можетъ быть, все это гораздо лучше, — но это трогаетъ.

— Да, зданія, картины... Но мысли! Я думала, что

старыя мысли могутъ занимать своей красивой нелѣпостью только... только поэтовъ,—такихъ, какъ Кредо. А на видъ ты совсѣмъ непохожъ на него. У того— большіе, ясные глаза, которые видятъ самую глубину вещей.

— Я знаю его. Разъ или два онъ обращался ко мнѣ за совѣтомъ,—но ушелъ не удовлетворенный. Наши задачи не сходятся. Онъ ищетъ только новой пищи для своего воображенія, а у меня совсѣмъ нѣтъ фантазіи. Я вскрываю ножемъ логики старыя заблужденія,—и мнѣ забавно видѣть, какъ встарину люди сознательно отворачивались отъ истины изъ раболѣпнаго преклоненія передъ глупостью толпы или даже просто изъ грошевыхъ выгодъ. Все цѣнное они закрыли такимъ грязнымъ слоемъ обмана и фальши, что это цѣнное теперь очень трудно добыть.

Абела пристально посмотрѣла въ его зеленоватые глаза.

— Ты говоришь, что любишь свою работу. А мнѣ кажется, что ты ничего не можешь любить. Твое сердце слишкомъ холодно, потому-что ты смѣешься надъ тѣмъ, что стоило потоковъ крови.

— О, конечно, ты предпочтешь Кредо. Но вѣдь онъ такъ мало знаетъ и слишкомъ полагается на свой талантъ.

— Можетъ быть. Но то, что онъ даетъ намъ, должно быть, красивѣе твоихъ сухихъ построеній. Для меня довольно и этого.

Висъ ушелъ, а Абела долго еще смотрѣла ему вслѣдъ, на его сгорбленную спину и большую голову на слабой шеѣ.

— Конечно, онъ ничего не любитъ,—и даже себя самого. Иначе онъ не былъ бы такимъ уродливымъ.

36.

Коро и его подруга чувствовали себя хорошо среди своихъ старыхъ друзей, отъ которыхъ имъ не нужно было скрывать никакихъ помысловъ, но самыя счастливыя минуты они переживали наединѣ. По крайней мѣрѣ, счастливъ былъ Коро. А подруга привѣтливо и радостно принимала его ласки, и любила слушать, когда онъ говорилъ ей о своей любви, о своихъ мечтахъ и замыслахъ. Но всегда она оставалась спокойной, очень спокойной,—и видно было, что она не забываетъ ни на минуту о томъ, что есть другая жизнь и другія радости, кромѣ радостей любви.

— Я такъ долго ждалъ нашего счастья,—говорилъ Коро,—теперь я достигъ его и, пока не поблекли эти первые часы, я не хочу думать ни о чемъ другомъ, кромѣ любви. Ты всегда была слишкомъ терпѣлива. А теперь ты не отдаешь мнѣ себя всю такъ, какъ я отдаюсь тебѣ.

— Но вѣдь я люблю тебя, какъ могу и какъ умѣю.

— Да, правда. Въ твоихъ словахъ, въ твоемъ взглядѣ въ твоихъ движеніяхъ—во всемъ я вижу любовь. Но зачѣмъ ты любишь не такъ, какъ я?

Тогда Лія становилась грустной и отвѣчала:

— Не знаю. Но можетъ быть, я люблю тебя сильнѣе, чѣмъ ты думаешь.

Море ласкало ихъ и лѣсные цвѣты улыбались имъ, такіе понятливые въ дѣлахъ любви.

Иногда они исчезали съ побережья надолго, на цѣлые дни. Проводили время въ лѣсу, какъ первобытные люди, и древнее божество жизни, которое живетъ въ лѣсной чаще, оберегало ихъ счастье.

Удовлетворенная любовь принесла Коро новыя меч-

ты и новые замыслы,—смѣлые и никѣмъ не воплощенные. И когда художникъ разсказывалъ о томъ, что воскресало въ его творческомъ духѣ,—Лія слушала его съ напряженнымъ вниманіемъ и любила эти минуты, минуты совмѣстнаго творчества, больше, чѣмъ минуты поцѣлуевъ и объятій.

— Ты вдохнула въ меня новую вѣру!—говорилъ Коро.—И теперь я чувствую достижимымъ и возможнымъ то, что раньше мнѣ казалось недосягаемымъ. Я чувствую, что создамъ еще нѣчто, передъ чѣмъ поблѣднѣетъ Весна. И попрежнему ты, только ты, будешь моей руководительницей. А теперь—забудемъ это. Сама жизнь пока еще слишкомъ хороша, чтобы думать объ искусствѣ.

— Не пора ли вернуться домой?

— Если ты хочешь...

И она оставалась. Она ничемъ не хотѣла огорчать своего любимаго.

Если они не возвращались слишкомъ долго, Абела начинала скучать и сердиться. Она любила своего скульптора глубоко и преданно, но первый пылъ ихъ взаимной страсти давно уже миновалъ и теперь, въ пору отдыха, безъ привычной работы, ей недостаточно было общества одного Акро. Онъ видѣлъ это и не чувствовалъ себя обиженнымъ, и даже слегка подсмѣивался надъ своей веселой подругой. Тогда она сердилась еще сильнѣе.

— Конечно, я не могу по цѣлымъ часамъ лежать на пескѣ, закрывъ глаза и не двигаясь, какъ это дѣлаешь ты. Ты—старый лѣнтяй. Можетъ быть, ты навсегда хочешь остатся на этомъ островѣ, вмѣстѣ съ Висомъ. Въ такомъ случаѣ, онъ будетъ твоимъ достойнымъ товарищемъ.

— Ты лжешь, маленькая Абела. Мнѣ не нравится

его философія. Но я люблю, когда ты немножко сердишься. Тогда у тебя такъ славно блестятъ глаза и раздуваются ноздри. Это красиво.

— Хорошо. Ты уже совсѣмъ не любишь меня.

— Маленькій другъ мой, иди ко мнѣ.

И когда она приходила къ нему, онъ говорилъ ей:

— Маленькій другъ мой, въ тебѣ живутъ всѣ злые инстинкты первобытной женщины. Но не отказывайся отъ нихъ, если не хочешь потерять всю свою прелесть.

— Я не знаю, каковы были женщины раньше. И я ни отъ чего не хочу отказываться.

А потомъ возвращались влюбленные, и она смотрѣла на ихъ юное счастье безъ зависти и огорченія. Конечно, Коро, быть можетъ, лучше скульптора уже по одному тому, что его любитъ такая женщина, какъ Лія. Но она никогда не промѣняла бы его на своего друга, человѣка съ высокимъ лбомъ и медлительными мыслями.

— Въ ихъ счастьѣ, такомъ полномъ и свѣтломъ, есть что-то загадочное, и это загадочное лежитъ на немъ, какъ темная тѣнь.

Это она сказала Акро. Тотъ закрылъ глаза и растянулся поудобнѣе на тепломъ, мягкомъ пескѣ. Потомъ отвѣтилъ, подумавъ:

— Во всякомъ случаѣ, Коро дастъ намъ теперь много новаго. И если даже его счастье кратковременно,—оно можетъ принести больше, чѣмъ цѣлая человѣческая жизнь.

37.

Висъ пришелъ одинъ, безъ своего молчаливаго спутника.

Отвѣтилъ на вопросъ Абелы:

— Онъ уѣхалъ сегодня утромъ и сказалъ, что не вернется. Это значитъ, что я увижу его снова не позже будущей весны.

— Когда я смотрѣла на него, мнѣ казалось, что онъ пережилъ большое горе.

— Не думаю. Я знаю хорошо всю его жизнь,—и повѣрь, что въ ней не было ничего, тяжелѣе обыденныхъ мелкихъ огорченій. Онъ просто безполезный человѣкъ, который только беретъ все у другихъ и ничего не создаетъ самъ. Онъ пробовалъ нѣсколько разъ работать у насъ на фабрикѣ, но даже и изъ этого ничего не вышло. Онъ только портилъ матеріалъ и отнималъ время у мастеровъ. Теперь онъ заберется куда-нибудь на край свѣта, будетъ смотрѣть, какъ живутъ другіе люди и вернется обратно попрежнему никуда не пригоднымъ.

— Ты странно цѣнишь людей. Какъ будто мы не можемъ допустить эту маленькую роскошь: дать возможность жить также и тѣмъ людямъ, которые ничего не хотятъ дѣлать!

— Это глубокая ошибка. Человѣчество имѣетъ право быть щедрымъ, но оно не имѣетъ права быть расточительнымъ. Достаточно того, что мы отдаемъ такъ много труда и времени на безполезное въ своей сущности служеніе красотѣ: на дворцы, сады, картины и статуи, на торжества и праздники.

— Ну да, ты готовъ признать и насъ, художниковъ безполезными тунеядцами, хотя мы работаемъ не меньше твоего. Вотъ, смотри еще: сдѣланное тобой платье уже изнашивается и я скоро перестану его носить, а наши дворцы и статуи проживутъ много столѣтій.

— Пусть такъ. Живи же въ своихъ дворцахъ и не носи моихъ одеждъ.

Абела покачала головой.

— Перваго человѣка я вижу такого, какъ ты. Дол-

жно быть, твоя старая философія такъ изсушила твое сердце... Мы, художники, не можемъ гордиться тѣмъ, что по слѣпому случаю дала намъ природа. И вѣдь всякая работа—творчество, а разница только въ степени. Мы часто создаемъ общими усиліями какое-нибудь одно произведеніе,—и тогда никто не знаетъ, гдѣ кончается трудъ одного и гдѣ начинается трудъ другого. И то, что мы сдѣлали, мы отдаемъ всѣмъ, и наши праздники—праздники человѣчества. А ты стоишь въ сторонѣ и такъ много злобы въ твоихъ глазахъ.

— Ты права. Во многомъ я хотѣлъ бы вернуться къ прежнему. Это суровое прежнее выковало на своей наковальнѣ сильныхъ и смѣлыхъ, которые, въ конечномъ счетѣ, и дали намъ все то, что мы теперь имѣемъ.

— Я слышала, какъ то же самое говорили другіе. Но у нихъ не было ненависти, какъ у тебя. Они только радовались, что минувшее—минуло.

— А я хотѣлъ бы, чтобы оно вернулось.

— Ты—одинъ.

— Да. И я не найду себѣ послѣдователей. Я могу гордиться этимъ.

38.

Его не любили—но онъ приходилъ. Замкнутый въ самомъ себѣ и одинокій, онъ относился равнодушно къ окружавшей его холодности, а его маленькіе глаза всегда смотрѣли зорко и угрюмо.

Повидимому, его очень интересовала любовь Коро. Иногда художникъ неожиданно встрѣчалъ его въ лѣсной чащѣ, куда уходилъ вмѣстѣ съ Ліей. И тогда Висъ исчезалъ такъ же внезапно, какъ появлялся, и только его сгорбленная темная спина нѣсколько мгновеній мелькала сквозь зеленыя вѣтви.

— Зачѣмъ онъ былъ здѣсь?—тревожно спрашивала Лія.—Онъ всюду слѣдитъ за нами. И даже, когда его не видно нигдѣ по близости, я чувствую на себѣ взглядъ его глазъ.

— Я скажу ему, чтобы онъ не приходилъ больше.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вѣдь я не боюсь его. И, можетъ быть, онъ даже совсѣмъ не злой человѣкъ. Онъ просто одинокъ и несчастенъ. Не говори ему ничего, прошу тебя.

И всетаки, послѣ такихъ встрѣчъ они раньше обыкновеннаго возвращались домой, потому что не хотѣлось говорить словъ любви послѣ внезапной близости этого человѣка.

— Что случилось съ вами?—спрашивала Абела, отъ которой не могла укрыться даже и самая слабая тѣнь недовольства, лежавшая на лицѣ Коро.

Но художникъ не любилъ разсказывать объ этомъ.

— Пустяки... Мы слишкомъ далеко забрались въ лѣсную глушь и немножко утомились. Ничего особеннаго.

Лія отвѣчала опредѣленнѣе.

— Мы встрѣтили Виса, а ты знаешь, что Коро его не любитъ.

— Какъ странно!—пожимала плечами Абела.—Мнѣ кажется, что Висъ—именно изъ тѣхъ людей, къ которымъ нельзя испытывать ни любви, ни ненависти. Но онъ непріятенъ, это правда. Онъ можетъ испортить нашъ отдыхъ и наше уединеніе.

Однажды онъ пришелъ поздно вечеромъ, когда заря уже погасла и круглый заливъ потемнѣлъ, какъ старый бронзовый щитъ. Только самая вершина снѣжной горы еще свѣтлѣла и ея льды казались теперь пропитанными кровью. И что-то мрачное было въ примолкнувшемъ лѣсу, и тяжело опускались къ землѣ черно-зеленыя вѣтви. Сухая вѣтка треснула подъ ногами Виса и четверо, сидѣвшіе вмѣстѣ, вздрогнули.

— Хорошій вечеръ!—сказалъ пришедшій.—На горѣ—кровь, а берегъ не похожъ уже больше на цвѣточную корзину. Хорошій вечеръ.

Никто не отвѣтилъ ему, но онъ, какъ будто, и не ждалъ отвѣта. Сѣлъ немного поодаль, такъ что не видно было его сумрачнаго лица, скрытаго вечерней тѣнью.

— Когда солнце свѣтитъ ярко, когда поютъ птицы и распускаются цвѣты, и вода въ заливѣ становится изумрудомъ, оправленнымъ въ жемчугъ,—тогда жизнь представляется мнѣ старой обманщицей, которая выглядитъ значительно лучше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Тогда хочется, иной разъ, вѣрить вашимъ мечтамъ и сказкамъ о счастьѣ. Тогда у всѣхъ такія довольныя лица,—а нѣтъ ничего хуже довольнаго человѣка, потому что онъ до глупости добръ и снисходителенъ съ другимъ и къ самому себѣ. Гнѣвъ умнѣе смѣха. Прежде это знали хорошо, а теперь хотятъ забыть. Прежде считалось болѣе доблестнымъ бороться и побѣждать, а не сидѣть въ цвѣточной корзинѣ и наслаждаться счастьемъ.

— Тогда нужно было бороться, чтобы искоренить зло!—сказала Абела, сказала затѣмъ только, чтобы прервать скрипучій звукъ его голоса.—И то зло, которое существовало тогда—уничтожено. Намъ не зачѣмъ бороться съ людьми и ненавидѣть ихъ. А та борьба, которая намъ осталась, — борьба съ природой — веселая борьба. Ей не мѣшаетъ смѣхъ. Мнѣ жаль тебя, Висъ. Ты живешь только затѣмъ, чтобы думать и говорить такія скучныя и нелѣпыя вещи.

— Которыя мѣшаютъ вамъ спокойно дышать? Стало быть, онѣ не такъ ужъ нелѣпы. Глядя на васъ, можно подумать, что вы тоже не прочь были бы остаться здѣсь, на островѣ, на всю жизнь,—особенно тѣ двое, которые такъ любятъ уединенныя прогулки.

— Ты имъ завидуешь, Висъ. Правда, ты самъ не способенъ пережить ничего подобнаго.

— Я завидовалъ бы, если бы и для меня самого жизнь была только цвѣточной корзиной. Но я знаю, что за радостью слишкомъ быстро приходитъ горе, а за смѣхомъ—слезы.

Коро быстро поднялъ голову.

— Что ты хочешь сказать этимъ?

— Только то, что сказано. И повѣрь мнѣ, что твоя подруга будетъ плакать еще раньше тебя, такъ какъ она скорѣе пойметъ, въ чемъ дѣло. Вы, художники, находите жизнь такъ прекрасно устроенной и, въ своихъ стараніяхъ украсить ее еще больше, намѣренно закрываете глаза на многое, что слишкомъ очевидно. А я достаточно присматривался къ вамъ. У васъ—у тебя и у твоей подруги—не хватаетъ кое-чего для прочности вашего союза. И вы слишкомъ сильно любите другъ друга, чтобы разойтись такъ, какъ это обыкновенно дѣлается: безъ лишнихъ страданій.

Абела съ тревогой посмотрѣла на Коро, потомъ перевела глаза вверхъ, туда гдѣ еще алѣла, высоко въ небѣ, свѣтлая точка.

— Смотрите,—послѣдній лучъ!—Вотъ, если бы здѣсь былъ Виланъ... Онъ извлекъ бы отсюда кое что для работы. Такого маяка ему никогда не создать.

Но Коро не слышалъ ея словъ, а всѣ остальные совсѣмъ безучастно взглянули на эту послѣднюю искру умершаго дня.

— Висъ,—сказалъ Коро и съ трудомъ перевелъ дыханіе.—Ты пришелъ къ намъ, никому невѣдомый, и мы хотѣли принять тебя, какъ друга. Но ты вторгаешься въ нашу жизнь непрошенный, какъ болѣзнь и смерть, ты насъ ненавидишь, и стараешься, для своего развлеченія, читать въ нашихъ душахъ, которыя открыты

не для тебя. Ты мѣшаешь намъ. И я попрошу тебя: уйди и не приходи никогда больше.

Висъ ушелъ. Опять хрустнула вѣтка подъ его тяжелой поступью, темнота лѣса скрыла его быстро и жадно. Долго молчали, а потомъ Коро засмѣялся нервно и злобно.

— Однако, онъ плохой пророкъ. Какъ ты думаешь, Лія?

Она отвѣтила не спѣша и очень задумчиво, какъ въ полуснѣ:

— Не знаю.

Должно быть, не этого отвѣта ждалъ Коро. Онъ опустилъ голову на руки и сидѣлъ такъ, а его товарищи молчали, потому что поздній вечеръ былъ теменъ и навѣвалъ думы. И казалось еще, что Висъ не ушелъ, а притаился по близости, неизбѣжный и злобный, какъ конецъ всего живого.

Лія погладила художника по головѣ, — ласково и нѣжно, какъ мать.

— Спасибо тебѣ!—проговорилъ онъ.—Ты такъ добра.

Коро ушелъ со своей подругой, Абела и Акро остались вдвоемъ. Темнота сгустилась и тѣни сдѣлались бархатными, ложились повсюду тяжелыми неблестящими складками. Даль залива исчезла и исчезли горы, а лѣсъ совсѣмъ слился съ темнотой, былъ такъ же тяжелъ и такъ же неосязаемъ, какъ ночной мракъ. Медлительныя тучи безъ вѣтра заволокли небо.

Акро выпрямился, нѣсколько разъ согнулъ въ локтяхъ руки и опять вытянулъ ихъ. Привычные къ труду мускулы начинали уже томиться бездѣйствіемъ и непріятно ныли.

— Что ты думаешь обо всемъ этомъ — негромко спросила Абела.

— О тѣхъ двухъ?

— Да, конечно.

— Висъ—противный человѣкъ и напрасно бранитъ жизнь, которая повернулась къ нему спиной по его собственной винѣ, но въ томъ, что онъ говорилъ, есть доля правды.

— Но, вѣдь, это очень дурно, Акро.

— Правда иногда бываетъ хуже лжи. Иначе ложь вообще потеряла бы всякій смыслъ. А что думаешь ты сама?

— Видишь ли... Лія... это хорошая женщина. Слишкомъ хорошая. Она всегда ровна и спокойна. Она слишкомъ одинаковая, понимаешь ли ты это? И поэтому, мнѣ кажется... поэтому... Разумѣется, Висъ лжетъ и клевещетъ, и я хотѣла-бы, чтобы онъ, дѣйствительно, оказался плохимъ пророкомъ. Ты знаешь, какъ я люблю нашего Коро. И кромѣ того, онъ дорогъ мнѣ, да и всѣмъ намъ, какъ художникъ, какъ великій художникъ, жизнь котораго въ тысячи разъ драгоцѣннѣе жизни обыкновеннаго человѣка. Поэтому я слѣжу за нимъ съ такимъ страхомъ и съ тревогой. Женщина, которая любитъ его, беретъ на себя большую отвѣтственность. Эту отвѣтственность она должна оправдать. Сможетъ ли сдѣлать это Лія? Сможетъ ли она наполнить собою всю его личную жизнь и, въ то же время, быть его товарищемъ, его вдохновителемъ? Этого я не знаю. И вотъ, я боюсь,—не того конечно, что за нѣсколько мгновеній счастья они заплатятъ слишкомъ дорого. Развѣ есть такая цѣна, которою можно оплатить счастье? Нѣтъ, я боюсь, что мы потеряемъ Коро.

— Его талантъ не долженъ погибнуть. Что я буду дѣлать безъ него?

— И ты, и многіе. И всѣ тѣ, которые хотятъ красоты и радости. Вѣдь все творчество Коро—воплощеніе кросоты и радости жизни. Погаси эту радость въ его

свѣтлой душѣ—и что останется отъ его дарованія? Одна только смерть. Ему нужны солнечные лучи и буйное веселье, ему нуженъ несмолкающій смѣхъ. А Лія—не солнце. Она кротка и тиха, и такъ же молчалива, какъ луна. Она прекрасна душой и тѣломъ, — но, можетъ быть... можетъ быть, она слишкомъ прекрасна. Она мраморъ, а не огонь.

— Можетъ быть, было бы лучше, если бы онъ полюбилъ тебя, а не Лію!—простодушно сказалъ Акро, и согнулъ правую руку, ощупывая лѣвой напряженные мускулы.—Ты ведешь себя иногда слишкомъ уже безпокойно, моя маленькая пчела. Хотя я не представляю себѣ, что я сталъ бы дѣлать безъ тебя.

Абела обвила руками его шею, прижалась къ нему всѣмъ гибкимъ тѣломъ. Была такая маленькая по сравненію со своимъ любимымъ; онъ бережно приподнялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни.

— Потому что ты слишкомъ необходимъ мнѣ, мой глупый Акро. А затѣмъ—вѣдь онъ самъ-то не любитъ меня и никогда не полюбитъ. И это хорошо, потому-что я хочу принадлежать только тебѣ одному.

Онъ понесъ ее въ домъ и по дорогѣ крѣпко и страстно поцѣловалъ въ полуоткрытыя, улыбающіяся губы.

— Такая мрачная ночь сегодня!—сказала она, возвращая ему поцѣлуй.—Мрачная и злая.

— Но мы сдѣлаемъ ее радостной. Развѣ мы не хозяева своей жизни.

Ползли медленныя, безвѣтренныя тучи; черенъ и холоденъ былъ потерявшійся во мракѣ заливъ. Тучи опустились до половины горы и по глубокимъ ущельямъ сползали туманными прядями еще ниже, къ самому лѣсу. Молчалъ лѣсъ.

А тѣмъ—двоимъ—было свѣтло и радостно, и прерывисто звучалъ страстный смѣхъ маленькой Абелы.

40.

Всѣ тѣ же были горы, и тотъ же лѣсъ, и то же зеленое море съ жемчужной пѣной,—но пришли уже къ четверымъ новыя мысли и новыя желанія. Казался слишкомъ соннымъ и безмятежнымъ круглый заливъ; слишкомъ пышно расцвѣтали лѣсные цвѣты; слишкомъ чиста была вершина снѣжной горы. Уже начинали томиться отдыхомъ, потому что онъ готовъ былъ перейти за грань, похожую на вынужденное бездѣйствіе. Слишкомъ одинаково проходили дни,—вечера сегодня и завтра.

Отправились въ горы. Привычными тропинками миновали благоуханную роскошь лѣса. Скудный, мшистый сѣверъ съ пятнами пестраго лишайника вмѣсто цвѣтовъ смѣнилъ пышное разнообразіе берега. Поднялись такъ высоко, что вѣяло уже зимнимъ холодомъ отъ далекой вершины. И зеленое море покоилось внизу, безбережное, какъ человѣческая душа.

Кое-гдѣ, въ защищенныхъ отъ суроваго вѣтра уголкахъ, росли еще приземистыя, широковѣтвенныя сосны. Деревья-карлики, со старческой, морщинистой и потрескавшейся корой. Взглянули на нихъ—и первый вспомнилъ Акро:

— Дымный костеръ на полянѣ—и задумчивое молчаніе. Помните ли вы лѣсъ Кредо?

— Я хотѣлъ бы быть тамъ!——сказалъ Акро.—Недолго,—не дольше, чѣмъ мы пробыли тамъ тогда, передъ смертью Гала. Я отдохнулъ. Голова проситъ мыслей, руки—работы. Мнѣ нуженъ послушный камень, нужна идея, достойная воплощенія.

Рѣшили всѣ,—также и Лія, которая почти не знала Кредо:

— Такъ и будетъ.

Она желала того, чего желалъ Коро. Но ей жаль было покидать этотъ заливъ, всѣ эти тихіе уголки, гдѣ расцвѣла наслажденіемъ ея любовь. И когда она смотрѣла вдаль, за море, въ ея взглядѣ, какъ будто, рождалась тревога. Коро сказалъ ей:

— Дни любви дали мнѣ многое, чего раньше не постигало мое чувство, но мы только любили—а теперь пора жить.

— Да, пора жить. Ты правъ.

Арко былъ сегодня очень веселъ и разговорчивъ.

— Вы знаете, Кредо теперь не одинъ въ своемъ лѣсу. Съ нимъ Мара.

— Кто сказалъ тебѣ это?

— Я знаю. Но я думаю, что это—ненадолго. Развѣ можетъ Мара жить безъ людей? Даже если бы Кредо воплощалъ въ себѣ тысячу существованій—этого было бы мало для Мары. Она передѣлаетъ его по своему.

— Если мы отправимся теперь же, то еще застанемъ ихъ тамъ. И мы проведемъ хорошій вечеръ.

— Вѣроятно. Пусть это будетъ нашимъ послѣднимъ этапомъ,—передъ новымъ трудомъ. Вѣдь насъ давно уже зовутъ южане,—и работа, которую они намъ предлагаютъ, мнѣ нравится.

— Да, это будетъ опять кое-что новое.

Въ полдень они спустились къ берегу, простились со своимъ пріютомъ. Лія вспомнила о Висѣ.

— Ты слишкомъ жестоко обошелся съ нимъ, Кредо. И теперь онъ не придетъ, чтобы повидаться съ нами въ послѣдній разъ.

— Пусть такъ. Я хотѣлъ бы забыть его слова такъ же скоро, какъ забуду его самого. Но мнѣ кажется временами, что онъ еще встанетъ когда-нибудь на нашей дорогѣ.

Подъ вечеръ, когда солнцѣ было еще довольно высоко, они отправились въ путь. Ихъ пріютъ опус-

тѣлъ, а зеленый заливъ попрежнему одѣвался жемчужной пѣной, и попрежнему расцвѣтали пышные цвѣты,—расцвѣтали для самихъ себя, потому что ни одинъ человѣческій глазъ не наслаждался теперь ихъ минутной жизнью. Цвѣли, какъ въ прежнія времена, отдавая красивой смерти избытокъ своихъ силъ. И только выброшенныя прибоемъ морскія звѣзды—древнія чудовища моря—безпомощно погибали на влажномъ пескѣ, потому что не было больше заботливой руки, которая вернула бы ихъ въ зеленую родину.

По ту сторону острова работалъ Висъ, и мягкими складками ложились ткани, къ которымъ прикасался онъ своими искусными руками. Онъ считался лучшимъ работникомъ,—а вѣдь было еще здѣсь достаточно другихъ, искушенныхъ въ ремеслѣ. Они хвалили его работу. Но—думали нѣкоторые—если бы его не стало больше,—его пожалѣли бы, только какъ уродливую морскую звѣзду, погибшую на прибережномъ пескѣ.

41.

Послѣ ласковой нѣги юга сѣверъ казался слишкомъ холоднымъ, слишкомъ жестокимъ,—и мрачно чернѣли сосны, отражаясь въ неподвижной водѣ.

Еще издалека Коро разглядѣлъ знакомую поляну. Всѣ четверо пошли туда по мягкой, мшистой почвѣ. Скользили, какъ тѣни, потому что шаги были почти неслышны. Только хрустѣли сухія вѣтки.

Посреди поляны нашли затвердѣвшую отъ дождей кучку сѣраго пепла,—слѣды того костра, который зажегъ Кредо наканунѣ смерти Гала. И ничего больше. Маленькій домикъ, пріютъ писателя, былъ пустъ.

— Кредо!—позвала Абела,—Кредо! Мы пришли къ тебѣ!

Никто не отвѣтилъ. Только эхо чуть слышно отозвалось изъ глубины лѣса и вспорхнула въ кустахъ испуганная птица.

Вошли въ домикъ, увидѣли тамъ давнюю пыль и запустѣніе. На столѣ лежало небрежно брошенное покрывало, кусокъ темной, толстой матеріи. Абела взяла это покрывало, накинула его на плечи.

— Я знаю, что это такое. Это—одежда Мары. Она была здѣсь. И, конечно, ушла вмѣстѣ съ Кредо.

Въ голосѣ у нея слышалось что-то, похожее на легкую обиду. Ей было бы пріятнѣе, если бы писатель остался здѣсь. Они были такъ гармоничны,—сѣверный лѣсъ и Кредо. Лѣсъ давалъ Кредо новыя мечты, а писатель оживлялъ старыя сосны своими сказками. Такъ было при Галѣ,—и такъ должно было остаться.

Акро замѣтилъ ея недовольство и улыбнулся. Сказалъ примирительно, такъ какъ ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь огорчался въ этотъ день:

— Онъ избралъ благую часть. Смерть друга оставляетъ въ душѣ пустоту и эту пустоту слѣдуетъ возможно скорѣе заполнить. И потомъ—развѣ въ жизни нѣтъ ничего красивѣе сказокъ? Кредо былъ слишкомъ далекъ отъ жизни и, мнѣ кажется, это только вредило ему. Каменщица выведетъ его на просторъ изъ душнаго подземелья.

— Онъ слишкомъ легко утѣшается и... забываетъ!—не хотѣла сдаваться Абела.—Это мнѣ не нравится, потому что похоже на ложь.

И она одна ушла въ лѣсъ, побродить въ тѣни мохнатыхъ вѣтвей, а трое остались въ домикѣ.

— Пробудемъ здѣсь до завтра!—предложилъ кто-то.—А потомъ мы можемъ отправиться на поиски.

Никто не возражалъ. Должно быть, всѣ утомились послѣ длиннаго пути,—и такъ хорошо было здѣсь, въ сѣверной тишинѣ, развѣять эту усталость.

Акро ушелъ вслѣдъ за Абелой. Коро присѣлъ на берегу, у самой воды, и мялъ въ рукахъ кусокъ сѣрой, пластичной глины, которую отломилъ отъ илистаго берега. Подъ привычными пальцами создавалось что-то, облеченное въ форму, грубое тѣло получеловѣка, полузвѣря. Лія сидѣла рядомъ, внимательно слѣдила за работой художника.

Странное существо, рожденное изъ сѣрой глины, опредѣлялось все яснѣе, и выпуклѣе выдѣлялись уродливые члены, какъ бы сведенные судорогой, съ круглыми стяженіями мышцъ. Низколобая голова глубоко пряталась въ горбатыя плечи и вздувался отвислый животъ надъ волосатыми бедрами.

— Что это такое?—спросила Лія и гримаса отвращенія пробѣжала по ея лицу.

— Не знаю... Это сдѣлалось какъ-то само собою, почти помимо моей воли. Съ нѣкотораго времени меня часто преслѣдуютъ какіе-то уродливые образы, какъ будто выползли на свѣтъ самые мрачные потемки моей души. Вотъ это—скотское—гнѣздится въ каждомъ человѣкѣ, и мнѣ доставляетъ удовольствіе обнажать тайное.

— Я не замѣчала этого прежде. Ты любилъ только красивое и искалъ вездѣ красоту, а не безобразіе. Вѣдь это существо омерзительно.

И она еще внимательнѣе посмотрѣла на сѣрую статуэтку, нагло улыбавшуюся влажнымъ лицомъ. То, что не было еще додѣлано, какъ-то уже подсказывалось само собою. И уродливое существо было сдѣлано такъ же талантливо, какъ все, что выходило изъ рукъ Коро. Но, благодаря этому, оно выглядѣло еще омерзительнѣе. Каждая черта, каждая складка дряблаго, вздутаго

тѣла, наполовину покрытаго скатавшейся шкурой, похожей на чудовищную шелудивую чешую, были отрицаніемъ прекраснаго, гнусной насмѣшкой надъ украшающимъ жизнь искусствомъ. И сводившая члены судорога была, въ одно и тоже время, гримасой сладострастія и ненависти.

Лія прошептала быстро, почти задыхаясь отъ волненія:

— Разбей это! Мнѣ кажется, что ты осквернилъ свои руки... Разбей сейчасъ же и никогда больше не дѣлай ничего подобнаго.

Коро поднялъ уже руку, чтобы бросить въ воду свое маленькое чудовище, но остановился и посмотрѣлъ съ сожалѣніемъ.

— Мнѣ кажется, что это вышло довольно удачно. Вѣдь этотъ бѣдный уродецъ, разъ уже онъ родился, тоже имѣетъ право на жизнь.

— Я прошу тебя, мой любимый.

— Хорошо.

Кусокъ сѣрой глины тяжело упалъ въ воду и, погружаясь, влажное лицо успѣло еще разъ усмѣхнуться нагло и презрительно. По поверхности озера разошлись широкіе круги, разбѣгаясь отъ того мѣста, куда погрузилась статуэтка. Тогда художникъ почувствовалъ жалость и досаду и сказалъ грубо, стараясь не смотрѣть на свою подругу.

— Я не ожидалъ, что ты будешь предъявлять ко мнѣ когда-нибудь такія требованія. Я надѣялся, что буду попрежнему свободенъ въ своемъ творчествѣ.

— Прости меня... Я не могла поступить иначе. Пусть другіе всюду разыскиваютъ зло и наслаждаются имъ. А ты оставайся такимъ, какимъ былъ до сихъ поръ: чистымъ и свѣтлымъ и вдохновленнымъ радостью. Зачѣмъ тебѣ такіе гнусные образы? И почему ты раньше не нуждался въ нихъ?

— Но вѣдь я уже сказалъ тебѣ. Это—потемки моего духа. Можетъ быть, мы слишкомъ долго отдыхали тамъ, на островѣ, среди лазурнаго моря. Тамъ было достаточно времени, чтобы изучить себя самого. Тамъ, среди красоты, я нашелъ это уродство... Но дѣло не въ этомъ. Вотъ, я только что родилъ его, уродливаго, вызвалъ на свѣтъ изъ самаго темнаго уголка моей души. Онъ родился и имѣлъ право на жизнь,—а ты убила его. Не дѣлай меня убійцей, прошу тебя, Лія. Вѣдь онъ, все равно, остался со мною,—призракъ тьмы. Онъ тревожитъ меня. Зачѣмъ ты убила его?

Темно было на берегу, и медленные круги все еще разбѣгались надъ черной водой. Казалось,—онъ, внезапно рожденный и внезапно погибшій, смотритъ оттуда, изъ черной глубины, и кривитъ въ улыбку плоское, скуластое лицо.

42.

Свѣтъ, океанъ свѣта, ослѣпительное сіяніе, играющее всѣми красками, какія только создала природа. Это не лучи солнца, знойные и страстные, которые волнуютъ и обжигаютъ; и это не трепетное сіяніе порабощенной властительницы ночи; и это не искусство творца-человѣка, столь же прихотливое, какъ его изощренная мечта.

Снѣгъ и ледъ, снѣгъ и ледъ, и холодная, мертвая вода въ глубокихъ ледяныхъ трещинахъ. Но даже до глубины этихъ трещинъ достигаетъ радужное сіяніе, оживляетъ мертвую воду. Сіяніе преломляется въ ледяныхъ стѣнахъ, дробится милліонами искръ въ безконечной пеленѣ снѣга, исчерченнаго свѣжими слѣдами. Въ посвѣтлѣвшемъ ночномъ небѣ разверзлись ворота, за

которыми съ начала міра замкнулась тайна побѣжденной ночи. Свѣтъ спускается пеленой, развертывается и свертывается въ живыхъ, многообразныхъ складкахъ. Захватываетъ половину неба—и вотъ, кажется, уже изнемогъ и гаснетъ, покрывается невидимымъ пепломъ. Но вспыхиваетъ новое пламя и еще новыя краски находятся для полуночной игры.

Снѣгъ кажется иногда зеленымъ и холоднымъ, иногда багряно-краснымъ и потому теплымъ, какъ кровь. Огнистыя змѣйки бѣгаютъ по льду, любовно замираютъ, прижимаясь къ его скользкой груди, и бѣгутъ дальше, пламенныя, но не палящія, вѣчно воскресающія и вѣчно гаснущія.

Изъ снѣга и льда поднимаются высоко черные скалистые уступы, настолько крутые, что снѣгъ не можетъ держаться на нихъ, и ихъ черное, зазубренное тѣло всегда обнажено. Жестокій морозъ изрѣзалъ ихъ сѣтью трещинъ, но скалы все еще такъ же крѣпки, какъ въ тѣ дни, когда онѣ только что вышли изъ жаркихъ земныхъ нѣдръ.

— О, Астрея, какъ это прекрасно!.. Но гдѣ же ты, Астрея?

Виланъ оглядывается и вспоминаетъ, что онъ здѣсь наединѣ съ товарищами—строителями маяка—и, что Астреи еще нѣтъ. Но она сказала, разставаясь, что вернется скоро.

— Почему тебя нѣтъ здѣсь, Астрея? Я разсказалъ бы тебѣ, какъ это прекрасно.

Онъ смотритъ на сѣверное сіяніе, которое сдѣлало ему такую торжественную встрѣчу на далекомъ сѣверѣ,—ему, творцу свѣта. И онъ, жадно всматриваясь, запоминаетъ, что онъ можетъ похитить изъ этого богатства, которое такъ расточительно разбрасывается по безлюдной пустынѣ.

За его спиной, на черныхъ утесахъ, уже началась работа. Тамъ уже гудятъ машины, и черные пласты камня послушно отдѣляются, какъ куски хлѣба подъ острымъ ножемъ булочника. Тамъ, на вершинѣ, слитые воедино съ матерью скалой, они сложатся въ башню, свѣтъ которой будетъ спорить даже съ этимъ дивнымъ сіяніемъ ночи. Среди этихъ пустынь башня будетъ указывать людямъ правильный, ближайшій, безопасный путь сквозь облака, снѣга и туманы,—и не погаснетъ до того часа, когда скованная вѣчнымъ холодомъ, погаснетъ послѣдняя мысль послѣдняго человѣка. Но это еще такъ не скоро случится,—и такъ много дней, прекрасныхъ дней жизни, суждено этому новому свѣточу.

— Астрея, гдѣ-ты? Зачѣмъ ты ушла?.. Я хочу видѣть теперь же. Ты дала мнѣ еще новое познаніе,—еще новую красоту. Я хочу видѣть тебя.

Виланъ нетерпѣливо ходитъ взадъ и впередъ у подножія черной скалы и морозный снѣгъ хруститъ у него подъ ногами. Онъ такъ давно уже не бывалъ на дальнемъ сѣверѣ,—и отвыкъ отъ этого свѣжаго мороза который щиплетъ щеки, отъ этой загадочной природы, которая такъ непохожа на все земное. Хочется подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими новыми мыслями, новыми впечатлѣніями,—и никого нѣтъ. Тѣ, которые работаютъ на черной скалѣ,—тѣ не поймутъ. Они—славные, веселые и крѣпкіе люди. Они любятъ бороться съ препятствіями, которыя ставитъ имъ упрямая природа,—но они не поймутъ. Вотъ, если бы была здѣсь душа женственная и чуткая, отвѣчающая неяснымъ намекамъ, неопредѣлившимся стремленіямъ. Къ ней можно было бы подойти—и говорить.

По льдинамъ струится теперь чистое, искрящееся золото, какъ будто только что вышедшее изъ горна плавильщика. Это золотое сіяніе распадается на отдѣль-

ныя струи, которыя текутъ и переплетаются, и своей пышной волнистостью напоминаютъ что-то, отъ чего сердце Вилана тоскливо сжимается.

— Злая Формика, зачѣмъ ты разбросала здѣсь свои золотые волосы?

Уже не хочется больше смотрѣть и думать, и Виланъ медленно идетъ обратно къ черной скалѣ, отъ которой разносится по пустынѣ хлопотливый шумъ человѣческаго труда. Онъ вспоминаетъ, что послѣ этого волшебнаго блеска наступитъ ненавистная темнота,— долгая темнота безъ зорь и разсвѣта. И ему дѣлается скучно.

43.

Старый Павелъ давно уже поселился въ тихомъ горномъ уголкѣ, вдали отъ большихъ и шумныхъ скопленій домовъ, фабрикъ, колоссальныхъ общественныхъ сооруженій. Здѣсь никто не мѣшаетъ ему погружаться въ работу, которой онъ посвятилъ всю свою длинную жизнь, и его одиночество раздѣляютъ только ученики, которые живутъ вмѣстѣ съ нимъ на склонѣ горы. Но ученики смѣняются. Они приходятъ, берутъ то, что имъ нужно отъ сокровища знанія, и возвращаются внизъ, къ шуму и движенію.

Иные изъ нихъ схватываютъ все легко и быстро, другіе добиваются своей цѣли медленнымъ, упорнымъ трудомъ. Павелъ относится ко всѣмъ одинаково ровно и заботливо, и даже находитъ больше ласковыхъ словъ для тѣхъ, кто побѣждаетъ трудности упорной работой. Но въ его памяти отдѣльныя лица скоро изглаживаются. Слишкомъ длиненъ рядъ тѣхъ, кому онъ передалъ свои знанія. Только нѣкоторые—и немногіе—близки и дороги

его сердцу. И на склонѣ дней такъ полны значенія эти безкорыстныя привязанности.

Уже нѣсколько недѣль чего-то не хватаетъ старому учителю. Все идетъ своимъ чередомъ. Въ лабораторіяхъ склоняются надъ аппаратами пытливыя головы мужчинъ и женщинъ. Щелкаютъ счетныя машины. Съ утра до вечера всѣ дни проходятъ въ привычной работѣ, но чего-то не хватаетъ.

— Павелъ, помоги мнѣ. Я не знаю, что дѣлать дальше. Здѣсь какая-то ошибка.

Онъ быстро находитъ эту маленькую, незамѣтную ошибку и смѣется вмѣстѣ съ ученикомъ.

— Да, это было такъ просто. Я никогда не достигну твоего уровня знаній, Павелъ. У меня, должно быть, не такъ хорошо устроена голова.

Но Павелъ одобряетъ сомнѣвающихся, помогаетъ, исправляетъ и выводитъ на настоящую дорогу. Онъ умѣетъ сразу быть всюду и каждый ученикъ чувствуетъ на себѣ его внимательный взглядъ.

Лучи солнца косо падаютъ въ широкія окна. Вечерѣетъ. Часы труда кончились и ученики разсыпаются по окрестностямъ, горное эхо отзывается на ихъ свѣжіе голоса.

Павелъ идетъ въ свою комнату и, еще не открывъ двери, чувствуетъ, что тамъ кто-то ждетъ его. И знаетъ— кто. Смотритъ на Формику долгимъ взглядомъ, въ которомъ смѣшались нѣжная любовь и кроткій упрекъ.

— Я долго ждалъ тебя, Формика. И ничѣмъ не могъ заполнить ту пустоту, которая образовалась подлѣ меня послѣ твоего отъѣзда.

— Прости, учитель, но я такъ много пережила за эти дни,—и очень естественно, что я сбилась въ счетѣ времени. Зато теперь я пришла къ тебѣ, чтобы не уходить никуда больше.

Они сѣли рядомъ у открытаго окна, изъ котораго было видно уходившее вдаль ущелье. Формика взяла сухую, жилистую руку старика и слегка поглаживала ее своими горячими пальцами.

— Да... да... Здѣсь такъ хорошо. И я никуда не уйду. Я всегда буду съ тобою, мой учитель.

Павелъ не разспрашивалъ. Онъ хорошо зналъ, что, когда придетъ время, Формика разскажетъ все ему сама,—тогда онъ узнаетъ, можетъ быть, даже больше, чѣмъ нужно. Сейчасъ онъ сомнѣвался въ ея увѣреніяхъ, но не спорилъ. Онъ только возразилъ очень мягко, и слегка пожалъ кончики горячихъ пальцевъ.

— Жизнь длинна и ты успѣешь еще передумать, дитя мое. Но я не могу скрыть, что очень радъ твоему возвращенію. Твой рабочій столъ ждетъ тебя. Начатаго тобою я не передавалъ никому. Я все время надѣялся, что ты вернешься. Вѣдь я все еще мечтаю завѣщать тебѣ окончаніе моего главнаго изслѣдованія.

— Я вернулась. Я хочу работать. И теперь ты долженъ поручить мнѣ что-нибудь очень сложное, что-нибудь такое, что захватило бы меня цѣликомъ.

— Правда,—я надѣялся также, что твой смѣхъ будетъ еще громче, когда ты вернешься, и твои глаза будутъ ярче, чѣмъ сейчасъ.

— У меня было большое горе, учитель. Но теперь это уже миновало. Я побѣдила себя. Я буду весела и прилежна.

Она отвернулась и начала смотрѣть вдаль ущелья. И ей казалось, что тамъ, далеко, колеблется полупрозрачная дымка, скрывая и искажая очертанія лѣсовъ и зеленыхъ склоновъ.

— Должно быть, поднимается туманъ...

Павелъ посмотрѣлъ туда же.

— Я ничего не вижу. Воздухъ ясенъ, какъ всегда

Тогда она поняла, что этотъ туманъ — только въ ея глазахъ. И, чтобы поскорѣе сбросить съ себя гнетущую тяжесть, она разсказала Павлу, волнуясь и повторяясь, всю исторію ея отношеній къ Коро,—и легкимъ намекомъ промелькнулъ также въ этомъ разсказѣ образъ Вилана.

— Дитя мое, только старики, которые испытали уже все земное и пресытились жизнью, могутъ существовать безъ радостей любви. Но и у нихъ на смѣну любви приходятъ прочныя привязанности, и вмѣсто страстныхъ поцѣлуевъ молодости они нуждаются въ другой тихой ласкѣ. Ты должна будешь современемъ вернуться туда, внизъ. Когда остріе горя притупится, ты сама почувствуешь это.

— Это свыше моихъ силъ учитель. Когда я вижу ихъ счастье, въ мою душу закрадывается отвратительное, низкое чувство зависти,—и я противна самой себѣ. А когда я здѣсь, вдали отъ нихъ—моя любовь попрежнему чиста и ничѣмъ не запятнана. Я не разлюблю его. Я не могу отдаться никому больше. И потому я всегда буду жить здѣсь. Вѣдь ты не прогонишь меня?

— Меня самого скоро прогонитъ отсюда послѣдняя подруга—смерть. Вѣдь этого не такъ уже долго ждать. Еще на послѣднемъ праздникѣ весны я почувствовалъ, что уже усталъ,—и теперь внимательнѣе, чѣмъ прежде, слѣжу за работой своего мозга. Если я замѣчу въ немъ признаки притупленія—мнѣ нечего больше будетъ дѣлать среди учениковъ. Тогда милостивая смерть сама придетъ ко мнѣ, я твердо вѣрю въ это.

— Твой умъ слишкомъ свѣтелъ, чтобы угаснуть такъ рано. И я не хочу думать о томъ, что будетъ послѣ твоей смерти. Пока ты живъ — я съ тобою. И что касается моей любви... Ты правъ, говоря, что безъ любви нельзя жить. Но моя любовь всегда останется со мною. Я буду хранить ее глубоко и крѣпко.

44.

Въ сосновый лѣсъ на берегу озера пришло извѣстіе отъ Кредо. Онъ живъ и здоровъ. Онъ привѣтствуетъ своихъ друзей и сообщаетъ имъ, что они увидятъ его на югѣ,—тамъ, куда они направляются, чтобы приняться за новую работу.

Въ этомъ сообщеніи была какая-то недомолвка, на которую, правда, никто изъ мужчинъ не обратилъ вниманія. Спросила только пытливая Абела:

— А что онъ будетъ дѣлать тамъ, на новой постройкѣ? Когда онъ не занимается поэзіей, онъ работаетъ въ лѣсномъ дѣлѣ. Тамъ этого не нужно.

— Ну, просто ему хочется быть поближе къ намъ!— догадывался Акро. — Онъ не зналъ, что мы вздумаемъ навѣстить его здѣсь.

— Очень ему нуженъ ты, большой лобъ! Я знаю, что все это—дѣло рукъ Мары. Она заставила его такъ скоро забыть бѣднаго Гала. Она была здѣсь вмѣстѣ съ нимъ. Вѣдь я нашла ея толстый плащъ, который она всегда носитъ во время путешествій. Потомъ она отправилась на югъ, — заготовлять камень для нашихъ построекъ,—и Кредо отправился вмѣстѣ съ нею.

— Я думаю, что все устраивается очень хорошо!— сказалъ Коро.—Мара любитъ твердые камни и мягкихъ людей. А Кредо нуждается въ сильной рукѣ, которая вела бы его впередъ.

Акро очень мало занимала вся эта исторія. За послѣдніе дни онъ былъ всецѣло занятъ предстоящей работой,— и сейчасъ онъ набрасывалъ въ своемъ походномъ альбомѣ эскизъ какого-то скульптурнаго украшенія. Онъ разсѣянно кивнулъ головой, посмотрѣлъ на рисунокъ, прищуривъ глазъ, потомъ перевернулъ страницу и началъ снова.

— Одна мелочь никакъ не удается... Выходитъ довольно близко, но всетаки еще не совсѣмъ то, что мнѣ нужно. Взгляни сюда, Коро. Ты помнишь, — по общему плану дома, въ вестибюлѣ необходимы вотъ эти прикрытія для потолочныхъ балокъ...

И они оба погрузились въ свой спеціальный разговоръ.

Отъѣздъ назначенъ былъ въ полдень. Двѣ женщины воспользовались остаюшимся часомъ, чтобы пройтись по лѣсу.

Онѣ шли рядомъ: одна—высокая, бѣлая и холодная, какъ статуя, другая—маленькая и подвижная, похожая на тѣхъ мотыльковъ, которые кружились надъ скромными лѣсными цвѣтами.

— О чемъ ты думаешь, Лія?

— Мнѣ хотѣлось бы сейчасъ взглянуть на свой садъ. Я передала его въ надежныя руки, но я боюсь, всетаки, что самые нѣжные виды не перенесутъ непривычнаго ухода и погибнутъ. Жаль. Я положила на нихъ столько труда.

— Твои цвѣты украсили нашъ праздникъ. Но тѣмъ не менѣе... Мнѣ кажется, что очень скучно было бы посвящать имъ все свое время. Я люблю только рвать ихъ и дѣлать изъ нихъ вѣнки и гирлянды. А хороши нарисованные цвѣты, пожалуй, лучше живыхъ: они не вянутъ и съ ними совсѣмъ не нужно такъ нѣжно обращаться.

Лія ничего не отвѣтила и довольно долго онѣ шли молча,—и Абела невольно старалась соразмѣрять свои порывистыя движенія съ медленными и плавными движеніями Ліи. Это стѣсняло ее и вмѣстѣ съ тѣмъ внушало чувство какой-то странной почтительности,—почтительности младшей къ старшей. Потомъ вдругъ она спросила совсѣмъ неожиданно, такъ что Лія остановилась и посмотрѣла на нее съ удивленіемъ:

— Тебѣ никогда не бываетъ скучно? Не кажется тебѣ, что жизнь слишкомъ медлительна и однообразна?

— Почему ты такъ думаешь?

Абела смутилась.

— Видишь ли... Ты всегда слишкомъ одинаковая. И у тебя есть еще одинъ недостатокъ: ты слишкомъ безупречна. Въ сравненіи съ тобой я кажусь сама себѣ такой глупой, вѣтренной, безпутной дѣвченкой. А мнѣ всегда казалось, что безупречнымъ людямъ, должно быть, скучно жить. Прости меня, если я неправа. Можетъ быть, этого совсѣмъ и не слѣдовало говорить.

— Я не умѣю хорошо отвѣтить тебѣ, Абела. Мой характеръ, моя жизнь — все это зависитъ отъ меня столько же, сколько восходъ и заходъ солнца или движеніе вотъ этого облачка на небѣ. Я — такая, какова есть и не могу этого измѣнить. И не знаю,—нужно ли. Съ Коро иногда трудно бываетъ ладить. Если бы я была вспыльчивѣе, мы ссорились бы каждый день и нашему счастью скоро пришелъ бы конецъ.

— Мы часто не ладимъ съ Акро. Онъ упрямъ и иногда не хочетъ понимать самыхъ простыхъ вещей. Но всетаки мы не разойдемся съ нимъ до самой смерти. Я знаю это навѣрное.

Онѣ опять пошли впередъ и долго еще говорили о мелочахъ женской жизни, — жизни, въ которой такъ много мѣста занимаетъ любовь.

— Акро хотѣлъ когда-то, чтобы у насъ былъ ребенокъ. Потомъ онъ самъ убѣдился, что былъ неправъ. Развѣ можешь ты вообразить меня матерью? Для этого нужно что-то, чего во мнѣ совсѣмъ нѣтъ. Я смотрѣла бы на своего ребенка, какъ на чужое и притомъ еще безобразное существо.

Лія покачала головой.

— Слишкомъ много женщинъ теперь не хотятъ

быть матерями. Правда, онѣ не теряютъ отъ этого своей женственности,—но мнѣ кажется, что онѣ, все же, намѣренно обдѣляютъ себя на жизненномъ пиру. Второй счастливый день для меня придетъ, когда я сдѣлаюсь матерью. И я надѣюсь, что это будетъ красивый и умный ребенокъ.

— Твой ребенокъ? Конечно. Ты дашь мнѣ подержать его на рукахъ, когда онъ немножко подростетъ. Нужно, чтобы онъ походилъ на тебя. Коро далеко не такъ красивъ, какъ ты. И вѣдь Коро, конечно, тоже будетъ любить этого ребенка, не правда ли? Я посмотрю. И если это въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо,—пожалуй я тоже захочу быть матерью. Такое желаніе немножко удивитъ моего старика, но что же дѣлать? До сихъ поръ я не сходилась еще достаточно близко съ настоящими матерями. Онѣ всегда напоминали мнѣ только кормящее животное, и въ ихъ чувствахъ къ дѣтямъ я никогда не замѣчала ничего красиваго и высокаго... Однако намъ пора возвращаться назадъ. Мнѣ послышался голосъ Акро, а этотъ несносный человѣкъ ужасно нетерпѣливъ, когда спѣшитъ на работу.

45.

Тамъ, на югѣ, художниковъ уже ждали. Мара пришла къ нимъ прямо съ работы, вся обсыпанная каменной пылью и вытирая потъ съ загрязненнаго лица.

— Ну, это совсѣмъ не полезно для общества, когда художники занимаются только любовью. Все уже готово: зеленый и розоватый гранитъ, черный базальтъ и бѣлый мраморъ съ прехорошенькими прожилками. Все самый простой, но красивый и благородный матеріалъ. А на отдѣлку вы можете брать все, что вамъ угодно.

Мы заберемся въ самыя нѣдра земли, чтобы достать что-нибудь такое, чего нигдѣ не было.

Предстояло построить и украсить огромное зданіе для общественныхъ собраній,—мѣсто, гдѣ люди обсуждаютъ свои обыденныя дѣла и гдѣ они празднуютъ свои праздники, мѣсто, гдѣ учатся, учатъ и гдѣ просто веселятся въ счастливыя минуты жизни. И строители должны были сочетать простоту и удобство съ пышностью южной фантастики, слить красоту съ обыденностью и роскошь—съ полезностью.

Коро относился къ этой идеѣ нѣсколько холоднѣе, чѣмъ когда-то къ своему лучшему созданію, къ храму Весны—но Акро былъ совсѣмъ въ своей сферѣ. Божество занимало всегда въ душѣ скульптора второстепенное мѣсто. Не теряя времени, онъ отправился на самое мѣсто постройки, чтобы ознакомиться въ натурѣ съ окружающимъ пейзажемъ.

Общій фонъ мѣстности былъ не совсѣмъ благопріятенъ для такого большого зданія, но самое мѣсто было выбрано удачно. И тамъ уже лежали груды камня и металла, еще почти безформенныя, но уже приготовленныя для воздѣйствія вооруженной всѣми силами техники человѣческой мысли. Мара пошла вмѣстѣ со скульпторомъ, показывала съ нѣкоторой гордостью то, что уже сдѣлано.

— Вы оба—ты и Коро—останетесь довольны, я знаю. И по правдѣ говоря, ваше одобреніе для меня болѣе цѣнно, чѣмъ одобреніе тѣхъ, для кого мы дѣлаемъ все это. Они не такъ уже много понимаютъ въ искусствѣ, эти южные. И они слишкомъ нервные работники. То и дѣло портятъ инструменты.

Немного погодя, она заговорила совсѣмъ другимъ тономъ, какъ будто чего-то стѣсняясь:

— Послушай, Акро, недавно во мнѣ зародилась одна

мысль, которая не даетъ мнѣ покоя. Твой товарищъ... Онъ, конечно очень счастливъ. Онъ получилъ то, къ чему стремился.

— Да, я думаю!—съ недоумѣніемъ отвѣтилъ Акро.— Но почему тебя заботитъ это? Заботитъ его любовь.

— О, любовь... Повѣрь, что Коро интересенъ для меня, главнымъ образомъ какъ художникъ, а не какъ обыденный человѣкъ. И вотъ я боюсь, какъ бы человѣкъ не поглотилъ въ немъ художника... Однимъ словомъ,—не упадетъ ли теперь уровень его творчества.

— Я думаю, что онъ дастъ намъ теперь еще лучшее, чѣмъ прежде. Его душа развернулась, какъ цвѣтокъ, которому пришло время. Передъ нимъ—столько новыхъ достиженій и столько возможностей. Нѣтъ, онъ дастъ еще нѣчто лучшее.

— И всетаки, я боюсь... Я боюсь, когда люди слишкомъ поглощены сами собою, своимъ собственнымъ „я“: И, знаешь, если бы я узнала... если бы я узнала, что эта прекрасная, спокойная женщина мѣшаетъ ему быть тѣмъ, кѣмъ онъ былъ до сихъ поръ, я пришла бы къ ней и сказала прямо:—ты похитила у насъ нашего Коро, который всѣмъ намъ вмѣстѣ болѣе дорогъ, чѣмъ тебѣ одной. И намъ онъ давалъ наслажденія болѣе возвышенныя, чѣмъ даетъ тебѣ, потому-что эти наслажденія вѣчны, какъ само искусство. Ты прекрасна, но всетаки ты недостойна того, чтобы отнять его у насъ. Поэтому— уйди. Оставь его такимъ, какимъ онъ былъ до тебя.

Акро насмѣшливо покачалъ головой.

— Пожалуй, не выйдетъ ничего особенно хорошаго изъ такого ходатайства... А кромѣ того, — ты очень жестокій человѣкъ, Мара. Я не подозрѣвалъ этого.

— Нѣкоторые думаютъ иначе.

— Да... Можетъ быть, Кредо?

Мара посмотрѣла на него вызывающе. И въ ея гла-

захъ появилось тоже выраженіе, какое бывало у нея, когда она заставляла подчиниться себѣ глыбу твердаго камня.

— Кредо принадлежитъ мнѣ. Я не знаю что онъ думаетъ о нашей связи и обо мнѣ самой. Это безразлично. Но онъ принадлежитъ мнѣ, какъ ребенокъ своей матери.

И она повела скульптора къ обширнымъ складамъ заготовленнаго для постройки камня, дѣловитая и увѣренная въ себѣ, какъ всегда.

Огромные камни, цѣлыя скалы, насильственно отторгнутыя отъ груди земли, лежали здѣсь въ чудовищномъ хаосѣ, перемѣшанныя съ небольшими, тщательно выдѣланными плитами,—матеріаломъ для болѣе легкихъ стѣнъ и перемычекъ. Бока каменныхъ глыбъ были источены, изгрызаны остріями исторгнувшихъ ихъ машинъ, и даже воображеніе Арко не могло представить этотъ грубый матеріалъ въ видѣ законченныхъ, тщательно отдѣланныхъ статуй, монолитныхъ колоннъ, массивныхъ украшеній съ глубоко врѣзанными тонкими барельефами. Громадность предстоящей работы почти подавляла скульптора и онъ молча выслушивалъ объясненія Мары. И онъ подумалъ еще, какъ ничтожны и жалки сами по себѣ человѣческія руки безъ помощи одухотворившаго ихъ утонченнаго ума, безъ помощи всѣхъ этихъ сложныхъ ухищреній техники, воплотившей тончайшія фибры мышленія въ стальныхъ членахъ машинъ.

— А всетаки, въ жизни есть извѣстный круговоротъ, что-бы ни говорили наши ученые!—сказала Мара, когда они возвращались обратно.—Конечно, жизнь не символизируется въ замкнутомъ кольцѣ, но если бы я захотѣла изобразить ходъ эволюціи одной простой линіей, я изобразила бы ее въ видѣ спирали, постоянно подни-

мающейся кверху своими оборотами. Ты, конечно, знакомъ съ немногими изъ уцѣлѣвшихъ старинныхъ зданій, съ этими отвратительными ящиками изъ наскоро обожженной глины и скрѣпленнаго проржавѣвшимъ желѣзомъ бетона. А между тѣмъ, и эти ящики были нѣкоторымъ прогрессомъ въ сравненіи съ самыми древними развалинами, которыя такъ же, какъ и наши зданія, сложены изъ ѣбдѣланнаго дикаго камня. Мы совершили во времени только одинъ кругъ спирали, но по вертикальной линіи мы стоимъ много выше тѣхъ, кто пользовался для одной и той же цѣли одними только грубыми руками, а не могучими тонкими машинами. Благодаря этимъ машинамъ для насъ теперь выгоднѣе брать нашъ матеріалъ изъ неисчерпаемаго запаса самой природы, а не готовить его искусственно,—будь это обожженая глина, или дрянное желѣзо, обмазанное сѣрой замазкой, которая трескается и лупится, какъ больная кожа.

— Я не знаю, что дороже и что дешевле!—сказалъ Акро.—Это меня не касается, потому что это хорошо высчитаютъ хотя-бы старый Павелъ и его ученики. Но то, что мы дѣлаемъ,—красивѣе и крѣпче. Хотя, конечно, современемъ придумаютъ еще что-нибудь другое. Лишь бы не ушла тогда изъ нашихъ построекъ вся та поэзія, которую мы нашли и примѣнили съ такимъ трудомъ и такой борьбой.

Мара приложила палецъ къ губамъ. Скульпторъ посмотрѣлъ по направленію ея взгляда и замѣтилъ Коро и Лію, которые шли рядомъ по узкой тропинкѣ. Лицо художника было взволновано и красныя пятна румянца рдѣли на его щекахъ. Онъ въ чемъ то горячо убѣждалъ свою подругу, а она шла своей спокойной походкой и время отъ времени дѣлала жесты отрицанія, которые, видимо, раздражали художника.

— Ну, да—прошептала Мара.—Это уже начинается.

46.

На темномъ, почти черномъ небѣ рисовался тонкій серпъ новой луны, блѣдной мертвой луны, которая столько тысячелѣтій освѣщала уже на землѣ обращенное къ небу мыслящее лицо человѣка. Потомъ этотъ серпъ началъ походить на серебряную лодку съ приподнятымъ носомъ и кормой. Его слабый голубой свѣтъ смѣшивался на мѣстѣ постройки съ пылающими лучами фонарей, при свѣтѣ которыхъ производились спѣшныя работы по укрѣпленію фундамента. Съ каждымъ днемъ луна становилась все ярче, и скоро уже полный серебряный кругъ подолгу стоялъ на небѣ. Началъ уменьшаться въ опредѣленное законами міра время, сжался опять въ тоненькую, почти незамѣтную полоску и исчезъ совсѣмъ. Первый мѣсяцъ работъ закончился.

И когда выглянулъ новый серпъ новой луны, онъ увидѣлъ тамъ, гдѣ такъ недавно были только безпорядочныя глыбы камня и груды разрытой земли,—стройныя темныя стѣны новаго зданія, еще шероховатыя и лишенныя всякихъ украшеній и не увѣнчанныя кровлей, но уже хранившія въ своихъ очертаніяхъ общій намекъ на то, что должно было здѣсь возникнуть. Такъ совершалось вѣчное чудо — чудо человѣческаго творчества.

Акро работалъ, не покладая рукъ. И помогавшая ему Абела иногда въ изнеможеніи бросала инструменты, потому-что ея хрупкіе члены не могли выдержать того, на что были способны желѣзные мускулы и желѣзная настойчивость ея товарища. Она уходила на нѣсколько часовъ побродить по окрестностямъ и съ сожалѣніемъ вспоминала о струистой рѣкѣ, которая омывала подножіе храма Весны. Въ этихъ прогулкахъ къ ней присое-

динялась иногда Лія. Ея фигура нѣсколько утратила свою стройность и въ походкѣ появились какія-то особенныя, раскачивающіяся движенія. Лія ждала ребенка.

Абела съ любопытствомъ слѣдила за тѣмъ новымъ, что она замѣчала въ своей подругѣ вмѣстѣ съ ростомъ ея ребенка. Другія улыбки были у Ліи, и другія слова, мягкія и сосредоточенныя, и вся она, какъ будто, еще глубже ушла въ свое „я", отгородилась отъ міра сознаніемъ своего новаго назначенія.

— Ты очень рада этому, Лія?

— Да. Вѣдь это такъ и должно было быть. Я уже говорила тебѣ.

— А Коро?

— Онъ говоритъ, что ему никогда не работалось такъ хорошо, какъ теперь. Но онъ проситъ меня быть съ нимъ все то время, которое онъ проводитъ въ мастерской, а это утомляетъ. И потомъ—тамъ такой шумъ и слишкомъ полный воздухъ. Пожалуй, это не совсѣмъ полезно для ребенка.

— Но что онъ говоритъ о ребенкѣ?

— Что онъ можетъ говорить?—онъ работаетъ.

— Да, конечно!—задумчиво согласилась Абела.

Вечеромъ она говорила своему скульптору, который подъ вліяніемъ южной духоты сбросилъ съ себя свою одежду и работалъ совсѣмъ нагой, какъ та статуя, надъ которой онъ трудился:

— Кое-кто оказался неправъ. Что ты скажешь о послѣднихъ работахъ Коро?

— Да, это по крайней мѣрѣ не хуже, чѣмъ прежде.

— И ожиданіе ребенка не мѣшаетъ ему. Онъ знаетъ что его душа должна быть здѣсь.

Акро быстро повернулся и посмотрѣлъ на Абелу.

— Но скажи мнѣ, маленькая пчелка, онъ всегда будетъ работать?

— Пока онъ живъ,—я думаю.

— Дѣло въ томъ, моя пчелка, что его душа, которая вѣчно жаждетъ любви, неразрывно связана съ его искусствомъ. Если для его любви будетъ слишкомъ мало пищи...

— Онъ скучаетъ безъ Ліи. Онъ проситъ ее быть всегда съ нимъ вмѣстѣ въ мастерской.

— Если для его любви будетъ мало пищи, говорю я, онъ охладѣетъ и къ искусству. Это еще придетъ... Освѣти вотъ ту стѣну, пожалуйста. Я хочу прослѣдить игру тѣней на этихъ мускулахъ. Не слишкомъ ли они массивны, какъ ты думаешь?

47.

— Не оставляй меня, Лія! Вотъ здѣсь я приготовилъ для тебя мягкое кресло, въ которомъ такъ уютно сидѣть... Когда я чувствую на себѣ твой взглядъ, мои способности удесятеряются. А сейчасъ у меня такое отвѣтственное дѣло. Ты понимаешь,—это опять будетъ нѣчто новое.

Попытка, можетъ быть, черезчуръ смѣла, но если она удастся—я проложу новую дорогу.

Мастерская Коро. Днемъ и ночью—всегда одинаковый, ровный и чистый свѣтъ. И съ гладкихъ стѣнъ смотрятъ на Лію наскоро набросанные этюды будущихъ работъ,—причудливо измѣненныя лица, тѣла, похожія на узловатые корни, открытые рты, изъ которыхъ, какъ будто, исходитъ зовущій голосъ, странныя сплетенія людей, животныхъ и растеній, которыя поползутъ современемъ по стѣнамъ зданія, теперь еще свободнымъ и шероховатымъ. Эту часть работы—прихоти юга—онъ

взялъ на себя. На долю Акро досталось нѣчто болѣе ограниченное, но столь же отвѣтственное: статуи тѣхъ, которые умерли, но память о которыхъ должна жить еще долго; все, доступное простому, практическому уму изъ предназначеннаго для того же грандіознаго зданія. Имъ помогаютъ сотни товарищей съ искусными руками и понятливымъ воображеніемъ, товарищей, которые могутъ всецѣло проникнуться данной имъ идеей.

— Если ты хочешь, я останусь здѣсь.

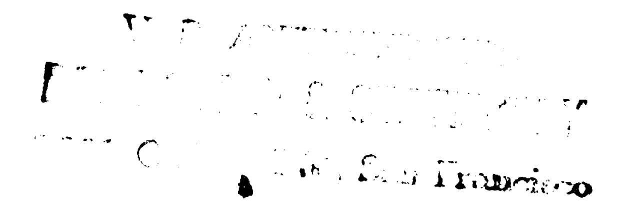
Она сидитъ, откинувшись на спинку кресла, положивъ руки вдоль колѣнъ. Глаза у нея полузакрыты и она смотритъ сонным, мечтающимъ взглядомъ куда-то мимо Коро, вдоль, въ будущее. Складки широкой одежды скрываютъ то искаженіе формъ, которое вызвало въ ней материнство.

Когда Коро хочетъ передохнуть нѣсколько минутъ или просто разобраться въ мысляхъ, нахлынувшихъ слишкомъ безпорядочной толпой, онъ садится у ногъ своей подруги, беретъ ея бѣлую, холодную руку и прикладываетъ къ своему лбу.

— Когда я ощущаю твое прикосновеніе,—я опять переживаю все, что ты уже дала мнѣ. Всю радостную бездну счастья, и томленія, и надежды,—и такъ хорошо, что ты со мной, моя Лія.

Онъ обнимаетъ ее, но она отстраняется осторожно, такъ осторожно, что онъ почти не замѣчаетъ этого движенія. Она боится, какъ бы онъ случайно не повредилъ ея ребенку.

— Да, да, я съ тобой, мой милый. Я буду сидѣть здѣсь, пока ты не кончишь.

48.

Когда Мара была занята своей излюбленной работой, она забывала о многомъ, что еще недавно было ей дорого. И Кредо бродилъ почти покинутый, смотрѣлъ на чуждую суету, на весь этотъ шумъ и бодрую суматоху,—и временами начиналъ уже жалѣть о вѣчномъ молчаніи далекаго сосноваго лѣса.

Сожалѣлъ, но не думалъ о возвращеніи на свое старое пепелище.

Тамъ слишкомъ жива еще была память Гала,—а писатель испытывалъ странное стѣсненіе при воспоминаніи о погибшемъ другѣ. И тамъ даже издали нельзя было видѣть Мары. Здѣсь же она приходила къ нему по вечерамъ, терпѣливо выслушивала его жалобы и потомъ ласкала его, какъ капризнаго ребенка. Иногда онъ читалъ ей то, что приходило ему въ голову за время дневного одиночества, и это было всегда—о прошломъ о томъ скорбномъ прошломъ, которое сроднилось уже съ душой писателя.

Мара любила слушать, — и Кредо вполнѣ довѣрялъ ея чутью, когда выбиралъ изъ груды написаннаго то, что можно дать многимъ. Не боялся дѣлиться съ нею неясными, еще не опредѣлившимся намеками,—и она, при ея знаніи стараго быта, иногда давала ему новые драгоцѣнные штрихи, которые оживляли и окрашивали его слишкомъ отвлеченныя построенія.

Были вечера, когда Кредо ничего не читалъ, и холодно принималъ ласки подруги. Онъ жаловался:

— Мнѣ скучно, Мара. Я вижу многое, чего не видятъ другіе, но у меня не хватаетъ силъ и умѣнья, чтобы достаточно хорошо изобразить это. Слово—для меня слишкомъ грубый матеріалъ, онъ не повинуется

моимъ усиліямъ. И непріятно думать, что пройдешь жизнь совсѣмъ безслѣдно, а то, что я создалъ, забудутъ, можетъ быть, еще до моей смерти. Иногда мнѣ кажется, что мы, поэты, вообще, не нужны больше. Наша слава умерла вмѣстѣ съ дѣтствомъ человѣчества. И то, что мы создаемъ—только дешевая игрушка, которую можно бросить въ темный уголъ, когда она надоѣстъ.

— Не знаю. Такіе вопросы мало занимаютъ меня. Я беру жизнь такою, какова она есть—и я не думаю, что-бы въ жизни былъ кто-нибудь лишній. О тебѣ забудутъ, говоришь ты? Да, конечно,—такъ же, какъ и обо мнѣ, и о милліонахъ другихъ людей, которые не заняли исключительнаго положенія среди многихъ. Но я совсѣмъ не боюсь этого. И въ своей боязни—ты такой же ребенокъ, какъ и во многомъ другомъ. Въ концѣ концовъ, было бы лучше для тебя, если бы ты, дѣйствительно пережилъ какое-нибудь большое горе.

Чтобы развлечь писателя, Мара водила его съ собой на постройку, объясняла ему дѣйствіе новыхъ машинъ и тѣ сложные разсчеты, которые были положены въ основу этихъ тяжеловѣсныхъ стѣнъ. Все это звучало почти красиво въ восторженныхъ рѣчахъ каменщицы и, увлеченный этой своеобразной поэзіей, Кредо пытался самъ браться за ея работу своими неумѣлыми руками. Но скоро онъ оставлялъ свое дѣло незаконченнымъ и говорилъ съ непритворной грустью:

— Я такой же плохой каменщикъ, какъ и поэтъ. Право, мнѣ не должно быть мѣста даже на нашей расточительной землѣ.

Потомъ онъ бродилъ по мастерскимъ художниковъ, и тамъ его встрѣчали привѣтливо, потому-что всѣмъ нравилось его задумчивое лицо съ кроткими и всегда чѣмъ-то удивленными глазами. Чаще другихъ онъ посѣщалъ Коро. Сидѣлъ и смотрѣлъ на его работу такой

же молчаливый, какъ Лія,—но въ этомъ общемъ молчанія они двое—писатель и женщина—еще меньше походили другъ на друга. Одна—спокойная и увѣренная, другой—тревожный и мятущійся. Одна—гордая своей жизнью и своимъ новымъ назначеніемъ, которое казалось ей такимъ высокимъ, другой—всегда неудовлетворенный и безпріютный. И въ немъ было что-то, что не нравилось Ліи, мѣшало ей.

Писатель однажды спросилъ ее:

— Ты хотѣла бы имѣть мальчика?

— Мнѣ все равно. Право, мнѣ все равно... Лишь бы мое дитя походило на Коро.

— Жаль, что это уродуетъ.

Она не поняла. Она считала себя теперь еще болѣе красивой, чѣмъ прежде.

— Это уродуетъ! — повторялъ писатель: — Должно быть, когда человѣкъ создаетъ себѣ подобныхъ, онъ совершаетъ какой-нибудь грѣхъ. Иначе рожденіе не было бы такъ безобразно.

Коро слышалъ ихъ разговоръ и возразилъ, смѣясь:

— Видно, что ты никогда не могъ бы быть отцомъ. Но посмотри сюда: вотъ, я создаю здѣсь только мертвыхъ, каменныхъ людей,—и ты любуешься ими и находишь ихъ хорошими. Но вѣдь безконечно лучше должно быть нѣчто, чему я далъ живую, мыслящую жизнь.

— Это страшно. Если статуя не удалась—я могу ее разбить. А что ты будешь дѣлать съ живымъ? Вѣдь это твоя плоть и кровь. Ты не захочешь отрѣзать свою собственную руку только за то, что она случайно измѣнила тебѣ.

— Замолчи, Кредо!—просила Лія и ея блѣдныя щеки сдѣлались прозрачными. Но ни тотъ, ни другой изъ мужчинъ не замѣтили ея волненія. Коро былъ занятъ своей работой, писатель—безплодными мыслями. Она

одна только могла живо и ясно перечувствовать то, что было тайнаго въ ея материнствѣ.

И къ другому тайному подходилъ Кредо, вскрывалъ это тайное незнающей и, потому, безучастной рукой. Онъ смотрѣлъ на Коро и спрашивалъ, ни къ кому не обращаясь:

— Изъ чего слагается его жизнь?

Лія слышала его, но молчала. И тогда онъ отвѣчалъ самъ себѣ:

— Любовь—насмѣшка, потому что никогда не можетъ одинъ человѣкъ воплотить всей многогранности жизни другого. А душа художника—это самое сложное изъ всего, что создано природой. На одно онъ найдетъ откликъ въ любящей его женщинѣ, и на другое,—а въ чемъ-нибудь третьемъ останется одинокъ. И такъ будетъ больнѣе, чѣмъ если-бы онъ былъ одинокъ во всѣмъ. Что онъ сдѣлаетъ тогда, ты знаешь это, Лія?

Лія молчала. И онъ отвѣчалъ самъ себѣ:

— Онъ разлюбитъ ее. Пойдетъ искать другую, найдетъ и, можетъ быть, опять обманется. Но ту, первую,—онъ разлюбитъ навсегда и не вернется къ ней никогда больше. А если первая отдалась ему всей своей красивой, но простой душой, то она будетъ еще страдать, очень страдать, потому что любовь простыхъ сердецъ живетъ долго. Не правда ли, Лія?

— Зачѣмъ ты говоришь все это?

— Я только спрашиваю. Я хочу знать. Многое непонятно мнѣ въ жизни, и я часто думаю, что другіе опытнѣе меня. Но, должно быть, они знаютъ не больше. Они только не спрашиваютъ.

Вечеромъ онъ встрѣчался съ Марой и иногда говорилъ ей о Ліи. Каменщица выслушивала его равнодушно. Полушутливо, полусердито говорила ему:

— Тебѣ не слѣдуетъ вмѣшиваться въ чужую жизнь.

Вѣдь ты не съумѣлъ устроить, какъ слѣдуетъ, и свою собственную.

49.

Длинная ночь, сплетенная изъ безконечной вереницы часовъ, ночь, поглотившая своей жадной черной пастью розовыя пятна разсвѣта, лазурь полудня и голубые туманы вечера. Кажется, что ей не будетъ конца, потому что недѣли проходятъ за недѣлями, а небо все такъ же темно и такъ же ярко мерцаютъ звѣзды, уступая только загадочному сіянію сѣвера. Иногда скопляются тучи, темныя и низкія. Изъ темныхъ тучъ беззвучно и лѣниво падаетъ бѣлый снѣгъ. Бѣлой шапкой лежитъ на прозрачныхъ льдахъ. И, такъ какъ сквозь льды просвѣчиваетъ все та же тьма, то, пока не играетъ сіяніе, они тоже кажутся совсѣмъ черными.

Этотъ вѣчный врагъ—ночь—окружаетъ Вилана со всѣхъ сторонъ, преслѣдуетъ его по пятамъ, не даетъ ему ни минуты отдыха. Та ночь, которая встрѣтила его по пріѣздѣ на сѣверъ такой волшебной игрой невиданныхъ красокъ.

И Виланъ спѣшитъ. Онъ весь горитъ борьбой и уже увѣренъ заранѣе, на чьей сторонѣ останется побѣда. Пусть тьма собирается еще гуще. Пусть она лежитъ, почти осязаемая, какъ толстое черное сукно. Пусть небо никогда не вспыхиваетъ больше холодными сѣверными огнями. Онъ побѣдитъ.

И работы такъ много, что почти некогда думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ завѣтной цѣли. Только когда выясняется опредѣленно, что дѣло подвигается впередъ слишкомъ медленно и вмѣстѣ со сгустившимися мракомъ начинаетъ подкрадываться нѣчто вродѣ

сомнѣнія,—Виланъ скучаетъ о свѣтѣ, который онъ надолго покинулъ, и о тѣхъ, кто грѣется сейчасъ подъ лучами солнца. Мерещатся ему золотистые волосы, теплые и свѣтлые, такіе теплые и свѣтлые, какъ огонь.

Приходятъ въ голову мечты такія болѣзненныя и опасныя, потому-что несбыточныя.

„Навсегда!“

Развѣ не она сама сказала это? И нельзя не вѣрить ея словамъ. Навсегда.

Потомъ—другой образъ, неразрывно связанный съ сіяніемъ сѣвера, потому-что первое воспоминаніе объ этомъ образѣ пришло только здѣсь.

И ея нѣтъ до сихъ поръ. Она обѣщала возвратиться скоро—и ея нѣтъ. Можетъ быть, ея слова лживы, какъ лживъ мракъ ея страны, который кажется свирѣпымъ только потому, что труслив. Онъ боится, что скоро явится побѣдитель. Развѣетъ эту тьму, изорветъ ее въ мелкіе клочья и послѣдніе остатки поверженнаго мрака будутъ трусливо жаться по недоступнымъ уголкамъ.

И все-таки,—когда нѣтъ никого по близости или когда слишкомъ громко стучатъ машины, что-бы слышенъ былъ слабый человѣческій голосъ,—Виланъ шепчетъ, призывая кого-то невидимаго:

— Астрея, гдѣ ты? Твои волосы черны, какъ твоя ночь, и ты обманула меня,—но все-таки я хочу тебя видѣть.

Но, наконецъ, онъ потерялъ всякую надежду. Да, и она, едва промелькнувшая, такъ же ушла навсегда, какъ и та, къ которой такъ долго стремились всѣ мечты.

Это лучше. Теперь остается одно, чему можно попрежнему отдать всѣ помыслы: борьба. И хорошо также, что при постройкѣ маяка приходится имѣть дѣло съ чужими, мало знакомыми людьми. Они считаютъ Вилана нелюдимымъ, такъ какъ онъ держится отъ нихъ

всторонѣ, не принимаетъ участія въ ихъ весельи и играхъ, которыя затѣваются въ минуты отдыха. А онъ такъ хотѣлъ бы смѣяться вмѣстѣ съ ними,—но только чтобы его смѣху вторилъ другой,—смѣхъ близкой женщины.

Слѣдитъ за установкой приборовъ и каждая неизбѣжная неудача огорчаетъ его почти до слезъ. Каждый день отсрочки—какъ новый ударъ по больной ранѣ. А между тѣмъ, трудности постройки оказались болѣе существенными, чѣмъ предполагалось вначалѣ. Уже почти нѣтъ сомнѣній, что эта ночь уйдетъ непобѣжденная. Но слѣдующую, конечно, строители встрѣтятъ во всеоружіи.

Начиналъ загораться слабый розоватый свѣтъ на горизонтѣ въ тѣ часы, когда надъ храмомъ Весны былъ полдень: это—первые робкіе проблески грядущаго утра. А скоро наступитъ и день, такой же длинный, какъ минувшая ночь, слишкомъ расточительный въ своей продолжительности и потому блѣдный. Блѣдный, бѣлый день сѣвера. Безъ зорь, какъ ночь. Съ унылымъ, больнымъ, негрѣющимъ солнцемъ, на круглый дискъ котораго можно смотрѣть незащищенными глазами.

— Мы порядочно опоздаемъ, Виланъ!—говорилъ механикъ.—Эти вѣчные морозы—предосадная штука.

Были приняты всѣ мѣры, чтобы рабочіе не страдали отъ холода, но всетаки кожа на лицѣ механика трескалась и лупилась, потому что онъ такъ же горячо, какъ и Виланъ, относился къ своей работѣ и въ пылу напряженной дѣятельности пренебрегалъ многими необходимыми предосторожностями. А Виланъ смотрѣлъ на свои жесткія, загрубѣвшія руки, трогалъ обвѣтрѣвшія щеки и думалъ:

Пожалуй, это не понравилось бы Формикѣ.

Зори разгорались ярче. Въ ихъ новомъ свѣтѣ отчет-

ливо выдѣлялась высокая черная башня маяка, еще наполовину не достроенная. Вокругъ мѣста работъ по снѣжнымъ сугробамъ, по запорошеннымъ льдинамъ вились и перекрещивались человѣческіе слѣды,—и мѣстами черезъ нихъ переступалъ слѣдъ стройной и быстрой звѣриной лапы, какъ напоминаніе о томъ, что люди дошли здѣсь до самой границы своихъ законныхъ владѣній.

То, что тамъ, на югѣ, подъ горячими лучами солнца, которое ежедневно продѣлывало свой кругъ по небу, было просто и легко достижимо, здѣсь давалось только цѣною долгихъ и почти мучительныхъ усилій. Но эта была веселая борьба—и тѣмъ радостнѣе будетъ часъ побѣды.

Изрѣдка Виланъ получалъ вѣсти отъ своихъ друзей съ юга, могъ слѣдить за ихъ повседневной жизнью, за ихъ успѣхами и разочарованіями. Онъ зналъ также, что Формика живетъ въ горахъ у Павла и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ отдаетъ свои силы какому-то трудному изслѣдованію. И когда онъ представлялъ ее себѣ склонившейся за рабочимъ столомъ, съ волной ея волосъ, простымъ узломъ закрученныхъ на затылкѣ, онъ чувствовалъ еще яснѣе, что, конечно, ея слова при разставаніи были вполнѣ справедливы и что онъ потерялъ ее навсегда.

Только объ Астреѣ онъ не зналъ ничего. Между тѣмъ, смутныя думы о ней возвращались къ нему всегда, въ часы работы и въ часы отдыха.

И всетаки это случилось совсѣмъ неожиданно,—когда Виланъ увидѣлъ, наконецъ, передъ собою эту женщину, еще такъ мало знакомую и уже такъ странно близкую. Она подошла къ нему такъ просто, какъ будто разсталась съ нимъ только вчера,—и, когда улыбалась, въ ея глазахъ отсвѣчивала разгорающаяся заря.

— Вотъ и я, Виланъ. Я думаю, что ты еще не забылъ обо мнѣ. На моей родинѣ воспоминанія сохраняются долго.

Онъ почти не испыталъ никакой радости. Онъ отвѣтилъ только:

— Да, я не забылъ. Но я слишкомъ долго ждалъ тебя. И здѣсь было слишкомъ скучно, въ этой надоѣдливой, наглой темнотѣ.

Однако же, въ этотъ день онъ покончилъ съ работой раньше обыкновеннаго и смотрѣлъ на Астрею долго и внимательно.

Въ ней было нѣчто свое, чего онъ не зналъ въ другихъ женщинахъ, и это нѣчто притягивало его.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ ей,—еще совсѣмъ недавно я думалъ, что для меня вполнѣ достаточно одной борьбы, борьбы съ мракомъ. Вѣдь я такъ люблю свѣтъ во всѣхъ его многообразныхъ формахъ. Но когда я полюбилъ также и женщину,—и узналъ что всѣ ея мысли уже принадлежатъ другому,—я понялъ, что и я—такой же, какъ всѣ, и что моя жизнь тоже не полна безъ поцѣлуевъ. Наступаетъ въ жизни часъ, когда это приходитъ, какъ неизбѣжное. А когда я въ первый разъ увидѣлъ твой сѣверъ, мнѣ было очень тоскливо, и я призывалъ тебя, а не ее,—ту, которую люблю. Или любилъ. Не знаю. Я полюбилъ любовь.

А зори свѣтлѣли. Бѣлый длинный день приближался.

50.

Въ горахъ у Павла, какъ будто, остановилось время.

Тамъ жили отъ постановки новой проблемы до ея рѣшенія, вспоминали о пройденномъ пути по новымъ

томамъ изслѣдованій, которые скоплялись въ богатой библіотекѣ Павла.

Но жили бодро и весело, такъ же весело, какъ тѣ, все время которыхъ проходило на открытомъ воздухѣ, на благословенныхъ зеленыхъ лугахъ. И нѣкоторые изъ учениковъ сами занимались недавно земледѣльческимъ трудомъ, и съ ихъ щекъ не сошелъ еще темный загаръ.

Любили музыку. Поздно вечеромъ, когда надоѣдали уже разныя шутки и ловкія игры, собирались вмѣстѣ и въ напряженномъ молчаніи слушали дивные звуки, которые часто приносились къ нимъ издалека, съ другого конца земли. Въ точности математическихъ формулъ и въ закономѣрной стройности гармоническихъ аккордовъ находили общее.

У всякаго была своя любимая музыка и былъ свой любимый композиторъ,—и вся душа Формики стремилась къ какому-то, еще молодому и почти неизвѣстному музыканту, который со странной полнотой воплощалъ въ звукахъ всѣ ея переживанія. Но она не хотѣла встрѣтиться съ нимъ. Она окружала его мечтой и въ мечтахъ этихъ облекала незнакомца въ образъ Коро.

— Ты слишкомъ изнуряешь себя!—часто повторялъ Павелъ.—А между тѣмъ, ты должна старательно беречь свои силы, потому-что онѣ такъ нужны всѣмъ намъ. Право, скоро я начну думать, что ты не настолько любишь наше дѣло, какъ говоришь объ этомъ.

— Но вѣдь я—только исполнительница. Я ничего не изобрѣтаю сама. И чѣмъ больше часовъ я проведу за работой, тѣмъ больше я сдѣлаю. А кромѣ того... Я ничего не могу скрывать отъ тебя, учитель. И ты самъ хорошо знаешь, что когда я ничѣмъ не занята, я слишкомъ страдаю.

— Мое новое большое изслѣдованіе все еще остается незаконченнымъ. На-дняхъ я встрѣтился съ неожидан-

ными трудностями, и теперь уже твердо знаю, что моихъ собственныхъ силъ, слабѣющихъ съ каждымъ днемъ, не хватитъ, чтобы благополучно довести дѣло до конца. Я рѣшилъ ограничиться только подробнымъ планомъ, по которому должна пойти вся работа. Ты осуществишь мой планъ, я надѣюсь на это. Но ты должна беречь себя. Иначе и твоихъ силъ хватитъ ненадолго.

— Я постараюсь, учитель.

И ей казалось, что старый Павелъ слишкомъ жестокъ въ своемъ увлеченіи учителя и изслѣдователя. Любовь къ Формикѣ, какъ къ помощнику и продолжателю, иногда заслоняла въ немъ любовь къ человѣку.

Жаждала она въ эти минуты другой любви,—любви, которая манила, какъ потерянный рай.

51.

— Лія, я искалъ тебя сегодня цѣлый вечеръ и нигдѣ не могъ найти. Мнѣ было скучно. Я такъ нуждался въ твоихъ ласкахъ, въ твоемъ взглядѣ,—а тебя не было.

— Но вѣдь ты хорошо работалъ сегодня. Большая фигура почти уже кончена, а я думала, что тебѣ хватитъ ея еще на недѣлю.

— Да, конечно, я работалъ. Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ ты со мною, я дѣлаю вдвое больше съ вдвое меньшими усиліями. Но вѣдь это еще не все, Лія!.. Какъ будто ты хочешь, чтобы все мое существованіе заключалось въ четырехъ стѣнахъ мастерской. Да, тамъ живетъ мое творчество, но тамъ я—не Коро, а лишь нѣкто, создающій новые образы. Но не художникъ, а только твой Коро, любящій Коро искалъ тебя сегодня и

не нашелъ, когда ты была нужна мнѣ. И какъ разъ въ эти часы вокругъ меня все было такъ весело, и эта сумасшедшая Абела такъ заразительно смѣялась, и даже нашъ угрюмый писатель казался совсѣмъ перерожденнымъ. Но ты знаешь, что я не могу веселиться безъ тебя; и среди чужого веселья я показался самому себѣ совсѣмъ одинокимъ, еще болѣе одинокимъ, чѣмъ въ то время, когда еще не зналъ тебя.

— Я хотѣла отдохнуть немного и поэтому ушла. Я надѣялась, что ты будешь чувствовать себя хорошо и безъ меня, потому что вѣдь ты всегда очень доволенъ, когда твой рабочій день проходитъ плодотворно.

Была уже ночь и Лія лежала въ постели, оберегая покой своего еще не рожденнаго ребенка, а Коро сидѣлъ у ея изголовья и жаловался.

Это случалось все чаще и чаще. Жалобы были такъ похожи одна на другую и мутный осадокъ, загрязнявшій чистую любовь, оставался послѣ нихъ на душѣ.

Лія не волновалась и голосъ ея былъ обычно спокоенъ.

— Ты требуешь отъ меня слишкомъ многое. Я знаю, что мое присутствіе облегчаетъ тебѣ твой трудъ, но ты слишкомъ подвиженъ и мнѣ тяжело теперь слѣдовать за тобою всюду.

— Ты говоришь—тяжело? Но развѣ бываетъ тяжела любовь? Тяжелы тѣ радостныя обязательства, которыя она накладываетъ?

Лія молчала. По голосу Коро она чувствовала, что онъ раздраженъ и недостаточно владѣетъ собой,—и поэтому ей не хотѣлось продолжать этотъ разговоръ, который могъ кончиться тягостно.

Жалобы Коро не были для нея новостью, но она не чувствовала себя виноватой. Она любила такъ, какъ могла.

— Подошла Мара и спрашивала меня: „Почему ты не съ нами"—и потомъ еще я слышалъ, какъ она тихонько говорила Кредо: „Видишь, это уже начинается,—и даже скорѣе, чѣмъ я думала". Они лгутъ, Лія. Они лгутъ, потому что не понимаютъ ни меня самого, ни нашей любви. Они думаютъ, что мое чувство къ тебѣ охладѣло, какъ будто наша любовь—это простая, обыденная связь между мужчиной и женщиной, которую можно расторгнуть каждую минуту безъ боли и сожалѣнія. Но вѣдь ты—лучшая часть меня самого, ты—моя сила, мое творчество. Когда я одинъ—я не полонъ, я не нахожу самого себя, я чувствую себя жалкимъ и безпомощнымъ. Черезъ тебя только одухотворяются мои мечты, смутныя и неясныя для меня самого. Это—не только любовь, это—взаимное проникновеніе, которое съ теченіемъ времени будетъ дѣлаться лишь все прочнѣе и прочнѣе. И поэтому особенно тягостно, что бываютъ теперь минуты, когда я чувствую, что ты далека отъ меня, что въ нашемъ проникновеніи есть пробѣлы,—и эти пробѣлы ты не хочешь или не можешь заполнить. Я хочу, чтобы ты была для меня всѣмъ. А ты—только мое творчество. Но вѣдь я—Коро, я человѣкъ слабый и мятущійся. И, развѣ не погибнетъ въ концѣ концовъ и художникъ, если ты пренебрежешь человѣкомъ? И кромѣ того, мнѣ просто тяжело, мнѣ тяжело и скучно, потому что въ моей жизни, всетаки, недостаетъ полноты, которой я ожидалъ... надѣялся...

Лія слегка привлекла его къ своей груди и сквозь тонкую ткань одежды онъ отчетливо слышалъ ровное и сильное біеніе ея сердца. Коро вспомнилъ, что это сердце питаетъ теперь двухъ существъ,—и ему было непонятно, почему при этомъ воспоминаніи онъ испыталъ нѣчто вродѣ горечи.

— Лія, я виноватъ передъ тобою. Можетъ быть, я

слишкомъ мало думаю о томъ кому мы дали жизнь. Я испытываю гордость при мысли, что я—уже почти отецъ, но вѣдь этого мало. Я не представляю себѣ, какъ я буду любить его.

Онъ припалъ губами къ лицу подруги и ощутилъ слезу, которая катилась по щекѣ.

— Ты плачешь, любимая? Ты плачешь?

А она не отвѣтила.

52.

На его округленномъ плечѣ едва держался край спадавшаго къ ногамъ темнаго плаща. Складки были неопредѣленны и мягки. Онѣ незамѣтно сливались съ темнымъ подножіемъ, и, поэтому, казалось, что подъ ихъ мягкими очертаніями таится нѣчто загадочное. Его тѣло имѣло женственную округлость, но кожа была слишкомъ темна и почти груба для женщины. Грудь, похожая на грудь дѣвственницы, сочеталась съ мужественнымъ торсомъ, выступающіе боковые мускулы котораго говорили о силѣ. Но въ этомъ странномъ сочетаніи не было ничего уродливаго, какъ не уродливы, а только загадочны и по новому прекрасны были и поддерживавшія торсъ бедра,—могучія бедра женщины съ крѣпкими, непокрытыми жиромъ мускулами мужчины. Лицо этого существа смотрѣло впередъ, слегка склонившись, и губы складывались въ улыбку, въ которой жили одновременно пытливость и насмѣшка, простодушіе и коварство И приподнятая рука съ мягкой, женственной линіей локтя указывала или призывала, и дразнящимъ вызовомъ блестѣли большіе миндалевидные глаза. Это—Андрогине.

Старая, какъ міръ, мечта творчества,—воплотить въ

одномъ два разнородныхъ начала, дать синтезъ человѣка, расколотаго на два пола,—возродилась вновь, какъ возрождается все, чего недостойна смерть.

Мужчины и женщины, приходившіе въ мастерскую Коро, смотрѣли на это новое созданіе художника съ взволнованнымъ любопытствомъ. Андрогине отвѣчало имъ своей загадочной улыбкой, и пристально устремленнымъ взглядомъ, и загадочнымъ жестомъ приподнятой руки. И дерзко открывало изъ полусброшенныхъ складокъ плаща свое тѣло, тѣло не женщины и не мужчины, но и не простую, дисгармоничную смѣсь непримиримыхъ элементовъ.

Акро былъ не совсѣмъ доволенъ и отзывался сдержано.

— Это слишкомъ смѣло. И, конечно, одинъ только Коро могъ совершить это чудо,—но оно мнѣ не нравится. Это не человѣкъ, а порожденіе безумія. А вѣдь ты хотѣлъ создать нѣчто большее человѣка.

— Да, и мнѣ кажется, что я нѣсколько приблизился къ разгадкѣ. Подъ этой оболочкой, думаю я, подъ этой оболочкой должна скрываться душа, полная еще невѣдомыхъ, но высокихъ возможностей. Мы не поймемъ ихъ, потому-что мы всегда были и будемъ подъ властью пола,—но вѣдь ты чувствуешь, что если эти уста разомкнутся, они скажутъ нѣчто, что будетъ откровеніемъ.

И видно было, что всѣ эти люди, мужчины и женщины, переполнявшіе просторную мастерскую, въ первый моментъ были охвачены смущеніемъ. Они чувствовали что-то, чего не было въ нихъ самихъ, и что, всетаки, было человѣческимъ, а не божественнымъ. Усмѣшка Андрогине,—усмѣшка спокойнаго превосходства, какъ легче всего было истолковать съ перваго взгляда,—почти оскорбляла ихъ. Когда, затѣмъ, наступила реакція,—

женщины заговорили первыми, и въ ихъ словахъ послышалась оборона.

— Это—ничто. Оно не можетъ возбудить ни любви, ни ненависти.

Но не могли оторвать глазъ отъ загадочнаго тѣла и загадочной улыбки, которая оживляла снисходительно склонившееся загадочное лицо, возбуждая какія-то острыя, новыя и еще не извѣданныя желанія.

Женщина сказала:

— Оно призываетъ. Смотрите оно призываетъ съ тѣмъ, чтобы насладиться и обмануть.

— Это неправда!—быстро возразилъ мужчина, одинъ изъ каменщиковъ.—Оно всматривается въ тайну и указываетъ путь къ этой тайнѣ. Но, дѣйствительно, его нельзя ни любить, ни ненавидѣть.

И безсознательно они выдѣляли черты, которыя были близки имъ самимъ,—мужчины—мужественныя, а женщины—женственныя,—и тѣмъ безсознательно разрушали то, что очаровывало,—возможное воплощеніе невозможнаго. Но когда женщины отнимали дѣвственную женскую грудь, которая могла бы служить для любви и материнства, — мужественный торсъ становился фальшивымъ и незаконченнымъ. А склоненное лицо издѣвалось надъ этими безпомощными попытками.

Но женщины уже ненавидѣли его.

Лія была здѣсь же, на своемъ мѣстѣ. Когда оживленныя движенія толпы и вся эта суета слишкомъ утомили ее, зрители одинъ за другимъ ушли и мастерская опустѣла. Остался только самъ художникъ, а съ нимъ— Лія и Абела.

Абела не говорила ни слова. Но на ея лбу запечатлѣлось сосредоточенное напряженіе мысли и она, вся проникнутая женственностью, почти съ досадой выслушивала слишкомъ быстрые приговоры другихъ. Ея се-

стры по полу впервые показались ей слишкомъ грубыми.

— Вотъ, ты опять создалъ нѣчто, чѣмъ можемъ гордиться мы всѣ!—съ чувствомъ удовлетворенія сказала Лія. Она слѣдила за работой Коро съ самаго начала, и ей одной было извѣстно, какъ легко, какимъ быстрымъ постиженіемъ, почти сверхъестественнымъ, разрѣшалъ художникъ поставленную самому себѣ задачу.—А ты, какъ будто, недоволенъ, мой любимый?

— Нѣтъ, нѣтъ, я доволенъ. Даже слишкомъ доволенъ. Вѣдь даже взыскательный Акро почти похвалилъ мою работу.

Онъ долго смотрѣлъ Андрогине, исправилъ освѣщеніе, чтобы лицо выступало еще рѣзче. Потомъ круто повернулся къ своимъ друзьямъ и сказалъ:

— Лія, совѣтовала мнѣ не показывать эту вещь до тѣхъ поръ, пока она не будетъ уже стоять на мѣстѣ. Я не послушался—и очень радъ этому. Если бы статуя была поставлена, она уже принадлежала бы всѣмъ. А теперь она принадлежитъ, пока еще, только мнѣ одному,—и я могу сдѣлать съ нею, что хочу.

Говоря это, онъ улыбнулся и только одна Лія взглянула на него тревожно.

— Это недурно сдѣлано,—говорилъ Коро,—но тѣ, которые приходили сейчасъ сюда, сказали мнѣ, что это не вызываетъ ни любви, ни ненависти. И они правы. Никогда мнѣ не случалось видѣть болѣе безразличной вещи,—хотя она и вызываетъ такъ много мыслей. Сдѣлавъ ее, я исполнилъ свой долгъ художника. Но теперь я могу и уничтожить ее.

Онъ привелъ въ движеніе подпорки, на которыхъ держалась статуя, и тяжелая масса рухнула на землю. Мастерская вздрогнула отъ этого удара и отбитая голова покатилась къ креслу Ліи.

— Что ты сдѣлалъ, Коро? Что ты сдѣлалъ?

Лія закрыла лицо руками. Абела засмѣялась. Задумчивое напряженіе исчезло съ ея лица. Коро посмотрѣлъ на этихъ двухъ женщинъ, потомъ на свой уничтоженный трудъ,—и вздохнулъ, хотя не чувствовалъ никакого раскаянія. И если бы Лія могла еще глубже проникнуть въ его мысли, она прочла-бы въ нихъ, что художникъ сейчасъ впервые подумалъ о третьей женщинѣ, которой здѣсь не было. Та, можетъ быть, сейчасъ не заплакала бы и не засмѣялась. Можетъ быть, просто подошла бы со словами утѣшенія и ласки. Или?..

53.

День побѣдилъ. Онъ пришелъ, уже утомленный длительной борьбой съ полугодовой ночью, но съ каждымъ новымъ часомъ силы его возрождались и сквозь его хилую блѣдность иногда проглядывали уже слабые намеки на всемогущество солнца, все выше поднимавшагося на блѣдномъ небѣ.

Маякъ все еще не былъ законченъ, казался такимъ грубымъ, почти безформеннымъ при раздѣвающемъ бѣломъ свѣтѣ. Энергія Вилана упала. Его главный, непримиримый врагъ ушелъ самъ по себѣ, не доставивъ ему долго жданныхъ радостей побѣды. Теперь нужно ждать еще долго, долго,—до слѣдующей зимы, когда снова сгустятся сумерки надъ мертвыми льдами.

День принесъ кое-какія развлеченія, такія-же скудныя, какъ лучи сѣвернаго солнца. Виланъ и пріѣзжіе работники почти не замѣчали слабыхъ перемѣнъ, народившихся съ конца зимы, но Астрея знала здѣсь все, любовалась всѣмъ и посвящала Вилана въ маленькія тайны своей родной сѣверной жизни. Показывала ему

птицъ, прилетѣвшихъ съ юга и устроившихъ гнѣзда у подножья скалъ. Это были неприхотливыя птицы, плохо приспособленныя къ жизни, и на всей землѣ имъ остался только этотъ, сравнительно безопасный уголокъ.

Однажды повела Вилана къ невысокому бугру, неподалеку отъ маяка, и тамъ, на пригрѣтой прогалинѣ, показала ему выглядывавшій изъ-подъ не совсѣмъ еще стаявшаго снѣга блѣдно-голубой цвѣтокъ,—такой жалкій и чужой среди одѣвшаго камни сѣраго лишайника. Но этотъ единственный цвѣтокъ внесъ во всю природу что-то ласковое,—и каждый день Виланъ и Астрея приходили потомъ любоваться его робкой жизнью.

Во время этихъ прогулокъ Виланъ со своей откровенной простотой разсказалъ спутницѣ всю исторію своей жизни, до послѣднихъ дней, до того праздника Весны, на которомъ они встрѣтились. И по мѣрѣ того, какъ разсказывалъ, все спокойнѣе и подробнѣе,—чувствовалъ, что старое горе уже притупилось и отъ многаго, что было такъ остро и живо, остались одни горькія слова безъ переживаній. Въ глубинѣ души онъ даже немножко досадовалъ на это, но не могъ лгать самому себѣ. Потомъ сказалъ и Астреѣ:

— Знаешь, за послѣднее время я чувствую себя совсѣмъ иначе, чѣмъ тогда. Вотъ, я вспоминаю ночь разставанія съ Формикой. Помню, я нажалъ рычагъ, гасившій огни храма, и мнѣ казалось тогда, что вмѣстѣ съ этими огнями я гашу и весь свѣтъ своей жизни.

— А теперь?

— Тогда многія мечты погасли, конечно. Но вѣдь стоитъ повернуть рычагъ въ другую сторону—и онѣ зажгутся снова.

— Для кого же? Или ты все еще вѣришь?

— Нѣтъ. Но нашъ маякъ пока еще теменъ и уродливъ. А ты вѣришь, что въ слѣдующую ночь онъ

вспыхнетъ огнемъ и останется вѣчнымъ памятникомъ нашей работы. Ты вѣришь?

Она посмотрѣла,—не на маякъ, возвышавшійся вдали, а на сумрачное, загрубѣвшее лицо своего спутника. Въ глубинѣ ея темныхъ глазъ отразилось теплое и ласкающее.

— Вѣрю. Но ты долженъ совсѣмъ забыть о Формикѣ. Недавно ты цѣловалъ меня, хотя я и не позволяла тебѣ этого. И мнѣ показалось, что ты поцѣловалъ не меня, а свою мечту. Этого я не хочу.

— О, Астрея, я прошелъ черезъ страданіе и сталъ еще крѣпче, чѣмъ прежде. Но вѣдь я не виноватъ, что у тебя волосы черные, а не золотые.

Она немного подумала, потомъ сказала:

— Если ты такъ хочешь, я могу сдѣлать ихъ свѣтлыми.

Виланъ взглянулъ и уловилъ въ ея глазахъ еще не успѣвшіе погаснуть отблески.

— Не нужно!—сказалъ онъ быстро.—Нѣтъ, не нужно! Мнѣ уже было бы ихъ жаль...

54.

Каждый день къ концу работъ голосъ Павла слабѣлъ и руки у него начали дрожать крупной старческой дрожью. Иногда по нѣсколько разъ повторялъ передъ учениками одно и то же объясненіе, потомъ вдругъ закрывалъ глаза ладонью, останавливался и стоялъ такъ долго, блѣдный и молчаливый. Ученики съ тревогой и участіемъ слѣдили за этой перемѣной. Давно уже ждали ее, потому-что старый Павелъ несъ на себѣ великое бремя годовъ,—но все же страшна была не новая догадка.

Смерть выжидала долго, но, когда ея время пришло,

напала быстро и увѣренно. И остатокъ жизни не былъ уже теперь для Павла безконечно длинной дорогой, за каждымъ поворотомъ которой открываются новыя дали и новыя радости. Конецъ дороги былъ совсѣмъ близокъ,—и старый учитель видѣлъ, что она обрывается на краю пропасти, изъ которой поднимается черный и удушливый дымъ смерти.

Нѣсколько разъ онъ сносился со своимъ другомъ и сверстникомъ,—Лексомъ, но держалъ втайнѣ полученные отъ него отвѣты.

Онъ любилъ уединеніе, и одна только Формика дѣлила съ нимъ одинокіе вечерніе часы. Онъ давалъ ей послѣднія указанія по поводу завѣщанной работы, а когда утомлялся,—оба умолкали, и одинаково грустны были ихъ думы,—думы о жизни и думы о смерти. Но горе Формики блѣднѣло вблизи этой старческой скорби, такой простой и такой величественной.

Старикъ уловилъ сожалѣющій взглядъ ученицы и сказалъ ей:

— Мнѣ не страшна смерть, Формика. Я боюсь только, какъ бы моя мыслительная способность не изсякла слишкомъ рано. Старое тѣло еще будетъ жить,—будетъ бременить землю съ лишенной разума безцѣльностью,—а мысль уже погибнетъ. Этого не должно случиться. Я надѣюсь на тебя, Формика.

Она молча наклонила голову.

— Я надѣюсь на тебя. Когда часъ пробьетъ, и разумъ покинетъ меня окончательно,—ты знаешь уже, что ты должна сдѣлать.

— Мнѣ тяжело говорить объ этомъ, учитель, но я понимаю тебя и сдѣлаю все, что нужно. Вся твоя жизнь—какъ красивое, стройное зданіе, и нужно, чтобы это зданіе было достойно завершено. Но я надѣюсь, что моей помощи не понадобится. Ты пробудешь съ нами еще не

одинъ день, а потомъ уйдешь спокойно и безболѣзненно.

— Я тоже хочу вѣрить... Но теперь иди къ себѣ, мое дитя. Я усталъ.

Возвращаясь домой, Формика встрѣтила въ сумракѣ какого-то человѣка, не похожаго ни на одного изъ учениковъ Павла. Она хотѣла пройти мимо, но человѣкъ окликнулъ ее по имени и она остановилась. Вглядѣлась пристальнѣе и спросила съ легкимъ недоумѣніемъ:

— Кто ты? Я никогда не встрѣчала тебя.

— Меня трудно было бы встрѣтить, потому-что больше половины своей жизни я провелъ на одномъ мѣстѣ, какъ устрица въ своей раковинѣ. Но тебя я знаю, Формика. О тебѣ мнѣ много говорили твои друзья.

— Мои друзья?

— Да. Коро и Лія.

— Они просили тебя сообщить мнѣ что-нибудь?

— Ничего, кромѣ того, что они счастливы.

— Это я знаю.

Ей не нравился этотъ незнакомый человѣкъ, и въ его словахъ, какъ будто, сквозила насмѣшка. Она пошла своей дорогой, но человѣкъ нагналъ ее и она слышала за своей спиной его тяжелые, неровные шаги. И, такъ какъ онъ слѣдовалъ за нею до самыхъ дверей ея комнаты, и, кромѣ того, могъ разсказать что-нибудь новое о ея друзьяхъ, она предложила ему войти.

Здѣсь она разглядѣла его подробнѣе,—невысокаго, сутуловатаго, съ огромной головой на слабомъ туловищѣ. Его одежда непривычнаго покроя была сдѣлана изъ прекрасной матеріи, но не красила его лица, которое смотрѣло загадочно и враждебно.

— Меня зовутъ Висъ! — сказалъ человѣкъ. — Твои друзья отдыхали послѣ работы на томъ островѣ, гдѣ я жилъ все время. И если ты любишь красивыя ткани,—

вродѣ той, которая надѣта на мнѣ,—ты должна знать кое-что и обо мнѣ.

Она не разспрашивала его ни о чемъ, но онъ разсказалъ ей самъ, неторопливо выбрасывая слово за словомъ, что уединеніе острова дало ему уже все, что только могло дать, и поэтому онъ рѣшилъ покинуть свое привычное пристанище. И онъ долго скитался по всей землѣ, пока не добрался случайно до горнаго жилища стараго Павла. Суета міра опять уже успѣла ему прискучить. Поэтому онъ рѣшилъ пробыть нѣкоторое время здѣсь, въ этомъ красивомъ уединеніи,—тѣмъ болѣе, что здѣсь живетъ Формика, о которой онъ такъ много слышалъ.

Она чувствовала, что въ его словахъ правда перемѣшана съ ложью, изъ всего его существа исходило что-то отвращающее. Но она никогда еще не встрѣчала такихъ людей и потому неожиданный гость заинтересовалъ ее.

Онъ разсказывалъ потомъ еще о дняхъ отдыха художниковъ, о ихъ прогулкахъ въ горы, о ихъ вечерахъ на берегу залива. Можно было подумать, слушая мелкія подробности его разсказа, что онъ не покидалъ ихъ ни на одну минуту. И онъ говорилъ еще о красотѣ Ліи которая поражала его, и о нѣжной и страстной любви художника и его подруги.

Конечно, онъ говорилъ правду. Такъ должно было быть,—и вѣдь Формика сама видѣла, что такъ и было на самомъ дѣлѣ. И все-таки—въ каждомъ словѣ Виса слышалась ложь. И случайно у нея вырвался вопросъ:

— Они любили тебя? Ты такъ много знаешь о ихъ жизни. И вѣдь они такіе хорошіе люди, что ихъ нельзя не любить.

Висъ отвѣтилъ спокойно и улыбнулся одними гу-

бами,—а глаза и все лицо оставались у него неподвижными, вырѣзанные изъ дерева:

— Нѣтъ, они не любили меня. Они были слишкомъ счастливы, а я плохо уживаюсь со счастливыми людьми. Но островъ не великъ, а у меня было достаточно свободнаго времени. Я видѣлъ ихъ и въ минуты, когда они не подозрѣвали о моемъ присутствіи. Тѣмъ глубже могъ я проникнуть во всѣ ихъ интимныя тайны.

— Скажи же, Висъ, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ? А я знаю, что ты пришелъ не случайно: все время я чувствовала ложь въ твоихъ словахъ.

— Я не знаю. Если бы я былъ привлекательнѣе и если бы у меня была красивая душа, я пришелъ бы къ тебѣ затѣмъ, чтобы ты полюбила меня. Но я уродливъ и всюду возбуждаю только ненависть. Я не могу веселиться вашими радостями, не могу плакать вашими слезами, потому что я чуждъ вамъ такъ-же, какъ и вы мнѣ. И я не знаю, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ. Можетъ быть, только затѣмъ, чтобы и ты возненавидѣла меня.

— Я не хочу больше говорить съ тобою, Висъ. Уходи.

— Не прогоняй меня такъ скоро. Ты такъ же пылка, какъ и твои товарищи. А между тѣмъ, я знаю, что ты страдаешь и работаешь здѣсь только для того, чтобы забыться,—вѣдь ты любишь Коро. Я тоже одинокъ и не такъ уже счастливъ, какъ ты, можетъ быть, думаешь. Я усталъ отъ непривычныхъ путешествій. Если я пробуду здѣсь еще нѣсколько дней,—ты ничего не потеряешь. А можетъ быть, мы найдемъ нѣсколько общихъ точекъ, на которыхъ наши мысли встрѣтятся. Потомъ я уйду своей дорогой, а ты можешь ненавидѣть меня и разсказывать своимъ друзьямъ, какъ я былъ гадокъ и навязчивъ.

Формика была утомлена. Болѣзнь Павла еще болѣе

отягощала ея собственное горе и ей хотѣлось сейчасъ только одного,—одиночества. Деревянное лицо гостя раздражало ее. И, чтобы избавиться отъ него поскорѣе, она сказала:

— Хорошо, ты можешь придти ко мнѣ, если останешься здѣсь на нѣсколько дней. Но пока—уходи.

И онъ ушелъ, довольный и, какъ будто, даже благодарный. Формика опустила голову на листы вычисленій, которыми былъ заваленъ ея столъ и заплакала. Утро застало ее за тѣмъ же столомъ, и пряди золотыхъ волосъ падали со стола на полъ, какъ огненныя струи въ мечтахъ Вилана.

55.

Роковой часъ, какъ будто, замедлилъ: здоровье Павла нѣсколько улучшилось. Ученики опять видѣли его почти бодрымъ, съ юношеской быстротой движеній и молодымъ огнемъ въ глазахъ. Но всѣ знали, не исключая и самаго учителя, что это улучшеніе—только временная отсрочка.

Старались использовать какъ можно полнѣе послѣдніе уроки учителя.

У Формики было теперь еще больше дѣла, чѣмъ прежде. Часы ея отдыха совсѣмъ сократились. Неожиданный гость не встрѣчался ей уже нѣсколько дней. Случайно вспомнивъ о немъ, Формика рѣшила, что Висъ уже уѣхалъ. Вздохнула облегченно при этой мысли, но въ самой глубинѣ сознанія шевельнулось нѣчто вродѣ сожалѣнія. Было что-то новое въ его рѣчахъ и поступкахъ, и почти жаль было разстаться съ нимъ, не разгадавъ это новое.

Рано засыпали въ горномъ жилищѣ, чтобы подняться при первыхъ лучахъ солнца.

Формика уже лежала, когда чужіе шаги за дверью прогнали ея дремоту. Она прислушалась и прежде, чѣмъ шаги остановились у самой ея двери, узнала Виса.

— Зачѣмъ ты не пришелъ раньше, Висъ?—сказала она, когда пришедшій окликнулъ ее по имени.—Уже ночь, а завтра мнѣ предстоитъ много работы.

— Позволь мнѣ повидать тебя. Я не задержу тебя долго.

— Войди.

Онъ вошелъ,—такой же, какъ и въ свое первое посѣщеніе, и даже въ той же самой одеждѣ изъ красивой ткани, которая совсѣмъ не подходила къ его некрасивому, сѣрому лицу и сгорбленной фигурѣ. Сѣлъ поодаль отъ Формики, въ другомъ концѣ комнаты, и лицо его осталось въ тѣни.

— Да, я уѣзжалъ. Но вернулся снова, потому что послѣ нашей первой встрѣчи у меня сохранилось хорошее воспоминаніе, которое звало меня обратно.

— Хорошее воспоминаніе? Я не могу сказать этого о себѣ. Мнѣ кажется, что ты напрасно вернулся, Висъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, и еще сильнѣе сгорбился, сидя въ своемъ темномъ углу. Во всей его позѣ было что-то безнадежно тоскливое, что-то такое, отъ чего сердце Формики сжалось участіемъ. Ей показалось теперь, что этотъ человѣкъ, прежде всего, очень несчастенъ, и поэтому не слѣдуетъ его отталкивать, разъ онъ уже пришелъ за помощью.

— Твои друзья не любили меня, Формика, и, можетъ быть, ты тоже имѣешь это право на ненависть, хотя теперь, мнѣ кажется, ты стоишь ближе ко мнѣ, чѣмъ къ тѣмъ радостнымъ людямъ. Да, да. Тотъ, кто плачетъ, только мѣшаетъ другимъ радоваться. Я вообще никогда не умѣлъ любить, Формика. И чтобы не имѣть

никакого дѣла съ тѣми, кто окружалъ меня, я ушелъ въ глубь вѣковъ, я старался воскресить тѣхъ, чьи мысли давно уже умерли и забыты. Тамъ, въ этой старинѣ, я нашелъ многое, что мнѣ нравилось больше, чѣмъ наше настоящее. Я почти сроднился съ прошлымъ. Я видѣлъ тѣхъ, кого воскресилъ, я понималъ каждый изгибъ ихъ мысли, я понималъ всю ихъ жизнь, суровую и жестокую, но полную переживаній и чувствованій, которыя чужды намъ, счастливымъ побѣдителямъ земли. Но когда я хотѣлъ подойти къ нимъ еще ближе, когда я хотѣлъ осязать ихъ,—все таяло, какъ миражъ. Я—настойчивый человѣкъ. Я долго боролся, но, наконецъ, понялъ, что всю жизнь гнался за обманомъ. Но теперь мнѣ уже поздно перебираться на другую дорогу, переходить къ вамъ, побѣдителямъ. Я чужой также и вамъ. Вотъ, теперь я покинулъ свое уединеніе и скитаюсь по всей землѣ, не видя передъ собой никакой цѣли. И каждый, къ кому я прихожу, незванный и нежеланный, имѣетъ право отогнать меня прочь. Далеко не всѣ такъ терпѣливы и снисходительны, какъ ты, Формика. А счастливые люди—самые жестокіе. И твои друзья не захотѣли имѣть со мной ничего общаго еще въ то время, когда я жилъ на своемъ островѣ и переживалъ свои послѣднія сомнѣнія. Теперь у меня ничего, почти ничего не осталось, Формика.

— Мнѣ жаль тебя, Висъ. Но мнѣ кажется, что ты самъ виноватъ въ своемъ несчастьѣ. И я не знаю, чѣмъ я могла бы помочь тебѣ.

— А развѣ я прошу помощи? Развѣ сильному можетъ помочь слабый? Вѣдь я, все же, сильнѣе тебя, Формика, потому что въ тебѣ, несмотря ни на что, живутъ еще свѣтлыя надежды, а я смотрю на свою жизнь прямо и открыто и не хочу никакихъ обмановъ. Я пришелъ къ концу и вижу, что мнѣ нѣтъ никакого выхода. Всегда

я останусь такимъ, каковъ я есть, наединѣ съ самимъ собою.

— Есть выходъ и изъ безнадежности.

— Не для всѣхъ. Если ты говоришь о смерти—то это рѣшеніе совсѣмъ не удовлетворяетъ меня. Смерть—это только ничто, это—отказъ, это—сдача передъ врагомъ, а не побѣда. Или, можетъ быть, ты говоришь о томъ рѣшеніи, къ которому пришла ты сама, объ упорномъ трудѣ до самозабвенія, до полнаго отказа отъ своей личности? Нѣтъ, и это не для меня. И скажи мнѣ, развѣ ты стала счастливѣе здѣсь, у Павла? Развѣ твои страданія смягчились?

Разговаривая, онъ всталъ и подошелъ ближе къ Формикѣ и теперь казался не такимъ горбатымъ и уродливымъ, а на его сѣрыхъ щекахъ появилась краска. Но когда онъ подошелъ совсѣмъ близко, Формика отступила назадъ и гость замѣтилъ это движеніе.

Онъ остановился и щеки его опять поблѣднѣли и онъ заговорилъ совсѣмъ спокойно:

— Я не хочу смерти,—и когда она придетъ ко мнѣ я встрѣчу ее съ ненавистью, какъ своего злѣйшаго врага, буду яростно бороться съ нею до послѣдняго вздоха. Зачѣмъ скрывать? Да, я боюсь умереть, меня пугаетъ, а не радуетъ, то черное ничто, которое неизбѣжно ждетъ меня. Это не избавленіе, а послѣдній плѣнъ. Не спокойствіе, а леденящій ужасъ. И я не хочу трудиться для тѣхъ, кого я не люблю и кому я чуждъ, и безцѣльный трудъ не принесетъ мнѣ ничего, кромѣ усталости. Но для меня слишкомъ тяжела и та жизнь, которой я принужденъ жить, ея бремя слишкомъ гнететъ мои плечи. Гдѣ выходъ?

Онъ не ждалъ отвѣта отъ взволнованной, почти испуганной женщины, и продолжалъ послѣ короткой паузы:

— Тѣ, съ чьими мертвыми тѣнями я прожилъ такъ долго, тѣ, чьи забытыя мысли я воскресилъ въ своемъ уединеніи,—они оказали мнѣ помощь. Они были, въ свое время, ничтожны и слабы въ своемъ дѣтскомъ невѣжествѣ, опутанные суевѣріемъ и дикими предразсудками. Слѣпая стихійная сила давила ихъ, какъ червяковъ, и они гибли такъ же покорно и безслѣдно, какъ раздавленные черви. Но они дали мнѣ то оружіе, отъ котораго отказались вы, гордые, и я заострилъ это оружіе силой вашего знанія. Ты ищешь забвенія и мнѣ оно также необходимо болѣе, чѣмъ воздухъ и вода. Но если бы вы отбросили прочь вашу нелѣпую гордость побѣдителей, — вы тоже давно уже вспомнили бы о моемъ оружіи объ этомъ лекарствѣ, излечивающемъ отчаяніе. Забвеніе, которое можно вызвать по желанію каждую минуту, забвеніе, не похожее ни на сонъ, ни на смерть, ни на презрѣнную жизнь,—что можетъ быть лучше? И послѣ часовъ этого сладостнаго отдыха рождаются новыя силы, чтобы попрежнему влечь себя по пути жизни,—до новыхъ радостныхъ часовъ.

— Если бы было такъ, какъ ты говоришь, то я первая поблагодарила бы тебя!—сказала Формика, послѣ того, какъ онъ замолчалъ и опять сѣлъ, сѣрый и сгорбленный, въ темномъ углу.

Висъ вынулъ изъ своей походной сумки большой прозрачный флаконъ старинной формы, украшенный наивно-грубой гравировкой. Флаконъ былъ наполненъ какой-то жидкостью темнокоричневаго цвѣта, непріятной на видъ.

— Что это?

— Это забвеніе.

— Ядъ? Но вѣдь ты боишься смерти.

— Да, это ядъ, потому-что принятый въ большой дозѣ онъ убиваетъ,—не слишкомъ быстро и потому му-

чительно. Но нѣсколько капель даютъ лишь именно то забвенiе, о которомъ я говорилъ тебѣ.

— И ты взялъ секретъ этого состава у тѣхъ, которые умерли?

— О, не совсѣмъ... Они добивались приблизительно того же результата при помощи средствъ слишкомъ грубыхъ и несовершенныхъ. Я взялъ у нихъ почти одну только идею. И я создалъ опъяняющiй напитокъ, который они могли бы назвать напиткомъ боговъ.

Онъ поднесъ флаконъ ближе къ свѣту и смотрѣлъ на темную жидкость съ тою же спокойной и увѣренной гордостью, съ какой художникъ смотритъ на свое удачное произведенiе.

— Не особенно трудно было достичь этого. Въ сущности, я только удачно скомбинировалъ уже давно извѣстное. Но нѣсколько капель этой жидкости даютъ покой и радость, онѣ посылаютъ волшебныя грезы,— и разъ познавъ это наслажденiе ты будешь возвращаться къ нему снова и снова. Этого флакона хватитъ тебѣ на всю жизнь.

— Мнѣ? Но неужели ты думаешь...

— Я увѣренъ, Формика. Если бы я не былъ увѣренъ, что ты ищешь именно то, что я принесъ тебѣ, я не сталъ бы искать тебя по всему свѣту. Ты спросишь, какъ я узналъ вообще о твоемъ существованiи? Но вѣдь о тебѣ такъ много разсказывали твои друзья. И изъ ихъ разсказовъ я понялъ, что тебѣ стоитъ помочь. Мнѣ нѣтъ никакого дѣла ни до счастливыхъ, увѣренныхъ въ себѣ, ни до равнодушныхъ, которые спокойны только потому, что не сознаютъ своего несчастья. Но я ищу и нахожу тѣхъ, кому, какъ мнѣ, нужно забвенiе,—и я дарю имъ свой напитокъ. Я дѣлаю это не изъ любви къ добру, не изъ сочувствiя къ ихъ страданiямъ.

Мнѣ просто нравится, когда кто-нибудь, продолжая меня ненавидѣть, благословляетъ мое имя.

— Мнѣ кажется, Висъ, что ты задумалъ ужасное. Я вижу это по твоему лицу. Убери флаконъ. Я не хочу видѣтъ это отвратительное снадобье.

— Флаконъ останется у тебя. Пяти капель въ стаканѣ воды вполнѣ достаточно, чтобы вызвать все, обѣщанное мною. Ты увидишь на яву волшебные сны, твое тѣло перестанетъ тяготить тебя. Мой языкъ слишкомъ неповоротливъ, чтобы изобразить все это блаженство. Отвѣдай одинъ разъ и ты узнаешь сама. Потомъ ты вернешься изъ міра забвенія свѣжая и бодрая, но съ той минуты грезы будутъ для тебя единственной разумной дѣйствительностью, а часы обыденной жизни— только часами ожиданія, нетерпѣливаго ожиданія блаженства.

— И ты... Не ко мнѣ первой ты пришелъ?

— О, нѣтъ. Но другіе съ жадностью вырывали у меня изъ рукъ этотъ напитокъ, какъ только я успѣвалъ разсказать имъ о его силѣ. Ты колеблешься. Вотъ, я оставлю флаконъ здѣсь. Тебѣ стоитъ только протянуть руку, — и ты возьмешь его. Хватитъ на цѣлую жизнь, говорю я. Помни: только по пяти капель. Больше не нужно. Теперь уже поздно, я ухожу. Спи спокойно.

Его тяжелые, невѣрные шаги заглохли въ сырой тишинѣ. Опьяняющій напитокъ, который поможетъ сбросить тажесть страданій, стоялъ передъ Формикой. Почти машинально она откупорила флаконъ. Какъ будто кто-то властный приказалъ ей,—и она повиновалась. Отъ напитка исходилъ сладковатый запахъ, похожій на знакомый запахъ увядающей травы. Пять капель.

А если испытать? Если Висъ правъ?

Она ничего не потеряетъ, если даже напитокъ не дастъ ей обѣщаннаго блаженства. Можетъ быть, Висъ—

простой обманщикъ, а вся его исторія — неумѣстная шутка.

Но такъ не лгутъ. Лжива сама та правда, которой онъ служитъ, но не лживы слова.

Медленно, еще не совсѣмъ обдумавъ то, что она дѣлаетъ, Формика наполнила водой стаканъ, потомъ влила туда нѣсколько капель напитка. Вода слегка замутилась, приняла жемчужный оттѣнокъ. Пряный запахъ сдѣлался легче.

Она закрыла глаза, поднесла стаканъ ко рту и сквозь опущенныя вѣки увидѣла сѣрое лицо гостя, которое насмѣшливо улыбалось и, какъ будто, жадно слѣдило за ея движеніями. Тогда, не отвѣдавъ ни одного глотка она закрыла глаза и бросила стаканъ въ другой уголъ комнаты, въ тотъ самый, гдѣ только что сидѣлъ Висъ.

Потомъ взяла флаконъ и вышла изъ своего жилища. Прошла по узкой горной тропинкѣ, которая вела къ каменистому обрыву. Дошла до обрыва и бросила флаконъ внизъ. Еще не долетѣвъ до дна ущелья, онъ ударился объ камень и разбился съ хрустальнымъ звономъ.

56.

Лія съ утра чувствовала себя не совсѣмъ здоровой. Коро возможно удобнѣе устроилъ ея ложе въ мастерской и, чтобы не раздражать больную стукомъ металла по камню, оставилъ на время работу надъ новой статуей и занялся рисованіемъ этюдовъ для дальнѣйшихъ работъ.

Это занятіе понемногу увлекло его, и онъ вздрогнулъ отъ неожиданности, когда Лія позвала его глухимъ и хриплымъ голосомъ:

— Мнѣ дурно, Коро... Подойди ко мнѣ.

Онъ увидѣлъ, что лицо ея поблѣднѣло и капельки пота блестѣли на лбу. Она плотно сжала губы, чтобы не стонать. Но онъ не понялъ сразу, что съ ней, такое и спросилъ растерянно:

— Чѣмъ я могу помочь, Лія? Тебѣ больно?

— Меня нужно перевести отсюда. Это—начало.

Тогда Коро бросился на поиски Акро, такъ какъ чувствовалъ, что самъ онъ слишкомъ взволнованъ чтобы предпринять что-нибудь. Приближающіеся роды не грозили Ліи никакой опасностью и, при желаніи больной, могли быть сдѣланы совсѣмъ не мучительными, но старый инстинктъ, инстинктъ мужа, страдающаго за жену всѣми муками рожденія, заговорилъ въ немъ. Разыскавъ Акро, онъ отправилъ его къ своей подругѣ, а самъ медленно побрелъ слѣдомъ за нимъ, чтобы наединѣ собраться съ силами.

Онъ нашелъ Лію въ новомъ помѣщеніи, предназначенномъ для родовъ, и слышалъ, какъ она говорила врачу:

— Нѣтъ, я не хочу. Пусть мнѣ будетъ больно. Иначе, мнѣ кажется, я не такъ сильно его буду любить.

И онъ видѣлъ, что ея лицо, искаженное пронизывающей болью, въ то же время свѣтилось чистой радостью,—радостью желанной жертвы.

Коро наклонился надъ ея изголовьемъ, но она закрыла глаза.

Онъ видѣлъ, какъ судороги сокращаютъ ея члены и хотѣлъ говорить ей слова жалобы и участія, но кто-то взялъ его за руку и онъ послушно пошелъ прочь за маленькой Абелой.

— Тебѣ не нужно сейчасъ быть тамъ. Ты уже блѣденъ, какъ мраморъ Мары. Не слѣдуетъ создавать

больной одно только лишнее безпокойство. Вѣдь сейчасъ она страдающая мать, а не подруга.

Она увела его къ себѣ и старалась развлечь своими шутками и веселой болтовней, но онъ едва улавливалъ шелестъ ея словъ и ему казалось, что и сюда доносятся сдавленные стоны его любимой.

Наконецъ, замолчала и Абела. И когда новый, громкій вопль достигъ и до ея слуха, она тоже поблѣднѣла спрятала кисти рукъ подъ вышитый плащъ и сказала:

— Мы никогда не избавимся отъ него,—отъ этого вѣчнаго проклятія женщины. Но мнѣ нравится, что Лія приняла на себя это проклятіе добровольно. Я такъ ничтожна въ сравненіи съ нею... Ты долженъ быть очѐнь счастливъ, Коро.

Но ему казалось сейчасъ, что онъ оченъ несчастенъ,— и что онъ совершилъ какое-то преступленіе противъ своей возлюбленной.

57.

— Онъ уже улыбается, увѣряю тебя, что онъ улыбается!

И Лія поднимала высоко къ верху въ своихъ сильныхъ рукахъ грудного ребенка, который щурился отъ яркаго свѣта.

— Развѣ онъ улыбается? Я не вижу.

— Это такъ ясно. Ты просто не хочешь видѣть. Онъ улыбается и знаетъ уже свою мать. Свою мать. Ты слышишь, Коро?

— Да, да. Конечно, онъ долженъ знать тебя. Вѣдь ты не оставляешь его ни на минуту.

— А какъ же я могу его оставить? Всетаки, онъ еще такой слабый и маленькій. Должно быть, такъ трудны первые шаги его жизни.

Коро работалъ. Иногда онъ взглядывалъ разсѣяннымъ, скользящимъ взглядомъ на свою подругу и на своего сына, который лежалъ теперь на рукахъ матери, потому-что она собиралась кормить его грудью, Ребенокъ родился крупный и здоровый, но когда Коро въ первый разъ увидалъ его, онъ показался ему такимъ безобразнымъ, что художникъ едва сдержалъ гримасу отвращенія.

Такъ вотъ онъ, плодъ ихъ любви, красивой любви,— это маленькое существо съ красной кожей и тонкимъ пухомъ на продолговатой головѣ. И вообще, все это было такъ безобразно,—самое рожденіе и первые дни ребенка,—и все это внесло въ отношеніе къ Ліи не только новую связь, не только новую радость. Теперь что-то должно было измѣниться. Первый періодъ любви кончился,—и Коро не зналъ еще насколько хорошъ будетъ второй.

Лія дала ребенку грудь полную молока.

Теперь подруга художника была стройна, какъ прежде, но глазъ Коро улавливалъ въ ея фигурѣ почти неуловимыя измѣненія, которыя были новы для него и потому чужды.

— Ребенокъ испортитъ твое сложеніе!—сказалъ онъ невольно.—Особенно, если ты будешь слишкомъ долго кормить.

Она подняла на него удивленные глаза.

— Такъ что же? Вѣдь такъ нужно и всегда такъ бываетъ. И потомъ я постараюсь, конечно, подурнѣть какъ можно меньше. Развѣ не стоитъ этотъ ребенокъ частицы моей красоты?

Она предполагала, что такъ простъ и естественъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но Коро думалъ иначе. Онъ сомнѣвался. И, чтобы скрыть свое смущеніе, сдѣлалъ видъ, что весь погрузился въ работу.

Онъ не ожидалъ, что такъ трудно будетъ разобраться во всѣхъ этихъ чувствахъ, такихъ новыхъ и непривычныхъ. Гордость отцовства и сожалѣніе о прошломъ, когда никто еще не стоялъ между нимъ и Ліей. И главное,—иные, чѣмъ прежде, оттѣнки въ любви Ліи, еще не разгаданные.

Недавно онъ говорилъ обо всемъ этомъ съ Абелой. Подѣлился съ нею своими тревогами и сомнѣніями и замѣтилъ, что она возражаетъ ему не совсѣмъ увѣренно.

— Ты сама чувствуешь, что здѣсь есть не одно только хорошее, Абела. Не слишкомъ ли рано онъ родился? Право, я еще не умѣю любить его такъ, какъ Лія.

— Ты полюбишь. Онъ привлечетъ тебя первыми проблесками сознанія, быстрымъ подъемомъ отъ безсмысленнаго животнаго къ человѣку. Вѣдь это такъ интересно,—слѣдить за рожденіемъ мыслей въ его дѣвственномъ мозгу.

— Я не воспитатель, Абела. Я только художникъ. И я почти никогда не изображалъ дѣтей, потому-что не знаю ихъ. Они мало интересовали меня, какъ все недоразвитое, недодѣланное... А сегодня я попросилъ Лію дать отзывъ объ одномъ моемъ маленькомъ наброскѣ. Она едва взглянула, сказала: хорошо!—и заговорила о ребенкѣ. А набросокъ былъ совсѣмъ не хорошъ. Я самъ зналъ это и спросилъ только для того, чтобы узнать, сохранилось ли попрежнему хотя бы ея участіе въ моихъ работахъ.

— Навѣрное современемъ все измѣнится къ прежнему.

— Ты думаешь? Я хотѣлъ бы, чтобы такъ было. Иначе...

Онъ помолчалъ немного, потомъ спросилъ, не докончивъ начатой фразы:

— Ты давно не получала никакихъ извѣстій отъ Формики?

— Ну, мы сносимся съ нею почти каждый день. Она много работаетъ, какъ и всѣ ученики Павла, который, должно быть, скоро умретъ. Но она успѣваетъ слѣдить и за нашей работой... Почему ты спросилъ о Формикѣ? Вѣдь ты давно уже не говорилъ про нее ни одного слова.

— Не знаю. Это вышло случайно. Мнѣ просто вспомнился почему-то весь ея золотой обликъ и ея смѣхъ,— веселый смѣхъ.

— Теперь она рѣдко смѣется.

— А Лія не смѣется почти никогда. Она только улыбается. У нея такая прекрасная улыбка. Прежде она улыбалась мнѣ одному. А теперь еще и ребенку. Скажи мнѣ, это — совсѣмъ новая любовь, — или Лія перенесла на сына часть той любви, которая принадлежала до сихъ поръ только мнѣ одному?

Абела разсѣянно вертѣла въ рукахъ какой-то маленькій острый инструментъ. Подняла глаза, улыбнулась и сказала:

— Взгляни.

Къ нимъ шла Лія съ ребенкомъ на рукахъ, закутанная складками своей любимой бѣлой одежды. Шла легкой и быстрой поступью и осторожно несла свое неоцѣнимое сокровище и сливалась съ нимъ въ одно цѣлое, какъ олицетвореніе прекраснаго материнства.

— Взгляни! — повторила Абела. — Есть ли на землѣ что-нибудь лучшее?

— Ты права! — сказалъ Коро. — И мои жалкія слова были недостойны моей подруги.

Онъ пошелъ къ ней навстрѣчу. Абела осталась на мѣстѣ и смотрѣла, какъ тѣ двое привѣтствовали другъ друга. Ей вспомнились дни на берегу залива, — и она поняла, что тó, дѣйствительно, минуло навсегда.

58.

— Еще немного дней, — и вашей постройкѣ конецъ. Ты найдешь себѣ что-нибудь новое. Ни одинъ день твоей жизни не пройдетъ пустымъ, неисписаннымъ листкомъ. А я не знаю, что буду писать на слѣдующихъ страницахъ. Я останусь такимъ, каковъ я сейчасъ.

— Ты сдѣлался скученъ, Кредо. Нельзя такъ часто жаловаться на судьбу.

Мара не въ духѣ. У нея только-что было маленькое столкновеніе съ товарищами по работѣ. Товарищи доказали свою правоту и она принуждена была уступить, — а Мара не любила уступать кому-бы то ни было.

Теперь Кредо сидитъ, какъ обычно, у ея ногъ, положивъ голову къ ней на колѣни, но каменщица разсѣянно вслушивается въ его рѣчи. Ея мысли далеки отъ его жалобъ и безсвязныхъ мечтаній. Но Кредо, не замѣчая этого, продолжаетъ говорить, потому-что онъ слишкомъ занятъ самимъ собою.

Онъ говоритъ, что жизнь даетъ все меньше и меньше пищи его творчеству. Тамъ, въ сосновомъ лѣсу... тамъ было лучше. Онъ и больной Галъ стояли тогда въ сторонѣ отъ общаго потока жизни. Ихъ души развивались самостоятельно и, когда наступало время, мысли сами собою выливались изъ души, какъ вода изъ переполненнаго сосуда. А здѣсь слишкомъ чуждо и суетливо. То, что зарождается, онъ не успѣваетъ еще облечь въ форму, когда что-то новое уже приходитъ и перевертываетъ ненаписанную страницу.

И, наконецъ, слишкомъ мало трогаютъ его всѣ эти великолѣпныя зданія, эта безличная роскошь, такъ похожая на площадное самохвальство. Слишкомъ много пищи для чувства, для грубаго чувства и мало — для

мысли, потому-что все уже обдумано и взвѣшано заранѣе и величина художественнаго впечатлѣнія учтена научными таблицами. Можетъ быть, красота живетъ. Можетъ быть, даже именно теперь она царствуетъ надъ міромъ. Но тихая поэзія, тихая лирика умираетъ.

— Право, ты скученъ. Зрѣлище смерти въ свое время приводило тебя въ отчаяніе. Я показала тебѣ жизнь, но тогда ты началъ тосковать о смерти. Я помню сказку, которую ты разсказывалъ намъ у костра. Мнѣ и тогда уже она не слишкомъ нравилась, а теперь я вижу, что кости мертвыхъ для тебя, всетаки, ближе, чѣмъ пѣсни живыхъ. Но я сама, мой дорогой, — я не хочу думать о смерти. Можетъ быть, я—слишкомъ простая натура, но жизнь представляется мнѣ достаточно заманчивой.

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе, чтобы Кредо, наконецъ, поднялъ голову и посмотрѣлъ ей прямо въ лицо, но писатель остался сидѣть, какъ былъ, и проговорилъ безучастнымъ, монотоннымъ голосомъ, какъ будто обращаясь только къ самому себѣ:

— Я слышалъ: появился недавно какой-то человѣкъ, который презираетъ всю вашу дѣятельность и находитъ, что люди ничего не добились своимъ прославленнымъ прогрессомъ. И къ больнымъ духомъ онъ приходитъ, какъ врачъ. Даетъ имъ чудесное лекарство, приносящее утѣшеніе и радость.

— Одна изъ твоихъ сказокъ?

— Нѣтъ, дѣйствительность. Говорятъ, онъ былъ не такъ давно и здѣсь, у нашей постройки, — но, должно быть, не нашелъ здѣсь никого, кто нуждался бы въ его помощи. Какъ жаль, что я не встрѣтилъ его...

— Хорошо. Оставь меня, если ты находишь, что я ничего не дала тебѣ, и ступай къ этому врачу, чтобы онъ исцѣлилъ тебя отъ твоего безумія.

Тогда только онъ поднялъ голову.

— Ты сердишься? Такъ нехорошо звучитъ твой голосъ. Онъ похожъ на скрипѣніе рѣзца, обрабатывающаго скалу.

— Не все ли тебѣ равно, люблю я тебя или презираю? Вѣдь ты занятъ только самимъ собой.

— О, какъ будто ты не знаешь, что я никогда не могу уйти отъ тебя. Но если бы тотъ человѣкъ встрѣтился мнѣ случайно...

— Тогда?

— Я попросилъ бы его... Не смотри на меня такъ. Мнѣ кажется, что ты, дѣйствительно, меня ненавидишь.

— Не тебя. Только твое ничтожество. Только ту робость, которая проглядываетъ въ каждомъ твоемъ движеніи. А вѣдь одни смѣлые владѣютъ міромъ.

— Для смѣлости нужна сила. И зачѣмъ мнѣ вашъ міръ? Я не хочу его. Конецъ и начало всего—во мнѣ. Мнѣ кажется, что міръ возникъ со мною вмѣстѣ—и вмѣстѣ со мной онъ умретъ. Для меня только это сознаніе—дѣйствительность.

— Какъ ты старъ, мой бѣдный Кредо! Ты подбираешь старые объѣдки и питаешь ими свою мысль. Тебѣ нужно быть поближе къ молодости. Посмотри на ребенка Ліи: какъ разъ теперь онъ завоевываетъ міръ, который ты отрицаешь. И развѣ не беретъ онъ теперь, какъ свое, и все то, что завоевано уже длиннымъ рядомъ поколѣній? И развѣ не пріобщается онъ этимъ къ тому единому, что безсмертно? А ты,—ты такъ же, какъ и всѣ, пользуешься трудами другихъ, но не чувствуешь этихъ другихъ въ своемъ сердцѣ. Мнѣ думается, мы скоро разойдемся, Кредо.

— Старая игрушка пріѣлась?—спросилъ съ горечью писатель.

Когда Мара ушла, онъ не послѣдовалъ за нею и

мысль о возможной разлукѣ не особенно угнетала его. Онъ думалъ:

— Если бы мнѣ удалось встрѣтить того человѣка... Если бы мнѣ удалось его встрѣтить...

59.

Изъ нестройнаго хаоса — гармоничное цѣлое. Изъ груды камня и металла, изъ дикаго безпорядка, болѣе похожаго на разрушеніе, чѣмъ на творчество—стройное зданіе, обширное и величественное. Тамъ, гдѣ мѣшала гора—ее скрыли. Глубокую долину, которая портила видъ своей унылой пустотой, засыпали до краевъ и новый лѣсъ появился тамъ, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ былъ только каменистый пустырь. Теперь и пейзажъ составлялъ одно общее со зданіемъ. Они дополняли другъ друга и нельзя было выбросить ни одной черты, не нарушивъ этой цѣльности.

— Мы можемъ гордиться нашей новой работой не меньше, чѣмъ храмомъ Весны.

— Да, мы поработали добросовѣстно. Хотя эта работа никогда не была особенно близка мнѣ и не захватывала такъ, какъ Весна.

— И здѣсь нѣтъ твоей Весны, Коро, въ которой, какъ въ фокусѣ, собрались всѣ лучи твоего таланта. Здѣсь онъ разсѣянъ повсюду. По правдѣ говоря, ты игралъ здѣсь слишкомъ скромную роль, которая была бы вполнѣ достаточна развѣ только для меня.

— Зато тебѣ, большой лобъ, это дѣло пригодилось, какъ нельзя лучше! Я довольна тобой!—и Абела провела рукой по головѣ своего скульптора.—Но тебѣ не нужно было свою статую ставить на мѣсто, предназначавшееся для Андрогине.

— Коро самъ захотѣлъ, чтобы я сдѣлалъ это.

Коро утвердительно кивнулъ головой. Съ каждымъ днемъ художникъ становился все задумчивѣе,—и приближающійся день окончанія работъ совсѣмъ не волновалъ его такъ, какъ день праздника Весны. То, что еще оставалось, недодѣланнымъ, онъ заканчивалъ вяло и медлительно предоставляя другимъ вырабатывать детали и съ удовольствіемъ уступая свою долю въ общемъ творчествѣ. И съ такимъ же равнодушіемъ онъ вспоминалъ о своемъ уничтоженномъ произведеніи.

— Гдѣ Лія? Я такъ привыкла, что мы всѣ бываемъ вмѣстѣ въ эти часы.

— Она не могла оставить ребенка. И потомъ, она говоритъ...

— Что?

— Такъ, ничего. Я не ручаюсь, что точно передамъ ея слова. Можетъ быть, она совсѣмъ даже не говорила этого. Когда долго проживешь съ человѣкомъ, то улавливаешь не только его слова, но и мысли.

Они обошли кругомъ всей постройки, встрѣтились съ Марой, которая еще работала.

— Однако, ты прилежна, Мара!

— Я тороплюсь покончить со своей долей, чтобы поскорѣе перебраться въ другое мѣсто. Здѣсь, на югѣ, такъ жарко,—такъ пряно пахнутъ эти лѣса,—и такъ вялы становятся люди, которые проводятъ здѣсь слишкомъ много времени.

Потомъ, какъ будто затѣмъ, чтобы предупредить неизбѣжный вопросъ, она прибавила еще:

— Сегодня утромъ уѣхалъ Кредо. Онъ отправился на поиски какого-то особеннаго человѣка.

— Отправляясь на эти розыски, онъ потерялъ коечто болѣе существенное!—серьезно сказалъ Акро.

Абела повлекла Мару впередъ.

— Довольно на сегодня! Идемъ съ нами и будемъ веселиться!

Каменщица .не сопротивлялась, но задумчивое выраженіе не сходило съ ея лица. Какъ то незамѣтно она пошла рядомъ съ Коро. Хотѣла о чемъ-то спросить его, но промолчала, заглянувъ ему въ глаза.

Дошли до озера. Абела погрузила руку въ слегка желтоватую воду.

— Фи, она совсѣмъ теплая... Ты хочешь искупаться, Мара?

— Въ этой лужѣ?

— Тебѣ ничѣмъ не угодить сегодня. А ты, Акро? Ты долженъ.

Но Акро лѣниво растянулся на пескѣ и закрылъ глаза. Тогда Абела раздѣлась одна и поплыла, раздвигая широкіе листья какихъ-то розовыхъ цвѣтовъ, которые густо усѣяли все озеро. Коро слѣдилъ за ея движеніями и это маленькое стройное тѣло съ жемчужной кожей напомнило ему одну сцену изъ той поры, къ которой теперь такъ часто возвращались его мысли.

Быстрая прозрачная рѣка въ зеленыхъ берегахъ. А наверху, на холмѣ, подъ куполомъ утренняго неба— храмъ его любви, храмъ возрожденія и радости. Въ прозрачной водѣ свѣтлѣютъ тѣла и веселый смѣхъ вмѣстѣ съ брызгами летитъ къ небу. Вотъ Мара, — хмурый сфинксъ съ сильными, слегка угловатыми движеніями. А рядомъ съ нею, въ золотѣ распустившихся волосъ— смѣющееся тѣло Формики.

Формика! Какъ хорошо было бы услышать сейчасъ этотъ смѣхъ! Сейчасъ, когда всѣ такъ сумрачны и печальны...

Виланъ тогда такъ много говорилъ о ея волосахъ. Но теперь, на сѣверѣ, съ нимъ другая женщина. А формика—одна.

Тогда она проводила его и Лію до порога брачной ночи и взяла съ него только одинъ поцѣлуй.

— О чемъ ты задумался, Коро?

Голосъ Мары. Этотъ голосъ, спокойный и жестокій, удержалъ на губахъ готовый сорваться отвѣтъ:

— О Формикѣ.

Абела плыла къ берегу. Вышла на песокъ и долго выжимала теплую желтоватую воду изъ намокшихъ волосъ. Брызнула этой водой въ лицо Акро. Тотъ вяло отстранился.

— Оставь, Абела.

Тогда она тоже замолчала и притихла, быстро одѣлась. На озерѣ остался слѣдъ отъ ея недолгаго купанья: извилистая полоса свободной воды среди большихъ, мягкихъ листьевъ, которые все еще колебались, повинуясь движеніямъ мелкой водяной зыби.

60.

Проснулись въ это утро, какъ обычно, и привычныя руки уже потянулись къ инструментамъ,—когда вспомнили, что работа исполнена и ни одного удара рѣзца не требуютъ больше законченныя стѣны. Успѣвшіе сродниться другъ съ другомъ за мѣсяцы совмѣстнаго труда собирались группами въ опустѣвшихъ мастерскихъ. Вмѣстѣ обсуждали планы будущаго. Здѣсь уже было скучно. Только-что отстроенное зданіе представлялось уже старымъ, потому что не требовало больше участія своихъ творцовъ.

— Какъ ты провела ночь, Лія?

— Хорошо. Только передъ разсвѣтомъ ребенокъ долго плакалъ и я немножко безпокоилась, здоровъ ли

онъ. Но все въ порядкѣ. Онъ растетъ съ каждымъ часомъ, ты замѣчаешь?

— Да, пожалуй. Хотя, всетаки, я не предполагалъ, что человѣкъ развивается такъ медленно... Мнѣ кажется, никогда не придетъ тотъ день, когда онъ впервые назоветъ меня по имени.

— Ты уже уходишь?

— Я могу остаться, если ты хочешь. У меня нѣтъ никакихъ неотложныхъ дѣлъ сегодня.

Долго молчали. Потомъ Коро сказалъ:

— Товарищи затѣваютъ сегодня маленькую поѣздку. Конечно, ты будешь съ нами?

— Ребенокъ стѣснитъ ихъ. И они немножко шумны и порывисты. Это вредно для маленькаго. Но я буду очень довольна, если ты развлечешься немного. У тебя такой мрачный видъ за послѣдніе дни. Должно быть, ты слишкомъ много работалъ.

Коро подошелъ, положилъ руки на плечи подруги.

— Лія, скажи мнѣ... Скажи мнѣ, занимаю ли я въ твоемъ мірѣ такое же мѣсто, какъ прежде?

— Ты спрашиваешь? Но развѣ ты не чувствуешь, что моя любовь къ тебѣ еще окрѣпла? Развѣ ты не видишь, что и въ нашемъ ребенкѣ я люблю, прежде всего, отраженіе тебя самого, память самыхъ радостныхъ часовъ нашей любви? Ты огорчаешь меня, Коро. Я знаю, что произошло въ тебѣ что-то новое, но не могу объяснить—почему.

— Да, ты права. Ты любишь меня не меньше и не хуже, чѣмъ прежде. И безъ твоей любви я не сдѣлалъ бы здѣсь и половины того, за что меня такъ хвалятъ южане. Но вотъ сегодня, Лія, наша работа кончена. Мы опять можемъ жить безъ труда и заботы, жить только для себя, для своей собственной радости. Я прихожу къ тебѣ—и чувствую какую-то стѣну между нами. Ты

любишь меня попрежнему и ты попрежнему прекрасна. Но ты—не та.

Лія посмотрѣла на него проницательно и вдумчиво. Потомъ хотѣла сказать что-то, но остановилась на полусловѣ.

— Что съ тобой, Лія?

— Ничего, мой любимый. Это пройдетъ. Товарищи уже ждутъ тебя. Иди же къ нимъ. И если ты проведешь нѣсколько радостныхъ часовъ—я буду радоваться я вмѣстѣ съ тобою.

Коро колебался нѣсколько мгновеній. Привлекъ къ себѣ подругу, покрылъ поцѣлуями ея лицо и руки и обнималъ ее бережно, какъ хрупкую драгоцѣнность.

Когда онъ ушелъ, Лія съ ребенкомъ сѣла у широкаго окна, сквозь которое виднѣлись далекія окрестности. Но дальній холмъ вдругъ потускнѣлъ и расплылся въ ея глазахъ и слеза скатилась по щекѣ, которую только-что цѣловалъ художникъ. А ихъ такъ рѣдко можно было видѣть,—слезы Ліи.

61.

Нѣсколько торопливыхъ, тревожно простыхъ словъ:

„Дни учителя сочтены. Онъ хотѣлъ бы увидѣть всѣхъ васъ. Формика“.

Товарищи строители передавали эти слова изъ рукъ въ руки, изъ устъ въ уста всего нѣсколько дней спуст я послѣ окончанія постройки.

— Смерти слишкомъ часто слѣдуютъ одна за другою!—вздохнулъ Акро.—Я еще вижу передъ собой мертвое лицо Гала.

— Галъ умеръ у самаго порога жизни. Павелъ кончаетъ.

— Да. Но если бы такіе люди могли не кончать никогда.

— Конечно, теперь-то ты будешь съ нами, Лія?— спрашивалъ Коро и въ его голосѣ слышалась уже готовность къ упрекамъ.

— Да, Коро. И, можетъ быть, тамъ я буду болѣе нужна тебѣ, чѣмъ здѣсь.

— Что ты хочешь сказать?

— Ты узнаешь.

Должно быть, она много думала за послѣдніе дни,— блѣдная Лія. Сѣрыя тѣни легли подъ глазами. Но все такъ же ясно смотрѣли эти глаза и такъ же спокойно звучалъ чистый голосъ.

Ничто не удерживало. Строители были свободны и безъ сожалѣнія покинули разслабляющій югъ. По дорогѣ къ нимъ присоединился Лексъ.

Онъ сильно постарѣлъ и осунулся за послѣдніе мѣсяцы и уже замѣтно было, что мракъ смерти отражается и въ его глазахъ. Среди своихъ спутниковъ, молодыхъ и бодрыхъ, онъ казался одинокимъ и заброшеннымъ, хотя строители все время окружали его тѣсной толпой.

— Мнѣ тяжело, что я не могу выполнить своего стараго желанья! — говорилъ Лексъ. — Я давно уже условился съ Павломъ, что мы уйдемъ вмѣстѣ. Такъ хорошо раздѣлить до конца послѣднія минуты съ тѣмъ, кто былъ спутникомъ во всѣхъ трудахъ и радостяхъ. Но моя община недавно возложила на меня трудное и отвѣтственное дѣло, которое я считаю долгомъ выполнить. И въ то же время, я чувствую, что моихъ силъ хватитъ еще, по крайней мѣрѣ, на полгода. Можетъ быть, даже больше. Я еще не имѣю права уходить.

И онъ покачивалъ своей сѣдой, лысѣющей головой, которая уже слабо держалась на одряхлѣвшихъ плечахъ.

Коро смотрѣлъ на него съ тоской и затаеннымъ со-

жалѣніемъ. Нѣтъ, старость не привлекала его. Разрушенное зданіе, слинявшія краски, кожа холодная и безкровная, и мутный взглядъ глазъ, полузакрытыхъ усталыми вѣками. Вотъ, пройдутъ года,—и онъ остановится на той-же ступени.

Онъ осматривался кругомъ и видѣлъ, что только его одного смущаютъ эти странныя мысли. Правда, другіе были непривычно молчаливы и рѣдко улыбались, но взгляды ихъ обращались къ Лексу спокойно и привѣтливо. Тогда онъ самъ чувствовалъ, что эта гнетущая тоска пришла къ нему еще совсѣмъ недавно, сложившись изъ неопредѣленныхъ, безформенныхъ впечатлѣній, въ которыхъ онъ самъ еще не могъ дать себѣ отчета.

Не смерть, а жизнь пугала его. Будущее было такъ загадочно,—а настоящее отравляли несбывшіяся надежды и горькія сомнѣнія.

Изъ прежняго источника сила, изъ сосуда любви теперь онъ черпаетъ слабость. И на днѣ этого сосуда—горькій ядъ.

Лія сидѣла рядомъ съ Лексомъ. Старикъ посмотрѣлъ на ея ребенка и улыбнулся и сухой, сморщенной рукой нѣжно прикоснулся къ его пухлой розовой ручкѣ. И въ нихъ, въ этихъ двухъ полюсахъ жизни, было что-то общее, одинаково возбуждающее одно и то же непріятное, щемящее чувство,—чувство сожалѣнія.

Коро отошелъ всторону. Завернулся съ головой въ плащъ, чтобы ничего не слышать и не видѣть. Но чей-то голосъ, звучный и холодный, упрямо достигалъ до его сознанія. Это Мара спорила съ Акро о какомъ-то новомъ изобрѣтеніи, которое должно было внести новый переворотъ въ строительную технику.

62.

Въ рабочихъ залахъ, въ длинныхъ, свѣтлыхъ галлереяхъ и переходахъ, на просторной лужайкѣ, куда собирались для игръ,—вездѣ было пустынно и тихо. Какъ будто смерть пришла не къ одному только старому учителю, а осѣнила своимъ крыломъ и все дѣло его жизни, остановила всю хорошо налаженную машину и стерла длинные столбцы кропотливыхъ вычисленій.

Вновь прибывшіе строители не нарушили этой тишины, не уничтожили мрачнаго безлюдья. Маленькими группами тихо разбрелись повсюду, слились съ учениками и негромкимъ шепотомъ дѣлились съ ними послѣдними, безрадостными извѣстіями.

Коро ушелъ одинъ, добрался до тропинки, которая по крутымъ скалистымъ уступамъ вела въ долину. У самаго начала этой тропинки присѣлъ на камень. Попрежнему закутался плащемъ.

Съ шорохомъ посыпался изъ подъ чьихъ-то ногъ песокъ и щебень. Коро открылъ глаза. Что то свѣтлое и радостное, какъ видѣніе, стояло передъ нимъ.

— Формика?

Или только тѣнь ея? Вглядывался и видѣлъ въ хорошо знакомыхъ чертахъ что-то новое. И глаза сдѣлались глубже и больше, а щеки были матово-блѣдны. Только волосы по прежнему искрились золотомъ, падали съ плечъ непокорной огненной волной.

— Наконецъ-то я вижу тебя, Формика!

Она привѣтствовала его просто и радостно. Онъ подвинулся, чтобы освободить ей мѣсто на томъ же камнѣ.

— Ты измѣнилась, ты поблѣднѣла. Какъ ты жила здѣсь?

Почему то радовался этимъ блѣднымъ щекамъ. Да,

да. Хорошо, что она измѣнилась. А у нея, въ самой глубинѣ глазъ пробѣгали какія-то смутныя, непрерывно мѣняющіяся настроенія, — и спокойный, радостный голосъ говорилъ, какъ будто, не то, что хотѣлъ.

— Я много работала, Коро. И болѣзнь Павла очень взволновала меня. Должно быть, поэтому-то я не совсѣмъ хорошо выгляжу. Но и ты... Тебя я надѣялась встрѣтить не такимъ.

Онъ не слушалъ.

— Какъ хорошо, что именно тебя я встрѣтилъ первую.

— А развѣ ты такъ хотѣлъ меня видѣть? Ты часто вспоминалъ обо мнѣ?

— Не такъ часто, Формика. Не такъ часто, какъ бы слѣдовало. Но теперь, когда я опять вижу тебя, я чувствую, что и не забывалъ тебя ни на одну минуту.

Смутныя настроенія все бѣжали въ глубинѣ зрачковъ. И вдругъ остановились, замерли на чемъ-то одномъ. Удивленіе и, какъ будто, страхъ. Радостный страхъ?

— Я надѣялась, что твоя жизнь была достаточно полна и безъ меня. Мы давно не видѣлись... Давно для горя. А для радости? Развѣ давно это? А теперь, я знаю, у тебя есть еще новое: сынъ.

Говорила это и не смотрѣла уже больше ему прямо въ лицо, избѣгала его напряженнаго, горящаго взгляда.

— Да, сынъ. Очень красивый, очень хорошій мальчикъ. Ты должна повидать его поскорѣе. Но не теперь еще. Подожди. Мнѣ нужно такъ много сказать тебѣ. Много такого, что поймешь ты одна.

Она стояла, не рѣшаясь присѣсть. Тогда художникъ привлекъ ее ближе къ себѣ, усадилъ почти насильно.

— Помнишь, Формика, когда мы разстались, — въ ночь праздника,—я думалъ, что двери счастья широко открылись передо мной. У меня было все, что я же-

лалъ тогда. И я получилъ все желанное и обѣщанное,— и даже больше обѣщаннаго,—потому-что нѣтъ въ мірѣ женщины лучше Ліи. Но вотъ, мнѣ кажется, что это было уже такъ давно. Слишкомъ давно. И что-то прекрасное, неуловимо-нѣжное, что было тогда и придавало всему свою окраску,—то уже исчезло.

— Но вѣдь ты любишь попрежнему?

Долго колебалась, но спросила о томъ, о чемъ хотѣла молчать. Молчать такъ, чтобы даже тѣнь этой мысли не коснулась Коро. И вздохнула съ облегченіемъ, когда художникъ отвѣтилъ быстро, не задумываясь и не колебаясь.

— Люблю ли? Конечно, Формика. И теперь еще выше и свѣтлѣе эта любовь... Люблю ли? Но вѣдь эта любовь—я самъ. Какъ же я могу не любить?

— И всетаки я вижу, что ты не удовлетворенъ. Совсѣмъ не такимъ надѣялась я тебя встрѣтить. Ты уже ищешь чего-то новаго.

— Можетъ быть,—не новаго, Формика. Можетъ быть, только—слишкомъ давно и слишкомъ хорошо потеряннаго.

Вѣтеръ треплетъ золотые волосы, прядь ихъ щекочетъ лицо Коро. Но ему пріятно это прикосновеніе и онъ не отстраняется. И пріятна вся близость Формики, потому-что онъ чувствуетъ, какъ она всѣмъ своимъ существомъ отзывается на его смятенныя, взволнованныя думы.

Зеркало озера блеститъ на днѣ долины. Въ зеркалѣ опрокинулись горы,—и бездонной кажется глубина, которой касаются ихъ опрокинутыя вершины.

Глаза Ліи—какъ зеркало, и душа ея чиста, какъ эта бездонная глубина. Но это зеркало отражаетъ только тишину.

— Слишкомъ много покоя, Формика. И этотъ покой

принижаетъ меня. Онъ, какъ сонъ, приноситъ съ собой уродливыя видѣнія, которыя прячутся по уголкамъ души. И въ эти уголки не можетъ заглянуть Лія, потому-что она слишкомъ чиста—и слишкомъ спокойна. Горѣть я хотѣлъ бы, Формика. Горѣть,—вотъ, какъ горятъ твои волосы. Въ ихъ пламени искупаться, очиститься.

— Солнце уже садится!—сказала Формика и встала нетерпѣливымъ, порывистымъ движеніемъ.—Мнѣ нужно пойти къ учителю. Я боюсь, что онъ не переживетъ сегодняшней ночи.

Исчезла такъ же быстро, какъ появилась. И такъ же сыпался съ обрыва, тихо шелестя, песокъ и щебень.

Долина была уже вся синяя,—и синія тѣни и пятна ползли медленно вверхъ, къ желто-краснымъ вершинамъ. Вылетѣла изъ тѣни большая бѣлая птица съ острыми крыльями и сразу вспыхнула вся, пронизанная послѣднимъ вечернимъ лучемъ. Долго еще свѣтлой точкой таяла въ небѣ.

63.

Какъ послѣдняя вспышка костра въ сосновомъ лѣсу Кредо, опять вспыхнули угасавшія силы Павла. Ночь провели друзья вокругъ него въ тревогѣ и волненіи, и съ минуты на минуту ждали, что придетъ, наконецъ. смерть. Но къ утру слабая краска появилась на блѣдномъ старческомъ лицѣ. Грудь начала дышать ровнѣе и глубже. Съ восходомъ солнца Павелъ открылъ глаза, еще разъ вернулся къ жизни изъ темнаго забытья, которое такъ близко къ черной ямѣ смерти.

Но врачи не обманывались. Предупредили больного:

— Всего только нѣсколько часовъ въ твоемъ распоряженіи, Павелъ.

Открыли окно. Свѣжій, бодрый запахъ жизни вошелъ въ комнату вмѣстѣ съ плывущимъ къ нему прозрачнымъ туманомъ долины.

— Дѣти, оставьте меня одного. На одинъ только часъ. Не больше. Я хочу приготовиться.

Всѣ ушли, одинъ за другимъ, разсѣялись, какъ вчера, по свѣтлымъ галлереямъ и пустымъ рабочимъ заламъ. Только въ одномъ залѣ маленькая группа учениковъ сидѣла, не вставая, надъ спѣшной работой, которой не могла остановить даже смерть.

Павелъ полулежалъ у окна, смотрѣлъ на жизнь. Прощался съ нею.

Коро, озабоченный, долго искалъ Лію, пока не встрѣтилъ ее, вмѣстѣ съ Формикой, на каменистой тропинкѣ, у обрыва. Какъ и всѣ другіе, Лія провела эту ночь почти безъ сна. И сейчасъ воспользовалась сномъ ребенка, чтобы освѣжить дыханіемъ утра утомленную голову.

О чемъ то тихо говорила съ Формикой. Художникъ, подходя, уловилъ свое имя. Когда подошелъ совсѣмъ близко—замолчали.

Формика выглядѣла слегка взволнованной. Но одной смерти Павла было вполнѣ достаточно, чтобы объяснить лихорадочный блескъ ея глазъ.

Молчали долго, не находя словъ. Потомъ Формика спросила:

— Почему нѣтъ съ вами Кредо? Неужели онъ не хотѣлъ проститься съ Павломъ?

Коро покачалъ головой.

— Я не знаю, гдѣ теперь Кредо. И, кажется, этого не знаетъ даже Мара. Онъ ушелъ отъ насъ внезапно, никого не предупредивъ.

— Говорятъ, онъ очень тосковалъ за послѣднее время?

— Да. Мара поддержала его, но ненадолго.

Такъ много было заботъ и помимо отсутствія писателя. Поговоривъ, сейчасъ же забыли о немъ. Но онъ напомнилъ о себѣ самъ, когда женщины уже ушли, а Коро остался одинъ на камнѣ у тропинки.

Писатель шелъ снизу, изъ долины, медленно поднимался по тропинкѣ, часто останавливаясь, чтобы перевести дыханіе. Его походка показалась художнику колеблющейся и нетвердой,—какъ будто онъ былъ очень утомленъ или боленъ.

Когда Кредо приблизился настолько, что можно было разглядѣть каждую черточку его лица, Коро окликнулъ его по имени. Писатель поднялъ голову, посмотрѣлъ впередъ мутнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Сдѣлалъ рукой привѣтственное движеніе и пошелъ дальше, все такъ же неровно переступая ослабѣвшими ногами. Художникъ спустился къ нему навстрѣчу.

— Что съ тобою? Ты боленъ? Гдѣ ты былъ, Кредо?

— Я былъ далеко. Искалъ человѣка, который мнѣ нуженъ. Пожалуй я, дѣйствительно, немного утомился,— но это ничего не значитъ. Я нашелъ то, что искалъ.

— Но ты едва держишься на ногахъ. Можно подумать, что ты пришелъ пѣшкомъ съ другого конца земли.

— Нѣтъ, я только поднялся изъ долины. Уже нѣсколько дней, какъ я живу тамъ, внизу. Вмѣстѣ съ Висомъ. Вѣдь ты знаешь Виса? Если бы ты предупредилъ меня заранѣе, это очень облегчило бы мои поиски.

— Правда, я знаю Виса. Мнѣ думается, что онъ— дурной, злобный человѣкъ, отъ котораго лучше быть подальше. Неужели именно его ты и искалъ?

Вспомнилось мѣсто отдыха,—островъ среди океана, лѣсъ и круглый заливъ. И зловѣщее блѣдное лицо, едва поднимающееся надъ сгорбленными плечами. Что общаго между нимъ и простодушнымъ Кредо?

— Мара была огорчена, когда ты ушелъ. Ты знаешь, не такъ уже легко прочитать ея чувства. Но я видѣлъ ее вскорѣ послѣ твоего исчезновенія и знаю, что она очень страдала.

— Мара? Это прошло уже. Теперь я нашелъ, что искалъ. Мнѣ далъ это Висъ, а не Мара. Каменщица никогда не понимала меня.

— Но ты боленъ, Кредо. У тебя такіе странные, мутные глаза. Они широко открыты и все-таки, какъ будто, ничего не видятъ. Я увѣренъ, что Висъ обманулъ тебя.

— Неправда. Онъ далъ мнѣ цѣлый міръ, — міръ грезъ, которыя существуютъ только для меня одного. Свѣтлое забвеніе, дивныя мечты,—какъ все это прекрасно, Коро! Всѣ вы, художники, никогда не создадите ничего подобнаго. Я не живу сейчасъ. Я пришелъ къ вамъ, но вся моя жизнь тамъ, внизу... И если бы Формика захотѣла...

— Формика?

— Висъ самъ былъ у нее. Но она не захотѣла. Поэтому Висъ знаетъ, что ты ненавидишь его. Но онъ самъ не питаетъ противъ тебя никакой злобы. Онъ увѣренъ, что когда-нибудь придешь къ нему и ты. И онъ не откажетъ тебѣ въ помощи.

Слова медленно срывались съ его устъ, тяжелыя и клейкія. Потомъ онъ зашатался и Коро долженъ былъ поддержать его, что бы онъ не упалъ. Глаза писателя закрылись. Онъ началъ дышать ровно и мѣрно. Онъ уснулъ. Коро осторожно опустилъ его на траву близъ тропинки.

Было такъ много непонятнаго во всемъ этомъ,—въ странной болѣзни Кредо и въ его темныхъ словахъ о Формикѣ и Висѣ. Почему же Формика до сихъ поръ ничего не сказала ему? Правда, вчера онъ только го-

ворилъ о самомъ себѣ, а сегодня слишкомъ уже близка смерть Павла. И что теперь дѣлаетъ Висъ тамъ, въ долинѣ?

На зеленой травѣ, въ свѣтѣ росистаго утра, лежалъ Кредо, какъ грязное грубое пятно. И художникъ вспомнилъ тѣхъ грубыхъ, дикихъ и злобныхъ людей, о которыхъ писатель такъ любилъ складывать свои сказки. Было что-то общее теперь между тѣми людьми и Кредо,—и лицо писателя, какъ будто, покрыла сѣрая плѣсень старины.

Коро смотрѣлъ на него почти съ отвращеніемъ. И въ тоже время въ немъ поднималась жгучая жалость къ этому безпомощному ребенку, который, какъ мотылекъ на огонь, пошелъ навстрѣчу невѣдомому злу.

Его нельзя было оставить здѣсь одного, потому-что онъ могъ скатиться во снѣ прямо въ пропасть. Вдали Коро замѣтилъ Акро, который безцѣльно бродилъ взадъ и впередъ. Онъ подозвалъ его и они вдвоемъ перенесли безчувственнаго писателя наверхъ, въ комнату Формики.

Пришелъ врачъ. Удивленно покачивалъ головой.

Формика была уже у Павла. И Коро пошелъ туда же, послѣ того, какъ врачъ сказалъ ему, что его догадки еще слишкомъ смутны и, поэтому, онъ не можетъ сказать ничего опредѣленнаго.

64.

Полдень. Солнце стоитъ высоко надъ каменнымъ гребнемъ горъ и знойный воздухъ струится внизу надъ полями. Но здѣсь, на высотѣ, этотъ зной смѣняется пріятнымъ тепломъ, почти прохладой. Окно въ комнатѣ Павла все еще открыто настежь, но угасающіе глаза

старика смотрятъ теперь только на лица друзей, которые собрались вокругъ, чтобы принять послѣднее дыханіе. Смѣшались волосы Формики съ сѣдиной Лекса. Они двое—ближе всѣхъ.

Вдали, у самаго входа, прислонилась къ стѣнѣ каменная Мара. Абела выглядываетъ изъ за ея плеча, какъ ребенокъ, разсматривающій страшную картинку. Между Марой и двумя близкими—волны склоненныхъ головъ, тѣхъ головъ, въ которыя старый учитель вдохнулъ новыя мысли и новыя знанія.

Онъ уходитъ—но знаніе остается.

И самъ онъ теперь—только слабое, больное, безпомощное существо, которое прошло свой кругъ и возвращается къ темному началу.

— Поддержи меня немного, Формика. Моя голова лежитъ слишкомъ низко, а я хочу видѣть всѣхъ.

— И дрожитъ голова, уже не поддерживаемая омертвѣвшимъ тѣломъ, и дрожитъ взглядъ, скользя по склоненнымъ лицамъ.

— Такъ ты помнишь, Формика... Если случится ошибка въ послѣднемъ періодѣ вычисленій... Ты знаешь, гдѣ находятся документы для провѣрки. Тамъ есть одинъ важный пунктъ.

— Я помню, учитель

— Гдѣ же ты, Лексъ? Я не вижу. Мнѣ кажется, что уже темно. Я немножко опередилъ тебя, Лексъ. Не забудь увезти съ собой тѣ сочиненія, которыя я тебѣ передалъ. Они пригодятся для вашей библіотеки.

Онъ молчалъ нѣсколько минутъ и слышно было, какъ дыханіе съ трудомъ вырвалось изъ его груди. Легкое движеніе пробѣжало по лицу,—какъ будто хотѣлъ вспомнить еще что-то. Но сказалъ успокоенно:

— Теперь все.

Долго еще прислушивались въ напряженномъ мол-

чаніи, хотѣли уловить вздохъ или шопотъ. Но грудь не поднималась больше и безкровныя губы не шевелились. И нельзя было уловить границы между жизнью и смертью. Изсякъ источникъ и не видно было, когда пролилась послѣдняя капля.

65.

— Лія, успокой меня. Положи руки мнѣ на голову, какъ ты умѣешь. Успокой меня. Мнѣ тяжело.

Она привлекаетъ его къ себѣ, какъ своего ребенка, какъ сына,—который спитъ сейчасъ такой розовый и сытый.

— Ты—тихая, глубокая. Успокой меня.

И хочетъ, страстно хочетъ, чтобы такъ было,—чтобы пришелъ покой отъ этого радостнаго прикосновенія и смирился смятенный духъ.

— Помогу ли я, любимый?

Утонуть въ золотыхъ волосахъ и цѣловать ихъ, жечь страстью тѣло,—такой страстью, какой не знаетъ Лія. Можетъ быть, тогда только придетъ обновленіе убѣгутъ злые, уродливые призраки изъ сокровенныхъ уголковъ сердца? Нѣтъ не такъ. Не должно быть.

— Люблю тебя, Лія. Ты—свѣтъ мой.

— Я знаю и вѣрю. Любишь—и несчастливъ.

Руки гладятъ по волосамъ, прижимаютъ разгоряченное лицо къ высокой и, какъ будто, холодной груди. Но покой, долго жданный покой—не приходитъ. Чудится другая любовь, другія ласки—и звучный смѣхъ.

— Люблю тебя.

— Я вѣрю. Но довольно ли тебѣ моей любви?

Спрашиваетъ,—какъ задаетъ загадку. Такъ много загадокъ встало вокругъ за послѣдніе дни. Не разрѣшить ихъ. Тяжелыя загадки: давятъ камнемъ.

— Не только тихія радости нужны мнѣ, Лія. И не одно только наслажденіе,—наслажденіе творчества. И твоя любовь—какъ творчество. Они связаны вмѣстѣ и нѣтъ между ними границы, какъ между жизнью и смертью. А я—человѣкъ, и хочу бурнаго, свѣтлаго, золотого...

Лія молчитъ. И въ молчаніи онъ угадываетъ отвѣтъ

— Но что я безъ тебя, Лія? Я все тебѣ отдалъ и все взялъ у тебя. Развѣ одни тѣла наши соединились? Не тѣла, а все существо, всѣ помыслы, вся жизнь. Всегда буду съ тобой, только съ тобой.

— И будешь желать, какъ высшей радости, покоя, отдыха? Этого мало, Коро.

Гладятъ голову ласковыя руки. Тихо ползутъ минуты и убѣгаютъ часы. Случайный чужой голосъ возвращаетъ къ жизни.

— Развѣ ты не съ нами, Коро?

Это—Абела. Тревога, навѣянная видомъ смерти, давно уже сбѣжала съ ея лица. Свѣжимъ блескомъ блестятъ глаза и блестятъ росинки на влажной одеждѣ.

— Какой туманъ въ долинѣ. Поднялся теперь высоко, къ самымъ горамъ. Какъ будто облака спустились на землю, чтобы проводить Павла. Но развѣ ты не съ нами?

Коро колеблется, но читаетъ просьбу въ глазахъ Ліи:

— Иди.

И сейчасъ не можетъ не повиноваться ей. Сама Лія не можетъ уйти, потому-что ребенокъ скоро проснется

Выходитъ вдвоемъ съ Абелой и сырой туманъ охватываетъ ихъ съ ногъ до головы. Въ этомъ туманѣ двигаются люди, какъ прозрачныя тѣни. Трудно узнать своихъ близкихъ. Вотъ высокій Акро. А здѣсь—Формика. Вся закуталась въ плащъ. Кто-то разговариваетъ съ нею жалобнымъ страдающимъ голосомъ.

— Мнѣ очень холодно. Словно кусокъ льду лежитъ въ груди вмѣсто сердца, и отъ этого куска холодно, холодно...

— Это отъ тумана, Кредо. Онъ пронизываетъ до костей. Закутайся плотнѣе.

— Когда пробуждаешься... пробуждаешься отъ мечтаній... такой же туманъ стоитъ въ глазахъ. Но онъ горячій, а не холодный. И слегка красноватый. Я не хочу идти съ вами, Формика. У меня опять подкашиваются ноги. Я останусь.

Фигура Кредо уходитъ въ туманъ, расплывается, таетъ безъ слѣда. Изъ тумана жизни хочетъ вернуться обратно туда,—въ свѣтную страну обманчивыхъ сновидѣній.

Длинная процессія медленно движется по склону горы. Выходитъ изъ тумана и погружается въ туманъ,—и, поэтому, кажется безконечной.

Погребаютъ учителя.

Коро торопливо нагоняетъ Формику, такъ что Абела едва успѣваетъ слѣдовать за его размашистыми шагами.

— Формика, не нужно было оставлять Кредо! Онъ опять разыщетъ это проклятое средство. И я увѣренъ, что Висъ уже сторожитъ его гдѣ-нибудь по близости. Можетъ быть, здѣсь, рядомъ съ нами.

Сегодня ночью Формика разсказала художнику о чудесномъ напиткѣ. Разсказала все, что знала сама, и не скрыла своихъ колебаній предъ этимъ увлекающимъ ядомъ. Уже не было сомнѣній, что именно Висъ отравилъ писателя. И теперь Кредо живетъ только въ мірѣ своихъ призраковъ, и эти призраки сосутъ его кровь и надрываютъ силы.

— Не нужно было оставлять Кредо одного!

Формика дѣлаетъ жестъ отрицанія.

— Безполезно, Коро. Даже если бы мы имѣли право

примѣнить насиліе, то и въ такомъ случаѣ мы ничего не могли бы добиться. Чтобы отвлечь его отъ яда, нужно дать ему что-нибудь еще болѣе сильное. Что-нибудь такое, что завлекло бы его цѣликомъ. Онъ не считаетъ себя больнымъ и отказывается лечиться. Можетъ быть, по своему онъ и правъ. Во всякомъ случаѣ, теперь онъ счастливѣе, чѣмъ прежде.

— Счастье ли это? Когда онъ лежалъ предо мной на землѣ, онъ былъ такъ страшенъ и... такъ гадокъ, Формика. Что-то звѣриное, тупое воскресло въ немъ. И его взглядъ, его глаза! Глаза безумца... Если есть на землѣ преступленіе, то его совершилъ Висъ. И я боюсь, что бѣдный писатель — не первая и не послѣдняя его жертва. Неужели онъ не дождется возмездія? Стараго, злобнаго возмездія, такого-же стараго и злобнаго, какъ его грѣхъ?

— Кто-нибудь изъ его жертвъ очнется. Можетъ быть, такъ и случится, я не знаю. Но Кредо боготворитъ его.

Говорили и шли впередъ по извилистой дорогѣ, мокрой отъ тумана. Голова процессіи уже остановилась, а оставшіеся все еще подходили и подходили, вливались новыми ручьями въ человѣческое море.

Круглая котловина въ горахъ и большая, плоская скала въ самомъ центрѣ этой котловины. Здѣсь будетъ памятникъ Павла, — вблизи отъ того мѣста, гдѣ онъ жилъ, училъ и умеръ.

На днѣ котловины маленькая группа каменщиковъ спокойно и неторопливо дѣлаетъ свое простое дѣло: замуровываетъ въ скалу урну съ пепломъ Павла. Горсть сѣраго праха, въ который обратилось тѣло, оставившее на землѣ безсмертное знаніе.

Когда все было кончено, разошлись такъ же тихо, какъ пришли. Вѣтеръ разорвалъ въ клочья туманъ и

прогналъ его съ горныхъ склоновъ. Но сѣрая, какъ пепелъ, пелена его еще долго держалась въ котловинѣ.

66.

За нѣсколько дней общей печали строители и ученики Павла сошлись близко. Уже покоилась въ сердцѣ скалы урна съ пепломъ, а строители медлили уѣзжать. Привлекала ихъ тихая зеленая долина и такъ пріятенъ былъ послѣ шума и суеты строительства безмолвный уютъ горнаго склона.

Лія попрежнему была занята ребенкомъ, который требовалъ за собою тщательнаго ухода. Присоединялась къ друзьямъ въ ихъ прогулкахъ и развлеченіяхъ такъ же рѣдко, какъ прежде на югѣ.

Были пары: Акро и Абела, Коро и Формика. Съ ними вмѣстѣ—одинокая Мара. Рѣдко показывался Кредо. Видѣли нѣсколько разъ, какъ онъ спускался внизъ, въ долину, гдѣ таился Висъ, и послѣ долгаго отсутствія возвращался обратно больной и разбитый.

— Формика, ты избѣгаешь меня. Ты никогда не остаешься со мною съ глазу на глазъ.

— Ты ошибаешься, Коро. Ты не могъ бы сказать этого, если бы не былъ такъ мраченъ и подозрителенъ. Какъ я могу избѣгать тебя...

Остановилась, какъ останавливалась теперь часто на половинѣ слова, не досказавъ мысли, и невольный испугъ засвѣтился въ глазахъ. Крѣпко берегла въ себѣ недосказанное и боялась, какъ бы Коро не прочелъ больше, чѣмъ нужно. Когда молчитъ языкъ, говорятъ глаза.

— Да, ты не прежняя. У меня еще звенитъ въ воспоминаніи твой смѣхъ,—прежній смѣхъ. И я слышу въ воспоминаніи твой голосъ, прежній голосъ. Гдѣ это?

— Многое измѣнилось съ того времени, Коро. Не только мой смѣхъ. Ты любишь и любимъ. А я одинока. Я хочу вѣрить, что ты счастливъ...

— Какъ бы и я хотѣлъ этому вѣрить! Но не одно только счастье приноситъ любовь. Откуда эти темныя полосы безсилія въ моемъ творчествѣ? Откуда эта злая тоска, которую я ничѣмъ не могу утолить? Нѣтъ удовлетворенія, нѣтъ и покоя. Или, можетъ быть, слишкомъ много покоя? Дай мнѣ свѣтлаго, жгущаго огня, Формика, дай мнѣ то, о чемъ я забылъ уже такъ давно!..

— У меня ли ты долженъ просить?

— Я знаю. Лія? Она понимаетъ, она видитъ. Она жалѣетъ меня и ничего не можетъ сдѣлать, потому что это не въ ея волѣ, несмотря на всю нашу любовь. Вотъ, я пришелъ къ какому-то тупику и нигдѣ не вижу выхода. Стѣны высокія, какъ эти скалы, — а крыльевъ нѣтъ.

Они шли по любимой каменистой тропинкѣ и вся долина лежала подъ ихъ ногами, — зеленая, цвѣтущая, какъ сады Ліи.

— Тамъ въ цвѣтахъ, — сказалъ Коро, — притаилась ядовитая змѣя. Притаилась и ждетъ. Жертвы сами бѣгутъ въ ея жадную пасть. Она глотаетъ, несытая, и ждетъ новыхъ. Она знаетъ, что они придутъ.

— Не говори такъ. Вспомни, какъ лежалъ передъ тобой Кредо.

— Да, онъ былъ гадокъ. Но что видѣли его незрячіе глаза? И развѣ не значитъ, что его счастье велико, огромно, если оно отнимаетъ у него всѣ силы. Теперь онъ въ жизни—случайный, скучающій пришелецъ. Онъ живетъ только въ мечтахъ.

Изъ глубины долины вѣтеръ донесъ музыку. Тихіе и торжественные аккорды, похожіе на прелюдію къ неземной мечтѣ. Они замирали и возрождались снова,

повторяясь и варьируясь. Какъ будто звучалъ и пѣлъ самъ воздухъ, звучало небо съ бѣлыми облаками, звучали горы.

— У змѣи холодные, бездушные глаза съ продолговатымъ загадочнымъ зрачкомъ, похожимъ на полуоткрытую дверь въ невѣдомое. Невѣдомое привлекаетъ и вѣрили прежде: если смотрѣть въ глаза змѣи, то хочется подходить все ближе и ближе. Ближе и ближе, пока она не бросится и не вонзитъ свои ядовитые зубы. Я вѣрю въ эту старую сказку, Формика.

— Коро, она бросится и ужалитъ. И, вмѣсто невѣдомаго, ты познаешь только смерть.

Музыка слышалась громче, какъ будто приблизилась. Но все еще не было понятно, откуда именно идетъ она. Можетъ быть, невидимымъ дождемъ звуковъ падала съ неба.

— Вотъ, гдѣ-нибудь тамъ, въ долинѣ, музыкантъ старый и некрасивый и, можетъ быть, злой. Такой же злой, какъ Висъ. И своими нечистыми руками онъ вызываетъ къ жизни эти хрустальные звуки. Развѣ нельзя вѣрить, что и Висъ можетъ принести добро?

— Онъ уже принесъ добро... Кредо. И хотѣлъ принести его мнѣ.

Коро сдѣлалъ быстрое движеніе, какъ будто хотѣлъ отмахнуть прочь ея слова.

— Но вѣдь я въ тупикѣ, Формика. Мнѣ нѣтъ выхода и потому бьюсь головой объ стѣны этого тупика. Сегодня я говорю это,—а завтра буду жалѣть о своихъ словахъ. Но всетаки, если бы ты не разбила флакона... Одно только можетъ меня спасти и это одно — невозможно и немыслимо, потому что я люблю Лію. Только одно, Формика. Твой смѣхъ. Твои золотые волосы. Твоя любовь. Твоя страсть. Ты сама. Ты сама — или хитрый ядъ Виса.

И онъ не говорилъ ей ничего больше, — и она не отвѣтила ему. Но онъ видѣлъ, что ея грудь дышетъ сильно и порывисто, а на глазахъ у нея блестѣли слезы.

На поворотѣ тропинки встрѣтили Мару, Абелу и Акро, которые ходили въ долину по слѣдамъ писателя.

Они узнали, что Висъ дѣйствительно живетъ тамъ, внизу. Абела видѣла его, но когда хотѣла остановить, чтобы заговорить съ нимъ, онъ скрылся. А жители долины разсказывали объ этомъ своемъ новомъ товарищѣ со страхомъ и отвращеніемъ. Онъ находитъ повсюду людей, слабыхъ духомъ, и снабжаетъ ихъ своимъ напиткомъ. Напитокъ даетъ слабымъ то, чего они желали, но слабость ихъ растетъ все сильнѣе и они у Виса — какъ псы у ногъ господина. Только немногіе изъ нихъ начинаютъ понимать, что они идутъ къ постыдной гибели. Но у нихъ нѣтъ уже силъ отказаться отъ власти напитка.

Висъ распространяетъ свое вліяніе, какъ заразу, все шире и шире и, можетъ быть, придетъ время, когда вся земля будетъ охвачена этимъ ужасомъ. Тогда на поляхъ и дорогахъ повсюду будутъ лежать тѣла опьяненныхъ напиткомъ съ безсмысленными скотскими лицами и широко открытыми слюнявыми ртами. Потому что слабыхъ слишкомъ много, а власть напитка слишкомъ сильна. И отравленные отказываются отъ всякой помощи и отъ всякаго противоядія.

— И онъ хочетъ чувствовать себя властелиномъ, это чудовище!—разсказывала Абела.—Онъ хранитъ въ строгой тайнѣ составъ напитка и, поэтому, никто не можетъ приготовить его самостоятельно.

— Но вѣдь это не надолго!—пожалъ плечами Акро.— Какой-нибудь химикъ прочтетъ эту тайну, какъ открытую книгу.

— А если Висъ умретъ, пока тайна еще не раскрыта?—спросила Мара. Это было первое, что она сказала сегодня.—Вѣдь тогда исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ и гнусный напитокъ. А Кредо и многіе другіе вернутся къ жизни.

Акро посмотрѣлъ на нее внимательно изъ подъ нависшихъ бровей и ничего не отвѣтилъ.

67.

Дни потянулись тоскливо. Кредо былъ на глазахъ у всѣхъ,—измученный, но счастливый своимъ страшнымъ ядовитымъ счастьемъ. И отъ взгляда его безумныхъ глазъ зарождались тяжелыя думы и наростало предчувствіе чего-то злого.

Мара слѣдила за писателемъ, какъ тѣнь. Не приближалась къ нему слишкомъ близко, но и не выпускала изъ виду. А онъ не замѣчалъ ее. Не искалъ, какъ прежде, ея ласкъ. Весь былъ замкнутъ въ самомъ себѣ.

И кошмаръ тоски висѣлъ надъ семьей Коро. Художникъ искалъ выхода и не могъ найти его. Страдалъ самъ и страдала Лія, — чувствовала, какъ кровью истекаетъ сердце.

Вотъ, злое случится—и все кончится. Натянутая нить лопнетъ.

Абелу — любимицу учениковъ — часто окружали жаждущія ощущеній толпы.

— Ты больше не танцуешь, Абела. У насъ есть хорошая музыка. И если нужно еще — мы приведемъ музыканта изъ долины. Почему ты не танцуешь?

Она отдѣлывалась незначущими отговорками. И ученики начинали думать, что ихъ гости, строители, со

всѣмъ не такъ жизнерадостны и веселы, какъ о нихъ говорила Формика.

Формика работала, хотѣла поскорѣе выполнить завѣщаніе Павла. Коро искалъ ее и нигдѣ не могъ найти, а она скрывалась въ какой-нибудь уединенной рабочей комнатѣ, окруженная приборами и вычисленіями. Потомъ выходила навстрѣчу Коро изнуренная и блѣдная.

— Ты все еще избѣгаешь меня, Формика?

— Я должна исполнить свое дѣло. И потомъ, Коро... не такъ давно ты сказалъ нѣчто, чего не долженъ былъ говорить, пока ты и Лія...

— Да. Можетъ быть, ты права.

Онъ пошелъ къ Ліи и, цѣлуя ея руки, разсказалъ ей о своей страсти къ Формикѣ. Разсказалъ, какъ крѣпнетъ въ немъ съ каждымъ днемъ эта страсть.

— И если бы она принадлежала мнѣ, какъ принадлежишь ты, моя любимая, — я нашелъ бы то, чего ищу давно, и безъ чего охладѣваетъ мое творчество и сохнетъ умъ. Она дала бы мнѣ сожигающее пламя, заполнила бы чашу моей жизни до краевъ, безъ остатка.

Лія выслушала его совсѣмъ спокойно и ни тѣни удивленія онъ не замѣтилъ на ея лицѣ.

— Я знала это, Коро, можетъ быть, еще раньше чѣмъ ты. Можетъ быть, съ момента того поцѣлуя, которымъ она проводила тебя на нашу брачную ночь. И я знаю также, что ты любишь меня попрежнему и твоя любовь ко мнѣ только еще болѣе возвысилась бы, если бы ты пришелъ къ Формикѣ.

— Но вѣдь я не могу оставить тебя. Развѣ Формика замѣнитъ мнѣ всю глубину твоей любви, твою ласку, твою заботу? Развѣ будетъ она бережно поддерживать мое творчество, какъ драгоцѣнный даръ? Она сожигаетъ, но не строитъ. Она изгонитъ призраковъ изъ потемокъ моей души, но не населитъ ее свѣтлыми

видѣніями. Я не могу оставить тебя и уйти къ ней. Но я не могу и быть безъ нея.

Руки Ліи были мокры отъ слезъ художника, но она не отнимала ихъ. Она смотрѣла куда-то вдаль, поверхъ головы Коро и думала. И въ художникѣ зарождалась надежда,—что возлюбленная спасетъ его.

68.

Открытъ весь широкій просторъ земли. Нѣтъ уголка, куда не могла бы ступить нога человѣка. Въ вѣчной смѣнѣ красокъ можно провести всю жизнь. Отъ сухихъ льдовъ полюса къ влажной жарѣ тропиковъ, отъ затеряннаго въ океанѣ ничтожнаго островка къ самому сердцу возрожденной для новой жизни песчаной пустыни.

Но не влечетъ никуда. Замерли лѣниво текущіе часы. И нѣтъ ни силъ, ни охоты покинуть долину стараго Павла.

И каждаго изъ строителей что-нибудь свое, особенное привязываетъ здѣсь. Мара неотступно слѣдитъ за Кредо и за дѣятельностью Виса тамъ, внизу. Часто спускается совсѣмъ одна на дно долины и таинственно исчезаетъ тамъ на цѣлые дни. Коро не можетъ оставить Формику. Пусть она показывается ему только въ отдаленіи, въ короткія минуты торопливаго отдыха. Онъ не можетъ уйти. И ждетъ чего-то Лія. Думаетъ подолгу и видно, что всѣ ея мысли связаны съ горами Павла.

Акро неподвиженъ. Если его не зовутъ, онъ не идетъ никуда. А у Абелы есть здѣсь все, что ей нужно: старая, испытанная любовь и вѣрные друзья.

Такъ они живутъ всѣ вмѣстѣ, все еще не помышляя

объ отъѣздѣ, а лѣто уже приближается къ концу. Красныя, желтыя и золотистыя пятна осени запестрили зеленую долину. Самая высокая горная вершина однажды покрывалась уже голубоватой шапкой перваго легкаго снѣга. Свѣжимъ холодкомъ вѣетъ отъ этой вершины и подъ ея дыханіемъ желтѣютъ и опадаютъ листья въ долинѣ.

Осень унылая. Часто приходятъ туманы. Небо заволакивается тучами, опускается низко надъ долиной.

Мара пришла откуда-то къ Коро и Ліи промокшая до нитки. Коро лѣпитъ статуэтку „Осень". Есть въ ней что-то похожее на утопленнаго въ озерѣ уродца.

Мара садится, не замѣчая, что цѣлые ручьи дождевой воды текутъ съ ея платья.

— Пора ѣхать, Коро.

Художникъ смотритъ на нее съ удивленіемъ. Такъ рѣдко бываетъ теперь, чтобы каменщица говорила. И до сихъ поръ именно она меньше всѣхъ думала объ отъѣздѣ. И чуткая Лія сразу поняла, что случилось что-то новое.

— Есть вѣсти отъ Вилана. Онъ зоветъ на открытіе маяка. Тамъ, на сѣверѣ, уже кончился день. И маякъ готовъ.

Только-то? Нѣтъ, не это. Странно неподвижны глаза Мары. Смотрятъ пристально въ одну точку, какъ глаза больного Кредо, и какъ будто, ничего не видятъ. Нѣтъ, не Виланъ зоветъ ее.

— Мнѣ все равно!—равнодушно соглашается Коро.— Я не останусь здѣсь, если всѣ уѣдутъ.

— Черезъ два дня!—говоритъ Мара.—Онъ зоветъ черезъ два дня. Ты готовъ?

Лія отвѣчаетъ за него, и онъ не понимаетъ, какой смыслъ — тайный смыслъ — вкладываетъ она въ свой отвѣтъ:

— Хорошо, мы отправимся всѣ вмѣстѣ черезъ два дня.

Мара ушла. Сквозь мокрое окно долго видно было, какъ она медленно подвигалась впередъ по тропинкѣ. Потомъ туманный дождь скрылъ ее въ мокромъ сумракѣ. Мокрые слѣды остались на полу.

— Развѣ не будетъ все то же самое и черезъ два дня, Лія? Можетъ быть, и такой же скучный дождь будетъ падать съ неба.

— Нѣтъ, Коро. Многое измѣнится.

И хочется вѣрить ея спокойному убѣждающему голосу, ея ласковой улыбкѣ. Но, кажется: если распрашивать—вѣра погаснетъ. Пусть будетъ такъ, какъ будетъ.

За окномъ, куда ушла Мара, мокро и пустынно, а рядомъ съ Ліей—уютно и тихо. Такъ хороша эта тишина, когда хочется прогнать прочь злыя мысли. Но мысли непослушны они приходятъ, какъ хозяева, вносятъ въ уютъ холодъ и пустоту.

— Лія, моя избранная... Холодно мнѣ. Только палящій огонь согрѣетъ меня, вернетъ къ жизни.

Чтобы развлечь его, она играетъ съ ребенкомъ. Сынъ тянетъ къ отцу свои слабыя ручки и, кажется, силятся что-то сказать смѣшныя, пухлыя губы.

69.

Прояснило. Трусливо убѣжали сѣрыя тучи. Отдѣльныя упрямыя клочья ихъ хотѣли было пріютиться на склонѣ горы, подъ нависшими утесами. Но и оттуда прогналъ ихъ теплый южный вѣтеръ.

За время дождя опали всѣ желтые, красные и золотые листья. Долина была теперь совсѣмъ голая, со

сброшенной лѣтней одеждой, и выглядѣло старческимъ ея обнаженное тѣло.

Въ горахъ было лучше. Тамъ трава оставалась зеленой до самаго снѣга и не имѣли значенія времена года для покрывающихъ скалы пушистыхъ лишайниковъ.

Коро ушелъ въ горы. Долго бродилъ тамъ, пока мускулы не заныли отъ усталости. Посѣтилъ котловину съ прахомъ Павла. Трава тамъ была истоптана и примята. Такъ ее, израненную, и захватила осень.

Долго брелъ безъ цѣли по какой-то, едва замѣтной тропинкѣ. Напился воды изъ холоднаго ключа. Вспугивалъ маленькихъ желтоватыхъ звѣрьковъ, ютившихся въ норкахъ подъ камнями. Они отбѣгали недалеко и, присѣвъ на заднія лапки, внимательно слѣдили за движеніями художника. Не боялись человѣка, который не преслѣдовалъ ихъ, но и не совсѣмъ довѣряли ему.

Добрался до ущелья, гдѣ было безлюдно и, вмѣстѣ съ людьми, какъ будто, оставилъ далеко позади и свои мысли. Не думалось. Хотѣлось просто дышать, смотрѣть. Видѣть, какъ живутъ большія скалы и маленькіе звѣрьки. И вспоминалъ свое пытливое дѣтство, когда неразгаданныя тайны сторожили повсюду и такимъ большимъ представлялся тѣсный міръ. Дни тогда были длинные, длинные, и вмѣщали въ себѣ много: надежды и разочарованія, познанія и увлеченія. Теперь день—какъ часъ.

Возвращался домой, когда уже смеркалось. Увидѣлъ огни долины, острыми лучами пронизавшіе воздухъ. И по этимъ лучамъ, какъ по торной дорогѣ, вернулось все прежнее, что въ горахъ осталось за плечами.

Думалъ найти Лію одну, какъ всегда, склонившуюся надъ сыномъ. И отступилъ невольно, когда рядомъ съ Ліей засвѣтлѣли волосы Формики. Онъ давно уже не видѣлъ вмѣстѣ этихъ двухъ женщинъ, которыхъ соеди-

нила въ единое его любовь. А теперь, когда увидѣлъ,—почувствовалъ еще сильнѣе и глубже, какъ онѣ обѣ для него неразрывны и необходимы.

Лія положила руки на плечи Коро.

— Формика ѣдетъ съ нами. Ты знаешь это, Коро?

Но онъ зналъ уже больше—чѣмъ она сказала, и съ радостной благодарностью цѣловалъ ея руки, и чистый лобъ, и глаза—ласковые глаза возлюбленной и матери.

Потомъ Формика говорила задумчиво и немножко грустно,—съ особенной, сладкой грустью счастья:

— Ты знаешь, ты видишь,—не я хотѣла этого, Коро. Лучше бы я осталась здѣсь навсегда, одинокая и никому ненужная, глотала бы до конца жизни сухую пыль вычисленій, чѣмъ нанести ударъ счастью Ліи. И когда ты пріѣхалъ, мнѣ такъ трудно было не пойти навстрѣчу твоей новой любви, потому-что вѣдь я уже такъ долго и страстно ждала тебя. Но любовь Ліи—выше моей и выше твоей, Коро. Впервые пришла въ міръ такая любовь. И наше счастье—это ея счастье,—счастье Ліи. Она поняла.

— И ты ѣдешь съ нами завтра же?

— Нѣтъ, Коро. Я должна еще исполнить обѣщанное. За послѣднѣе время я работала очень много и упорно, и мнѣ нужно теперь всего только нѣсколько дней, чтобы совсѣмъ закончить трудъ Павла. Вы отправитесь теперь на сѣверный маякъ, куда васъ зоветъ Виланъ. А затѣмъ я приду къ вамъ, гдѣ бы вы ни были. Приду къ вамъ обоимъ.

Онъ не спорилъ. Теперь онъ готовъ былъ ждать еще долго, ждать и только ждать, хотя бы до самой смерти. Но другая мысль омрачила его радость.

— Нѣтъ ли здѣсь жертвы, Лія? Твоя душа глубже моей и ты можешь воспринять многое, что недоступно мнѣ. И я знаю: если бы я былъ на твоемъ мѣстѣ, то

это была бы жертва. Но тяжести этой жертвы я не могъ бы снести.

— Не всякая ли любовь—свѣтлая жертва? Но то, что отдаешь въ ней—возвращается. И не кончилась ли моя печаль вмѣстѣ съ твоей?

Долго еще въ этотъ вечеръ сидѣли втроемъ, и мало говорили, чутко прислушиваясь къ своимъ обновленнымъ мыслямъ. Представлялось имъ, что за стѣнами нѣтъ ничего, нѣтъ міра. И живутъ только они трое связанные въ одинъ союзъ, взаимно дополняющіе другъ друга. А если уйдетъ одинъ изъ трехъ—рухнетъ новое счастье, какъ рушится зданіе съ подрытымъ фундаментомъ.

Когда Формика уходила, чтобы снова приняться за работу, художникъ сказалъ ей:

— А ты не думаешь, что Виланъ радъ былъ бы увидѣть тебя? Чужое счастье не причинитъ ему боли. Онъ слишкомъ добръ.

Формика улыбнулась.

— Виланъ утѣшился. Я знала, что дѣлала, когда не согласилась раздѣлить съ нимъ свою жизнь. И лучше пусть уже онъ теперь не увидитъ меня, чтобы не вспыхнула случайно старая привязанность.

Она закрыла плащемъ свои волосы, какъ сдѣлала уже это однажды при встрѣчѣ съ Коро. Художникъ и Лія остались вдвоемъ, но то, что внесла съ собой третья, не умерло вмѣстѣ съ затихшимъ шелестомъ ея платья.

Все такъ же ненуженъ былъ міръ,—лежавшій внизу темный міръ, пронизанный стрѣлами ночныхъ огней.

70.

Все было готово къ отправленію. Пришлось долго ждать Мару, которой никто не видѣлъ еще со вчераш-

няго вечера. Присоединилась, наконецъ, къ своимъ друзьямъ и она,—молчаливая, съ каменнымъ лицомъ, Не спускала глазъ съ Кредо, который уѣзжалъ неохотно, но послушно.

И въ самую послѣднюю минуту донеслась вдругъ вѣсть со дна долины:

— Случилось небывалое. Убитый человѣкъ лежитъ среди поля, покрытый собственной кровью.

Замеръ смѣхъ. Смертнымъ ужасомъ, ужасомъ давно забытаго преступленія повѣяло отъ этихъ словъ. И не сговариваясь, всѣ вмѣстѣ, ученики и строители, устремились туда, въ долину, не желая вѣрить и уже убѣжденные въ томъ, что свершилось.

Вся сонная долина шумѣла растревоженнымъ муравейникомъ. Толпы людей сливались вмѣстѣ и стремились къ одной точкѣ, туда, гдѣ кто-то невѣдомый осквернилъ землю. Даже съ лица Ліи сбѣжало спокойствіе. Она шла вмѣстѣ съ Коро и Формикой, и страннымъ контрастомъ представлялись лица этихъ двухъ женщинъ: одна—гнѣвная, какъ древнее правосудіе, съ горящими глазами, въ огнѣ растрепавшихся волосъ, другая — угнетенная и подавленная, съ тоской во взглядѣ, похожей на тоску раненнаго оленя.

Быстрой пчелой неслась Абела. И раньше всѣхъ была уже у трупа.

Онъ лежалъ на краю дороги, съ закинутой назадъ головой и уродливо скорченными ногами. Одну руку прижалъ къ груди, какъ бы защищаясь отъ все еще грозящаго удара. Другая глубоко зарылась въ песокъ закоченѣвшими пальцами. Широко открытые глаза смотрѣли вверхъ, но небо не отражалось въ нихъ.

Волосы на головѣ слиплись отъ чего-то темнаго и густого, и мозгъ сѣрымъ дряблымъ комочкомъ вылѣзалъ изъ раздробленнаго темени.

Сначала Абела не могла уловить ни одной знакомой черты въ этомъ искаженномъ лицѣ. Только остеклѣвшіе глаза напоминали что-то недавнее. Можетъ быть, такой взглядъ былъ у Кредо, когда писатель находился подъ дѣйствіемъ опьяняющаго яда.

Подошла еще ближе, чтобы вглядѣться. Но нога наступила на что-то скользкое, растекавшееся отъ головы широкой лужей. Противное красное пятно осталось на обуви. Такъ вотъ она—кровь, пролитая убійцей. И сейчасъ же, еще исполненная отвращенія, вспомнила,—кто это.

Когда подошелъ Акро, сказала ему:

— Ты видишь? Убили Виса.

Злобный отшельникъ лежалъ на сырой отъ недавняго дождя землѣ, на той землѣ, которую онъ такъ ненавидѣлъ. Казалось, она сама ополчилась на своего врага, сжала его въ своихъ каменныхъ объятіяхъ, задушила, залила кровью. Не вѣрилось, что участвовала здѣсь преступная рука человѣка.

И если бы это сдѣлала сама земля,—это было-бы страшно, но красиво,—и никто не посмѣлъ бы отнять у нея права на судъ.

Тѣснымъ кругомъ склонились надъ трупомъ живыя, внимательныя головы. Кто то со стономъ упалъ на колѣни у самой кровяной лужи.

— Кредо, зачѣмъ ты здѣсь?

Никто не замѣтилъ, какъ онъ пришелъ, пока не увидѣли его, упавшаго передъ трупомъ. Но на его лицѣ не было сожалѣнія къ погибшему. Одинъ только ужасъ,—какъ будто писатель догадывался о чемъ то, что не было извѣстно никому другому. Акро поднялъ его и отвелъ всторону. Зубы Кредо стучали подъ полосой блѣдныхъ губъ.

— Ужасъ! Ужасъ! Я не могу видѣть его больше! Уведи меня.

И кое гдѣ мелькали еще въ толпѣ блѣдныя, утомленныя лица съ расширенными зрачками, съ дрожащими, слабыми членами,—многіе изъ тѣхъ, которые приходили къ Вису за его напиткомъ. Они стонали и плакали, словно дѣти, разбившіе любимую игрушку. Но никто изъ нихъ не рѣшался подойти къ трупу настолько близко, чтобы заглянуть ему прямо въ лицо.

Смертельный ударъ, несомнѣнно, былъ нанесенъ спереди, человѣкомъ довольно высокаго роста и очень крѣпкаго сложенія. Орудіе преступленія валялось тутъ же,—простой круглый булыжникъ, окровавленный, съ прилипнувшей прядью волосъ Виса.

Убитаго подняли и унесли. Но широкая кровавая лужа осталась на мѣстѣ, а на мягкомъ сыромъ пескѣ отпечатались очертанія человѣческаго тѣла.

— Будутъ ли искать убійцу?—спросилъ Коро кого-то изъ жителей долины, который убиралъ трупъ, а теперь мылъ въ ручьѣ испачканныя руки.

Тотъ отрицательно покачалъ головой.

— Зачѣмъ? Если онъ, дѣйствительно, виновенъ, то рано или поздно онъ казнитъ себя самъ. Мы не знаемъ, что заставило его поднять камень. Можетъ быть, настоящій убійца именно тотъ, кто лежалъ сейчасъ посреди поля.

Другіе разсказывали еще съ откровенной ненавистью, которой не могла погасить даже сама смерть, что Висъ часто выходилъ по ночамъ изъ своего жилища, потому-что многимъ онъ раздавалъ свой напитокъ прямо на дорогахъ. Было похоже, что онъ ждалъ чего-то,—но, во всякомъ случаѣ, не этой смерти.

— Онъ былъ злой и опасный человѣкъ. Должно быть, кто-нибудь изъ давнихъ враговъ подстерегъ его

и убилъ. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ не трусъ, потому-что встрѣтился съ Висомъ лицомъ къ лицу, а не напалъ на него изъ-за угла.

Сказалъ какой-то старикъ:

— Я зналъ хорошо своего дѣда. И онъ никогда не разсказывалъ мнѣ ни о какомъ убійствѣ. А злыхъ людей, я думаю, и прежде было не меньше, чѣмъ теперь. Наши поля опозорены. Что можетъ вырости изъ этой крови? Такое сѣмя не даетъ хорошихъ всходовъ.

— Да, но некому больше отравлять нашихъ братьевъ.

Слушая это, Коро вспомнилъ о тайнѣ Виса. Никто не знаетъ теперь состава напитка. И тайна яда умретъ вмѣстѣ съ его творцомъ. Ему начинало казаться, что убійцей руководила мысль болѣе твердая и болѣе разумная, чѣмъ можно было судить по самой гнусности небывалаго поступка.

Если онъ виновенъ—онъ самъ найдетъ свою казнь. Но почему-то хотѣлось—хотя кровь на пескѣ еще не высохла—что-бы больше не было никакого ужаса и никакой казни.

Расходились съ мѣста убійства медленно, унося тяжелый грузъ печали и смутныхъ думъ. Слишкомъ непривычно было самое зрѣлище внезапной и злой смерти, чтобы вспоминать и пересчитывать грѣхи убитаго.

— Нехорошо только, что мертвый онъ былъ столь же безобразенъ, какъ и живой! — говорила Абела.— Смерть должна была очистить его.

Акро поддерживалъ писателя, чувствовавшаго себя совсѣмъ больнымъ. Его мозгъ, ослабленный ядомъ, реагировалъ теперь слишкомъ болѣзненно.

— Мнѣ кажется, что моя собственная голова расколота надвое, какъ гнилой орѣхъ... Ты думаешь, я знаю, кто это сдѣлалъ? Нѣтъ, я не знаю. Не хочу знать. И никогда не спрашивай меня, кто убилъ Виса.

Потомъ онъ вспомнилъ, что не будетъ больше получать волшебнаго напитка,— но отнесся къ этому лишенію почти спокойно.

— Сейчасъ я просто усталъ и у меня болитъ голова. А что будетъ завтра—я не знаю.

Было рѣшено, не смотря на болѣзнь, не оставлять писателя здѣсь, такъ какъ путешествіе должно было лучше развлечь его.

Когда подходили уже къ постройкамъ учениковъ Павла, Абела вспомнила:

— Гдѣ же Мара? Развѣ она не спускалась съ нами въ долину?

— Вѣроятно, она чувствовала себя усталой и потому не пошла съ нами. Вѣдь ея цѣлую ночь не было дома и она вернулась только къ самому моменту назначеннаго отъѣзда.

Коро быстро взглянулъ на Лію. Она поспѣшно отвела свой взглядъ всторону, но художникъ успѣлъ замѣтить, что жестокая разгадка не ему первому пришла въ голову. И онъ еще разъ подумалъ:

— Если она виновна, то казнитъ сама себя.

71.

Смѣшались ужасъ со счатьемъ, тревога съ радостью. Хорошо было выпутаться, наконецъ, изъ этихъ нежданныхъ сѣтей, на просторѣ взмахнуть отдохнувшими крыльями. Даже неизбѣжная, хотя и недолгая разлука съ Формикой не огорчала Коро. Не все ли равно, сегодня или завтра? Счастье уже здѣсь, и это счастье держитъ въ своихъ вѣрныхъ рукахъ Лія.

— Акро, намѣтилъ ли ты уже себѣ новую работу?

— Нѣтъ еще. Вѣдь ты знаешь, что я немного могу сдѣлать одинъ. Я жду, когда ты позовешь меня.

— На этотъ разъ будетъ нѣчто хорошее, упрямый скульпторъ. Лучше того дворца, который мы строили на югѣ. Лучше храма Весны. Но я не знаю еще, что именно.

— Вотъ, нашъ прежній Коро возродился!—сказалъ скульпторъ своей подругѣ.—На югѣ бывали минуты, когда мнѣ становилось страшно за его творчество. Не безсиліе замѣчалъ я въ немъ, нѣтъ. Но была въ немъ какая-то пустота, творческая тоска и неудовлетворенность, накладывавшая на всѣ его вещи особый, нехорошій отпечатокъ. Должно быть, теперь все пойдетъ иначе. Онъ опять заберетъ въ руки и себя самаго, и всѣхъ насъ, своихъ помощниковъ. Слушай, пчелка... Если бы ты не была достаточно хороша для меня, мой веселый другъ... я полюбилъ бы Лію за одно только то, что она спасаетъ намъ Коро. Не всякій поступилъ бы на ея мѣстѣ такъ, какъ она.

Абела не замѣтила его шутки. Она отвѣтила спокойно и почти строго:

— Не въ томъ дѣло, Акро. Намъ, женщинамъ, она указала дорогу. И мы должны будемъ пойти по ней, если захотимъ и въ будущемъ остаться вашими вѣрными друзьями и помощницами. Для этого нужно только стряхнуть съ себя ту старую пыль, которая еще осталась на насъ... И кто хочетъ побѣдить—пойдетъ за Ліей.

— Можетъ быть, пчелка. Я лично доволенъ тѣмъ, что есть... Но посмотри на Кредо. Нашъ отъѣздъ сразу оживилъ его.

Прежняя тихая задумчивость возвращалась понемногу на лицо писателя, вмѣсто болѣзненнаго безпокойства и унынія недавнихъ дней. Однако, онъ держался особнякомъ и разговаривалъ охотно только съ Ліей. Когда приближалась Мара, онъ отворачивался и поспѣшно уходилъ.

Коро смотрѣлъ на руки Мары,—не женственныя руки, съ крѣпкими сплетеніями мускуловъ и сухожилій. Да, только такая рука могла съ одного удара раскроить черепъ Виса. Онъ былъ убѣжденъ, что именно здѣсь злобный отшельникъ нашелъ свой нежданный конецъ. Нанизывалъ на одну нить вспоминавшіеся разговоры и случайные намеки. И нить вела къ каменщицѣ.

Можно было понять и прежде, что она любитъ писателя сильнѣе, чѣмъ высказываетъ это. Ея каменной натурѣ необходима была дѣтская мягкость Кредо, какъ свѣжая вода нужна растенію. Она отомстила Вису за свою любовь такъ, какъ это могъ сдѣлать только каменщикъ. Когда-то она восхищалась старымъ баральефомъ, изображавшимъ древнихъ людей.

Разговаривая съ Марой, художникъ боялся обронить нечаянное слово, которое могло бы показать каменщицѣ, что ея тайна раскрыта. И во время разговора не могъ отвести взгляда отъ ея рукъ. Ему казалось, что на этихъ выпуклыхъ мускулахъ остались еще слѣды темной, густой крови.

Мара замѣтила его сдержанность, совсѣмъ замкнулась въ себѣ. Веселье Абелы раздражало ее. Когда раздавался смѣхъ, она болѣзненно вздрагивала и уходила прочь, какъ Кредо.

Путешественники быстро приближались къ цѣли. Изъ глубокой осени вступили уже въ зиму. Сплошной толстой пеленой лежалъ снѣгъ на огромной равнинѣ.

— Скоро мы увидимъ и льды Вилана.

Дорогой ребенокъ произнесъ первое слово: позвалъ свою мать. Такъ ново и необычно прозвучало это слово.

— Вотъ, скоро онъ уйдетъ отъ насъ въ свою особую жизнь!—думалъ Коро.—Но даже и на другомъ концѣ земли останется все-таки нашимъ дѣтищемъ, нашимъ твореніемъ. Почему же въ тѣ дни, когда едва не охла-

дѣло мое чувство къ Ліи, онъ не послужилъ новой, неразрывной связью между нами? И почему только теперь, когда я опять весь полонъ любви, я чувствую, что я отецъ и радуюсь этому маленькому, смѣшному слову, которое онъ произнесъ, еще не сознавая его значенія?

Смотрѣлъ на Лію, словно ждалъ отъ нея отвѣта. А у Ліи былъ теперь одинъ только отвѣтъ на всѣ его стремленія и мысли,—и этотъ отвѣтъ отвѣчалъ на все.

Чуть брезжила погасающая заря. Дальній сѣверъ былъ близко.

72.

Среди дикой ледяной пустыни возникъ новый памятникъ генія человѣка. Простая черная башня, разсчитанна на столѣтія. И внутри этой башни, за ея толстыми стѣнами, которыя защищали отъ холода и непогоды—сложные и тонкіе инструменты, затѣйливый механизмъ. Въ назначенный часъ онъ зажжетъ на вершинѣ башни ослѣпительный, немеркнущій свѣтъ, лучъ котораго перекинется черезъ всю пустыню, указывая дорогу. Это—маякъ.

Виланъ издалека замѣтилъ приближеніе строителей. Здѣсь, въ пустынѣ, слишкомъ рѣдки были случайные гости. Сказалъ темноволосой женщинѣ, стоявшей рядомъ съ нимъ на верхней площадкѣ башни:

— Это они! Я ждалъ ихъ. Я зналъ, что они пріѣдутъ.

— Всѣ твои друзья?

— Да, я думáю. Они неохотно покидаютъ другъ друга.

— И всѣхъ ихъ ты ждешь одинаково?

Онъ не сразу понялъ, почему женщина такъ настойчива. Потомъ засмѣялся.

— О, Астрея! Въ вашей странѣ слишкомъ холодно, но наша кровь слишкомъ горяча... Если даже Формика съ ними...

— Я хотѣла бы, чтобы ея не было.

— Даже если бы ея прибытіе было для меня праздникомъ?

— Вотъ именно поэтому.

— Ты слишкомъ жестока, Астрея. Развѣ ты не чувствуешь, что все прошлое минуло для меня навсегда? Мы провели здѣсь вмѣстѣ долгіе мѣсяцы. И развѣ вспомнилъ я хоть разъ о томъ, что было до встрѣчи съ тобой?

— Ты вспоминалъ много разъ. И когда ты впервые поцѣловалъ меня, ты въ моемъ лицѣ цѣловалъ все ту же Формику.

— Они уже близко, Астрея. Неужели изъ пустой прихоти ты не встрѣтишь моихъ друзей привѣтливо и радушно?

Но онъ не дождался отвѣта и торопливо спустился внизъ. Слышалъ знакомые голоса. И знакомые слѣды затемнѣли на недавно выпавшемъ, рыхломъ снѣгу: трехъ мужчинъ и трехъ женщинъ. Узналъ высокую Лію, быструю Абелу. Долго всматривался, пока узналъ и Мару.

— У тебя мрачныя владѣнія, Виланъ. Мнѣ кажется, ты и самъ долженъ былъ сдѣлаться холоденъ, какъ ледъ и черенъ, какъ твой маякъ.

— Мы едва не запоздали, Виланъ, но это случилось не по нашей винѣ.

Онъ отвѣчалъ и разсказывалъ, но на языкѣ у него вертѣлся вопросъ, который онъ не рѣшался задать. И слегка смущенный, повелъ ихъ въ свои владѣнія,— круглую комнату въ самомъ подножіи башни. Здѣсь было тепло и уютно,—и свѣтло, очень свѣтло. За ли-

шенія полугодовой ночи Виланъ вознаграждалъ себя свѣтомъ въ своей собственной комнатѣ.

Здѣсь онъ еще разъ всмотрѣлся въ лица друзей. Кредо, самый младшій, выглядѣлъ самымъ пожилымъ. На лбу Коро появилась незнакомая складка. И взглядъ его остановился на Ліи.

— Лія, материнство принесло тебѣ пользу. Я не ожидалъ, что ты можешь быть еще лучше, чѣмъ какою я тебя оставилъ. А Мара... Тебѣ было холодно дорогой? Ты не такъ слаба, чтобы утомиться отъ этого переѣзда. Почему же ты такъ непривѣтливо смотришь?

— Я всегда одна и та же, Виланъ. Ты ошибаешься.

— Гдѣ же твой ребенокъ, Лія? Покажи мнѣ его поскорѣе. Здѣсь, на сѣверѣ, дѣти слишкомъ рѣдкіе гости,—и хорошо, что ты не побоялась привезти его. Ну, онъ уже ходитъ? Нѣтъ? Развѣ дѣти такъ долго не начинаютъ ходить? Признаться, я не зналъ этого. Это не по моей части. А вотъ, онъ уже тянется къ свѣту. Онъ будетъ моимъ ученикомъ. Ты согласна, Лія. Право же, добывать свѣтъ—совсѣмъ не такое плохое ремесло. Сегодня вы будете торжествовать вмѣстѣ со мною.

Онъ болталъ безъ умолку, переходя отъ одного къ другому, и весь сіялъ радостью встрѣчи, но сквозь эту радость замѣтно проглядывали смущеніе и нерѣшительность.

Почему нѣтъ Формики? И что случилось съ Марой? И почему у бѣднаго писателя такой болѣзненный видъ, какъ будто онъ собирается послѣдовать за Галомъ? Онъ внимательно слѣдилъ за жизнью друзей, но даже тѣ подробности ихъ жизни, въ которыхъ онъ былъ освѣдомленъ, мало объясняли ему все это. Должно быть, самые послѣдніе дни принесли новое, — или только вскрыли то, что незримо накоплялось раньше.

Когда прошелъ первый приливъ радости, Виланъ

вышелъ и вернулся со своей новой подругой, которая ждала его на верхней площадкѣ. Объяснилъ коротко:

— Вотъ—Астрея. Вы уже знаете ее. Любите ее такъ же, какъ я. Она славный человѣкъ, хотя и слишкомъ сѣверный.

Астрея посмотрѣла на женщинъ. Той, золотоволосой, нѣтъ между ними. И сѣверная женщина повеселѣла.

Мужчины заговорили съ Астреей, а Виланъ подошелъ къ Абелѣ, такъ какъ надѣялся, что она разскажетъ ему всѣхъ подробнѣе обо всемъ, что не дошло еще до его свѣдѣнія.

И она разсказала, что передъ самымъ отъѣздомъ они пережили еще одну смерть, самую ужасную изъ всѣхъ, потому что самую неожиданную. Убили Виса, котораго они узнали, когда отдыхали на островѣ. И разсказала еще,—тихонько, чтобы не слыхалъ Кредо,—о напиткѣ, который изготовлялъ убитый, и о злыхъ дѣлахъ, которыя, благодаря этому напитку, совершались въ долинѣ.

— Но кто же убилъ его?

Взволнованный, онъ спросилъ это очень громко, и пристальный взглядъ Мары остановился на его лицѣ. Тогда онъ переспросилъ тихо, съ робкимъ трепетомъ:

— Кто же убилъ его?

Никто не назвалъ имени, но Коро отвѣтилъ:

— Тотъ, кто убилъ, самъ найдетъ свою казнь.

— Виланъ, милый Виланъ,—сказала Абела ненужно веселымъ голосомъ и, взявъ Вилана за руку, отвела его всторону такъ, чтобы онъ не могъ больше видѣть лица каменщицы,—почему же ты не спрашиваешь ничего о Формикѣ? Съ какого времени мертвые интересуютъ тебя больше живыхъ?

И она разсказала о Формикѣ,—и Виланъ почувствовалъ, какъ сердце у него сжалось,—но совсѣмъ немного

и совсѣмъ ненадолго. Потомъ онъ подошелъ къ Ліи, поцѣловалъ ее и сказалъ:

— Это для тебя и для Формики. Ты передашь ей отъ меня, если я еще не скоро увижу ее.

73.

Кончилась новая схватка въ вѣчной борьбѣ между днемъ и ночью, — и на этотъ разъ побѣждала ночь. Густая тѣнь охватила все небо, душила слабую зарю, которая медленно умирала.

Виланъ стоялъ на площадкѣ маяка и смѣялся.

— Пусть! Она не знаетъ какое оружіе мы для нея приготовили... Ковали зиму и лѣто и выковали славный мечъ.

Крѣпкій морозъ щипалъ ему лицо, но онъ не замѣчалъ ничего. И подъ маской смѣха скрывалъ безпокойство: будетъ-ли все такъ, какъ предположено по разсчетамъ? Ни въ одномъ сооруженіи Вилану и механикамъ не приходилось еще побѣждать столько трудностей, какъ здѣсь, на этой черной скалѣ. Столько разъ побѣда казалась уже совсѣмъ близкой, но какая-нибудь непредвидѣнная, ничтожная случайность разстраивала всѣ предположенія. У ледяной пустыни были свои суровые законы. Робость и неувѣренность въ своихъ силахъ всегда охватывала Вилана въ послѣднюю минуту,— а здѣсь, во льдахъ, тѣмъ болѣе тревожила невѣдомая опасность.

Съ верхней площадки онъ сотни разъ спускался внизъ, въ подвалы, удивляя привычныхъ къ точнымъ разсчетамъ механиковъ своей ненужной суетливостью. Его безпокойствомъ волновалась и Астрея.

— Мнѣ всегда казалось, что вы задумали слишкомъ

дерзкое дѣло... Посмотри: поднимается туманъ и темнота еще сильнѣе сгустится. Вашъ огонь будетъ здѣсь, какъ ничтожная искорка.

Иглистый морозный туманъ плотнымъ облачкомъ ползъ съ юга, охватилъ подножіе башни, тянулъ все дальше и дальше безформенныя цѣпкія руки. Издали казалось, что снѣгъ вдругъ сдѣлался легкимъ, поднялся и волнуется въ воздухѣ.

— Побѣда или пораженіе,—но вы должны быть свидѣтелями!—говорилъ Виланъ, провожая своихъ друзей на верхнюю площадку, откуда все поле будущей битвы было передъ ихъ глазами. И опять скрылся за стѣной рычаговъ, колесъ и скрѣпленій.

Акро старательно укутывалъ Абелу въ теплую одежду.

— Такой климатъ — не для пчелки. Кажется, одна только Астрея чувствуетъ себя здѣсь совсѣмъ хорошо.

Абела смѣялась.

— Ну, я думаю, и Виланъ также. Отъ мороза его лицо похоже на желѣзо, но онъ никогда еще не былъ такимъ бодрымъ. Для Кредо было бы полезно, если бы онъ пожилъ здѣсь немного. Ты не находишь, Кредо?

— Здѣсь?

Писатель почти съ отвращеніемъ передернулъ плечами. Этотъ край представлялся ему огромной могилой,—а онъ слишкомъ уже много могилъ видѣлъ за послѣднее время, чтобѣ и здѣсь стоять передъ вѣчнымъ зрѣлищемъ смерти.

— Не знаю, гдѣ я теперь найду себѣ мѣсто. У меня былъ мой рай, но его отняли. Можетъ быть, такъ и слѣдовало сдѣлать. Но что же мнѣ дали взамѣнъ? Вотъ, вы ждете побѣды, а мнѣ жаль будетъ, если даже и сѣверная ночь будетъ побѣждена. Скоро не останется ничего, передъ чѣмъ остановилась бы ваша грубая сила.

Легкій, дрожащій гулъ отозвался въ стѣнахъ башни. Механики пустили въ ходъ свои машины.

— Смотрите!—кричала Абела.—Смотрите.

Первый, еще слабый и, какъ будто, робкій, лучъ свѣта вырвался изъ башни. Морозный туманъ злобно охватилъ его со всѣхъ сторонъ, смялъ, погасилъ. Онъ едва могъ прокладывать себѣ дорогу, уже побѣжденный, и совсѣмъ погасъ, не добравшись до горизонта. Астрея вздохнула. Вѣдь она говорила ему, этому упрямцу, что такъ и будетъ. И сердца строителей сжались тревогой за товарища. Они знали, какъ тяжело отзывается на немъ всякая неудача въ излюбленномъ дѣлѣ.

Но послѣ перваго приступа слабости лучъ понемногу окрѣпъ выросъ. Нащупалъ своимъ остріемъ край неба. Мѣстами почти совсѣмъ прерывался, мѣстами казался болѣе яркимъ. Словно проложилъ первыя вѣхи для торной дороги.

И по этимъ вѣхамъ сразу искристымъ, пламеннымъ водопадомъ хлынулъ огромный, могучій потокъ свѣта, метнулъ прочь туманную тьму, раздавилъ ее такъ же, какъ она пыталась смять его передового гонца. Выбросилъ побѣдное огненное знамя на далекой тучѣ и медленно, неспѣшно обошелъ всю пустыню, возвратившись опять къ исходной точкѣ. И вездѣ, гдѣ проходилъ онъ, воскресалъ день, снѣгъ блестѣлъ и переливался радугой, голубѣли прозрачные льды.

Маякъ былъ готовъ. Онъ указывалъ и освѣщалъ путь господамъ земли въ покоренномъ царствѣ темноты и холода.

— Онъ погаснетъ! Что если онъ погаснетъ?—шептала Астрея.

Но свѣтъ не погасалъ. Онъ горѣлъ теперь легко и ярко, шутя разбивая туманъ, и побѣдное знамя волно-

валось на тучѣ, а черныя стѣны башни вздрагивали и трепетали отъ напряженной работы машинъ.

Пришелъ Виланъ, — утомленный и блѣдный даже сквозь свой зимній загаръ. Только теперь, когда побѣда была обезпечена, сказалась усталость.

— Вѣдь это недурно сдѣлано, друзья?

Вмѣсто отвѣта Астрея прижалась къ нему, какъ ребенокъ.

— Ты сильнѣе... А я и не знала, что ты такой хорошій... большой... великій... Какъ я люблю тебя!

74.

Виланъ и Лія—вдвоемъ.

— Я знаю, что все будетъ хорошо, разъ ты сама сдѣлала это. Ты сама ввела третью въ нашъ союзъ и я чувствую, что такъ будетъ хорошо. Потому что если онъ не можетъ жить безъ тебя, то онъ такъ же и не можетъ быть настоящимъ Коро безъ Формики. Чтобы насладиться тихимъ покоемъ плодовитаго творчества онъ долженъ повременамъ кипѣть. И душа его будетъ ясна, какъ твои глаза.

— И тебя не огорчаетъ, что теперь ты теряешь Формику, можетъ быть, навсегда?

— Ты знаешь, что во мнѣ нѣтъ зависти. А кромѣ того—я почти доволенъ и тѣмъ, что имѣю.

— Теперь твое дѣло здѣсь кончено. Ты отправляешься съ нами?

— Отправляюсь съ вами?

Онъ замялся.

— Ты поймешь это, Лія. Астрея любитъ сѣверъ. И съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь, я тоже люблю ея льды и снѣга. Кромѣ того, я люблю свѣтъ, а теперь его здѣсь въ избыткѣ и никакая ночь не страшна мнѣ.

— Ты хочешь остаться?

— Долженъ же кто-нибудь наблюдать за огнемъ. Большинство механиковъ тоже уѣзжаетъ на югъ. А я пока останусь здѣсь, вмѣстѣ съ Астреей. Конечно, я могъ бы найти себѣ занятіе покрупнѣе, чѣмъ присмотръ за уже готовымъ огнемъ. Но я знаю, что пока мнѣ будетъ хорошо и здѣсь.

— И надолго?

— Едва ли. Я не закрываю глазъ на то, что есть. Астрея немножко требовательна. Должно быть, она слишкомъ уже сѣверная. И когда мы охладѣемъ другъ къ другу, ничто не будетъ больше удерживать меня здѣсь. Коро, говорятъ, затѣваетъ новую большую работу. Надѣюсь, что тамъ и для меня хватитъ достаточно дѣла.

Лія улыбнулась. Виланъ простодушно признавался въ той деспотической власти, которую имѣла надъ нимъ сѣверная женщина. Не хотѣлось уѣзжать безъ Вилана, но уговаривать его было безполезно. Придетъ время и онъ самъ займетъ свой постъ среди строителей.

Коро стремился на югъ, къ работѣ. И еще одна мечта привлекала его къ уже знакомымъ мѣстамъ. Тамъ, на берегу быстрой рѣки, долженъ былъ закончиться праздникъ Весны.

Съ отъѣздомъ спѣшили.

Шумной гурьбой собирались механики. У нихъ не было своей Астреи, которая могла бы вдохнуть живую душу въ холодные льды, и они рвались изъ мертвой пустыни, какъ изъ тяжелаго плѣна. Мечтали о теплѣ и цвѣтахъ, о свѣжей весенней зелени.

Въ рыхломъ снѣгу передъ маякомъ устроили веселое прощанье. Выбрали Астрею повелительницей сѣвера и сдѣлали ей изо льда, при помощи Акро, узорный тронъ, расцвѣченный огнями. И она сидѣла на этомъ

тронѣ въ пушистой бѣлой мантіи, какъ настоящая повелительница, а въ глазахъ у нея отражалось сіяніе маяка.

Никто не удивился, кромѣ Кредо, когда Мара сказала своимъ старымъ друзьямъ, что она оставляетъ ихъ и отправляется въ путь вмѣстѣ съ механиками. Чувствовали, что тяготятъ однимъ своимъ видомъ, безпечнымъ и радостнымъ, даже эту каменную волю.

Писатель, впервые послѣ долгаго промежутка, подошелъ къ каменщицѣ, и крѣпко сжалъ обѣ ея руки.

— Ты оставляешь меня?

Она отвѣтила коротко и холодно:

— Развѣ ты не оставилъ меня самъ?

— Это прошло, Мара. Это прошло, какъ только я почувствовалъ, что могу не увидѣть тебя больше, — не услышу твоего голоса,—не узнаю никогда больше твоихъ ласкъ. Вѣдь я совсѣмъ одинокъ безъ тебя.

— Я еще больше одинока, Кредо.

— Со всѣми ты жестока, но со мною ты была когда-то ласкова. Возьми и меня съ собой, куда бы ты ни отправилась.

— Я сдѣлала для тебя уже все, что могла, Кредо. И теперь мое сердце замкнулось.

— Зачѣмъ же тогда меня лишили напитка Виса? Я опять ушелъ бы въ царство мечты.

— Напитокъ исчезъ и никогда больше не осквернитъ землю, какъ не осквернитъ ее и твой Висъ. Ахъ, Кредо, должно быть, я сдѣлала для тебя больше, чѣмъ могла!

Онъ посмотрѣлъ на нее внимательно.

— Скажи, Мара... Скажи мнѣ, кто убилъ Виса?

Каменщица поняла, что и этотъ слабый человѣкъ, наконецъ, приближается къ истинѣ. Но она не хотѣла, чтобы онъ узналъ эту истину изъ ея устъ и отвѣтила только:

— Можетъ быть, ты хочешь возмездія? Тогда вспомни, что отвѣтилъ Коро, когда Виланъ спросилъ о томъ же, о чемъ спрашивалъ ты.

Она освободила свои руки изъ рукъ писателя и ушла. И когда Кредо хотѣлъ переговорить съ нею еще разъ, онъ уже не нашелъ ее на маякѣ. Она уѣхала вмѣстѣ съ механиками.

Никто больше не видалъ суровой каменщицы, а Кредо жилъ. Но краски его сказокъ поблекли.

75.

Знакомый, счастливый, праздничный холмъ, увѣнчанный храмомъ,—но блеклы и унылы тона глубокой осени на его склонахъ, и подернулась тонкими льдинами быстрая рѣка.

Тихо шумитъ вѣтеръ въ рѣзныхъ карнизахъ, жалобно вздыхаетъ между длинными рядами высокихъ колоннъ. Шелеститъ сухая трава. Безлюдно кругомъ. Теперь не праздникъ, а скучный сонъ.

Вотъ пятеро поднимаются по склону, по песчаной дорогѣ.

— Поздняя осень, Коро. И такъ тоскливо теперь у храма. Когда-то придетъ весна?

— Она здѣсь.

Стѣны храма темны и мрачны. Кажется, что онѣ уже стары,—а пятеро помнятъ, какъ клали на мѣсто каждый изъ этихъ камней. И память о Марѣ, каменщицѣ съ крѣпкими руками, приходитъ вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра.

Двери такія тяжелыя и, должно быть, холодныя: не раскрыть ихъ, жалобно заскрипятъ въ петляхъ.

— Когда придетъ Весна, Коро?

— Она здѣсь.

Пятеро останавливаются у порога и тяжелыя двери распахиваются сами собой. За ними — Весна. И волной вырываются навстрѣчу осеннему вѣтру свѣтъ и радость.

Возлюбленная и мать стоитъ на своемъ несокрушимомъ подножіи и трепещетъ ея нагое мраморное тѣло трепетомъ вѣчно возрождающейся и возрождающей любви. На полу храма, на стѣнахъ, на подножіи богини—живые, пахучіе цвѣты. Это подарокъ Абелы.

Здѣсь нѣтъ осени. Здѣсь вѣчная Весна.

Пятеро живутъ въ этой веснѣ. И все злое, ненужное, — тамъ за стѣнами, тамъ, гдѣ шелеститъ осенній вѣтеръ поблекшей травой. Здѣсь — любовь, которая не умираетъ и не старѣется.

Молча склоняютъ головы.

Молча поклоняются Вѣчному Творчеству.

